

## ПЕРЕТЦ

титулярный советник

№ 1

## О П И С Ъ

делу о титулярном советнике Перетце

Число  
бумагСтраницы  
в деле

Вопросы, сделанные 11 февраля:

1. Капитану Муравьеву с ответом его . . . . .	1
2. Подпоручику Рылееву с ответом . . . . .	2
3. Подполковнику князю Трубецкому с ответом . . . . .	3
4. Штабс-капитану Александру Бестужеву с ответом . . . . .	4
5. Поручику князю Оболенскому с ответом . . . . .	5
6. Коллежскому асессору Пущину с ответом . . . . .	6
7. Полковнику Нарышкину с ответом его . . . . .	7
8. Полковнику Митькову с ответом . . . . .	8

Вопросы, сделанные 15 февраля:

9. Генерал-майору князю Волконскому с ответом его на оный . . . . .	9
10. Штабс-капитану Поджио с ответом . . . . .	10
11. Подпоручику Бестужеву-Рюмину с ответом . . . . .	11
12. Подполковнику Матвею Муравьеву-Апостолу с ответом его . . . . .	12
13. Подполковнику Сергею Муравьеву-Апостолу с ответом . . . . .	13
14. Штабс-ротмистру князю Борятинскому с ответом . . . . .	14 //
	(л. 2 об.)
15. Полковнику Давыдову с ответом его . . . . .	15
16. Полковнику Александру Муравьеву и ответ его . . . . .	16
17. Полковнику Пестелю с ответом . . . . .	17
18. Допрос, снятый с титулярного советника Перетца [господином] генерал-адъютантом Левашевым . . . . .	18
19. Показание Перетца 24 февраля . . . . .	19, 20
20. Вопросы Перетцу 22 февраля . . . . .	21 по 26
21. Ответы его на оные 28 февраля . . . . .	26—40
22. Дополнение к оным 4 марта . . . . .	40
23. Вопрос Перетцу 11 марта . . . . .	41
24. Ответ его на оный . . . . .	42—46
25. Вопрос капитану Муравьеву 12 марта с ответом его . . . . .	46
26. Вопрос капитану Якушкину того же числа и ответ на оный . . . . .	47
27. Вопрос полковнику Александру Муравьеву 12 же марта с ответом его . . . . .	48
28. Вопрос полковнику Нарышкину того же 12 марта с ответом . . . . .	49
29. Вопрос князю Оболенскому того ж 12 марта с ответом . . . . .	50
30. Вопрос подполковнику Михаиле Муравьеву того ж числа с отве- том . . . . .	51

<sup>1</sup> Вверху листа помета карандашом: «№ 66».

Число бумаг	Страницы в деле
31. Вопросы титулярному советнику Семенову 12 же марта и ответы его на оные . . . . .	52, 53 // (л. 3)
32. Письмо Перетца . . . . .	54, 55
33. Вопросы ему 14 марта . . . . .	56 по 70
34. Ответы Перетца 18 марта . . . . .	70—80
35. Донесение его 19 марта . . . . .	80
36. Очная ставка Перетцу с Семеновым 22 марта . . . . .	81
37. Показание Перетца того же числа . . . . .	82, 83
38. Прошение его 25 марта . . . . .	84
39. Отпуск с отношения к г[осподину] коменданту С[анкт]- Петербургской крепости от 29 марта № 534 . . . . .	85
40. Показание Перетца 30 марта . . . . .	86, 87
41. Вопросные пункты действительному статскому советнику Гурьеву с ответами его . . . . .	88, 89
42. Донесение Перетца 6 апреля . . . . .	90, 91
43. Прошение его 11 апреля . . . . .	92, 93
44. Вопросы Семенову 18 мая . . . . .	94, 95
45. Ответ его 21 мая . . . . .	96
46. Вопросы Перетцу с ответами на оные . . . . .	97, 98
47. Аттестат, данный Перетцу из экспедиции о государственных доходах за № 3898 . . . . .	99
48. Показание о нем же, Перетце . . . . .	100
49. Записка о нем же, Перетце . . . . .	101 и 106

Надворный советник Ивановский // (л. 4)

## № 2 (1)

1826 года 11 февраля высочайше учрежденный Следственный комитет требует от г[осподина] капитана Муравьева следующего показания.

Титулярный советник Григорий Перетц с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят? Какое принимал участие в намерениях и действиях общества? Был ли известен о предприятиях на 14 декабря и не способствовал ли к произведению известного неустройства<sup>1</sup>?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf

Честь имею донести, что титулярный советник Перетц, без сомнения, вошел в общество после моего отбытия из Петербурга, поелику он и сношения его с обществом, мне равно неизвестны.

Капитан Муравьев<sup>2</sup>

Февраля 11-го дня

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf // (л. 5)

<sup>1</sup> На полях против вопросов Следственного комитета карандашом написан список декабристов: «1. Никита Муравьев, 2. Нарышкин, 3. Митьков, 4. Рылеев, 5. Трубецкой, 6. Александр Бестужев, 7. Оболенский, 8. Пущин» и сделана помета чернилами: «О Перетце спросить еще Александра Муравьева, Пестеля, обоих Муравьевых-Апостолов, Бестужева, Юшневского, Волконского, Давыдова, Барятинского, обоих Поджю». <sup>2</sup> Ответ написан Н.М.Муравьевым собственноручно.

№ 3 (2)

1826 года 11 февраля высочайше учрежденный Следственный комитет требует от г[осподина] отставного подпоручика Рылеева показание сего:

Титулярный советник Григорий Перетц с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят? Какое принимал участие в намерениях и действиях общества, был ли известен о предприятиях оного на 14 декабря и не способствовал ли произведению известного неустройства?

Г[енерал]-адъютант Бенкendorf

Кем и когда принят в члены тайного общества титулярный советник Перетц, мне неизвестно; равномерно, какое принимал участие в намерениях и действиях общества. Я его вовсе не знаю, и потому не знаю также, был ли он известен о предприятии нашем на 14 декабря и способствовал ли произведению оного.

Подпоручик Кондратий Рылеев<sup>1</sup>  
Г[енерал]-адъютант Бенкendorf // (л. 6)

№ 4 (3)

1826 года 11 февраля высочайше учрежденный Следственный комитет требует от г[осподина] полковника князя Трубецкого следующего показания:

Титулярный советник Григорий Перетц с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят? Какое принимал участие в намерениях и действиях общества, был ли известен о предприятии оного на 14 декабря и не способствовал ли произведению известного неустройства?

Г[енерал]-адъютант Бенкendorf

Я совершенно ничего не знаю относительно означенного титулярного советника Григория Перетца.

Полковник князь Трубецкой<sup>2</sup>  
Г[енерал]-адъютант Бенкendorf // (л. 10)

№ 5 (4)

1826 года 11 февраля высочайше учрежденный Следственный комитет требует от г[осподина] штабс-капитана л[ейб]-гвардии Драгунского полка Бестужева следующего показания.

Титулярный советник Григорий Перетц с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят? Какое принимал участие в намерениях и действиях общества, был ли известен о предприятии оного на 14 число декабря и не способствовал ли произведению известного неустройства?

Г[енерал]-адъютант Бенкendorf

*Ответ.* Я знаю только по слуху бывшего банкира Перетца, но о титулярном советнике слышу впервые. Знаком я был по литературе с чиновником Перцовым (имени не знаю), но тот к обществу никогда не принадлежал, и я месяца полтора до происшествия его не видел. О первом только, судя по фамилии, думаю, что он не мог принадлежать к обществу, ибо оно избирало преимущественно русских.

Штабс-капитан Александрович Бестужев<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Ответ написан К.Ф.Рылеевым собственноручно.

<sup>2</sup> Ответ написан С.П.Трубецким собственноручно.

<sup>3</sup> Ответ написан А.А.Бестужевым собственноручно.

*Прибавление.* Припомнив теперь обстоятельства, предшествовавшие происшествию, я долгом почитаю сказать, что кн[язь] Одоевский говорил мне об одном из Плещеевых, кажется, о том, который повыше ростом.

Да, не помню, кн[язь] ли Оболенский или Никита Муравьев, ска// (л. 10 об.) зал мне в прошлом году, на выходе, когда поздоровался с кн[язем] Вяземским (тем, который из карабинеров в кавалергарды переведен) — он наш. Впрочем, как это было давно и сказано мимоходом, то я боюсь ошибиться.

Штабс-капитан Алекс[андр] Бестужев<sup>1</sup>  
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf // (л. 11)

№ 6 (5)

1826 года 11 февраля высочайше учрежденный Следственный комитет требует л[ейб]-г[вардии] Финляндского полка от г[осподина] поручика кн[язя] Оболенского следующего показания.

Титулярный советник Григорий *Перетц* с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят? Какое принимал участие в намерениях и действиях общества, был ли известен о предприятии на 14 декабря и не способствовал ли произведению известного неустройства?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf

Титулярный советник *Григорий Перетц* ни по прежнему обществу, ни по нынешнему мне совершенно неизвестен, и потому я совершенно ничего не могу об нем показать, исключая того, что из числа членов, лично мне известных, никто его в общество не принимал, разве скрытно от меня, впрочем и в сем сомневаюсь, ибо между членами общества я его никогда не видел и лично даже не знаю и не знал его никогда.

Князь Евгений Оболенский<sup>2</sup>  
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf // (л. 12)

№ 7 (6)

1826 года 11 февраля высочайше учрежденный Следственный комитет требует от г[осподина] коллежского асессора *Пущина* следующего показания.

Титул[арный] советник Григорий *Перетц* с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят? Какое принимал участие в намерениях и действиях общества, был ли известен о предприятии оного на 14 декабря и не способствовал ли произведению известного неустройства?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf

По требованию Комитета сим честь имею ответствовать, что мне совершенно неизвестно, принадлежит ли к обществу титулярный советник *Перетц*; я его не знаю и никогда об нем не слыхал.

К сему показанию коллежский асессор Иван Пущин руку приложил<sup>3</sup>.

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf // (л. 13)

№ 8 (7)

1826 года 11 февраля высочайше учрежденный Следственный комитет требует от г[осподина] полковника *Нарышкина* следующего показания.

<sup>1</sup> Дополнение к ответу написано А.А.Бестужевым собственноручно.

<sup>2</sup> Ответ написан Е.П.Оболенским собственноручно.

<sup>3</sup> Ответ написан И.И.Пущиным собственноручно.

Титулярный советник Григорий *Перетц* с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят? Какое принимал участие в намерениях и действиях общества, был ли известен о предприятии на 14 декабря и не способствовал ли произведению известного неустройства?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf

Ответ. Честь имею известить, что я г[осподи]на *Перетца* не знаю и никогда не слыхал об нем.

Полковник Нарышкин<sup>1</sup>  
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf // (л. 14)

№ 9 (8)

1826 года 11 февраля высочайше учрежденный Следственный комитет требует от г[осподина] полковника *Митькова* следующего показания.

Титулярный советник Григорий *Перетц* с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят? Какое принимал участие в намерениях и действиях общества, был ли известен о предприятии на 14 декабря и не способствовал ли произведению известного неустройства?

О всем вышесказанном касательно титулярного советника *Перетца* я ничего не слыхал.

Полковник Митьков<sup>2</sup>  
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf // (л. 17)

№ 10 (9)<sup>3</sup>

1826 года февраля 15 дня высочайше учрежденный Следственный комитет требует от г[осподина] генерал-майора князя *Волконского* следующего показания.

Титулярный советник Григорий *Перетц* с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят и какое принимал участие в намерениях и действиях общества?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf

Чрез сие число имею почтеннейше донесть, что мне неизвестно, принадлежал ли к числу членов общества вышеозначенный господин *Перетц*; лично с ним я не знаком и никогда о нем не имел сведения, либо он принадлежал к тайному обществу, и по сему не могу дать показания по вышеозначенным от меня требуемым сведениям о г[осподи]не *Перетце*, и заверяю, что объясняю сие по чистой справедливости.

Февраля 15 дня Генерал-майор князь Волконский 4-й<sup>4</sup>  
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf // (л. 18)

№ 11 (10)

1826 года февраля 15 дня высочайше учрежденный Следственный комитет требует от штабс-капитана *Поджио* следующего показания.

Титулярный советник Григорий *Перетц* с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят и какое принимал участие в намерениях и действиях общества?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf

<sup>1</sup> Ответ написан М.М.Нарышкиным собственноручно.

<sup>2</sup> Ответ написан М.Ф.Митьковым собственноручно.

<sup>3</sup> Вверху листа помета чернилами: «Читано 15 февраля».

<sup>4</sup> Ответ написан С.Г.Волконским собственноручно.

1826 года февраля 15 дня. Высочайше учрежденный Следственный комитет требует от меня показания на счет г[осподи]на Перетца, честь имею донести, что я ни от кого из знакомых не слыхал, чтобы титулярный советник Григорий Перетц принадлежал к оному — я г[осподи]на Перетца совершенно не имею чести знать и неизвестно мне, кто из членов общества тайного с ним имеет знакомство, и для того не могу сказать, с какого времени г[осподин] Перетц принадлежит к обществу, кем он принят был и какое принимал участие в намерениях и действиях общества.

Отставной штабс-капитан Поджио<sup>1</sup>  
Г[енерал]-адъютант Бенкendorf // (л. 19)

№ 12 (11)

1826 года февраля 15 дня высочайше учрежденный Следственный комитет требует от г[осподина] подпоручика Бестужева-Рюмина следующего показания.

Титулярный советник Григорий Перетц с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят и какое принимал участие в намерениях и действиях общества?

Г[енерал]-адъютант Бенкendorf

Буде Комитет узнат от кого-либо, что мне существование Перетца известно, да предаст меня тягчайшему наказанию. Я готов присягою утвердить сие.

Подпоручик Бестужев-Рюмин<sup>2</sup>  
Г[енерал]-адъютант Бенкendorf // (л. 23)

№ 13 (12)

1826 года февраля 15 дня высочайше учрежденный Следственный комитет требует от подполковника Матвея Муравьев-Апостола следующего показания.

Титулярный советник Григорий Перетц с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят и какое принимал участие в намерениях и действиях общества?

Г[енерал]-адъютант Бенкendorf

Титулярного советника Григория Перетца я вовсе не знаю. Когда я был в Петербурге в 1822 году он не принадлежал Северному обществу.

Отставной подполковник Матвей Муравьев-Апостол<sup>3</sup>  
Г[енерал]-адъютант Бенкendorf // (л. 24)

№ 14 (13)

1826 года февраля 15 дня высочайше учрежденный Следственный комитет требует от подпоручика Сергея Муравьева-Апостола следующего показания.

Титулярный советник Григорий Перетц с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят и какое принимал участие в намерениях и действиях общества?

Г[енерал]-адъютант Бенкendorf

О титулярном советнике Григории Перетце я ничего не знал и не слыхал никогда, чтобы он был член Северного общества, Южному он не принадлежит.

Подпоручик Муравьев-Апостол<sup>4</sup>  
Г[енерал]-адъютант Бенкendorf // (л. 25)

<sup>1</sup> Ответ написан И.В.Поджио собственноручно.

<sup>2</sup> Ответ написан М.П.Бестужевым-Рюминым собственноручно.

<sup>3</sup> Ответ написан М.И.Муравьевым-Апостолом собственноручно.

<sup>4</sup> Ответ написан С.И.Муравьевым-Апостолом собственноручно.

### № 15 (14)

1826 года февраля 15 дня высочайше учрежденный Следственный комитет требует от штабс-ротмистра князя Борятинского следующего показания.

Титулярный советник Григорий Перетц с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят и какое принимал участие в намерениях и действиях общества?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf

Я никогда не слыхал о члене сего имени и совершенно не знаю ничего на его счет.

Л[ейб]-гвардии Гусарского полка князь Борятинский<sup>1</sup>  
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf // (л. 29)

### № 16 (15)

1826 года февраля 15 дня высочайше учрежденный Следственный комитет требует от г[осподина] полковника Давыдова следующего показания.

Титулярный советник Григорий Перетц с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят и какое принимал участие в намерениях и действиях общества?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf

Честь имею донести высочайше учрежденному Комитету, что о титулярном советнике Перетце я совершенно не знаю и имени сего не слыхал никогда.

Отставной полковник Давыдов<sup>2</sup>  
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf // (л. 30)

### № 17 (16)

1826 года февраля 15 дня высочайше учрежденный Комитет требует от г[осподина] подполковника Александра Муравьева сведения.

Не известно ли вам, когда и кем был принят в члены тайного общества тит[улярный] советник Григорий Перетц и какое принимал участие в намерениях и действиях общества?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf

Честь имею донести высочайше учрежденному Комитету, что я тит[улярного] советника Григория Перетца вовсе не знаю и никогда ничего о нем и не слыхал.

Полковник Александр Николаев сын Муравьев<sup>3</sup>  
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf // (л. 31)

### № 18 (17)

1826 года 15 февраля высочайше учрежденный Комитет требует от г[осподина] полковника Пестеля сведения.

Не известно ли вам, когда и кем был принят в члены тайного общества титул[ярный] сов[етник] Григорий Перетц и какое принимал участие в намерениях и действиях общества?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf

1 Ответ написан А.П.Борятинским собственноручно.

2 Ответ написан В.Л.Давыдовым собственноручно.

3 Ответ написан А.Н.Муравьевым собственноручно.

Никогда не слыхал ни от кого, чтобы Перетц принадлежал к тайному обществу и даже совершенно ничего про него не знаю.

Полковник Пестель<sup>1</sup>  
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf // (л. 35)

№ 19 (18)<sup>2</sup>

№ 240. Титулярный советник *Перетц*

В 1819 или 1820 году я был принят в тайное общество г[осподино]м Глинко<sup>3</sup>. Намерение оного было сделать изменение в правительстве и ввести конституцию. Членами знал я Семенова, служащего в министерстве народного просвещения, и Кутузова Измайловского полка. Мне препоручено было принимать членов, но с ведома сих лиц. В 1820 году я принял прапорщика Искрицкого, Синявина, Дробуша и Данченко; двое последние уже умерли. Впоследствии времени узнал, что Искрицкий принял Лаппу. Общество полагало средством достижения своей цели распространение всеобщего неудовольствия, делая гласным несправедливости и ошибки<sup>4</sup> правительства. Я сим занимался около двух лет; но, наконец, видя невозможность извлечь из сего ожидаемого доброго<sup>5</sup> последствия, решился от общества отдалиться. Явным манером я не отказался, но сношения<sup>6</sup> старался прервать. На совещаниях, во все продолжение времени, я не был, и более вышеупомянутых лиц к обществу принадлежащими не знал. О происшествии 14-го числа я заранее ничего не знал<sup>8</sup>. В день происшествия ни малейшего участия // (л. 35 об.) в оном не брал, и с тех пор нового сношения с обществом не имел. Несколько недель тому Искрицкий приходил ко мне<sup>9</sup>, сказал, что он в сей день будет арестован, и просил 100 рублей денег, которые я ему дал. Насчет принятия в общество сына генерал-губернатора Кутузова, препоручения Искрицкому я, кажется, не давал, но утвердительно сказать сего не могу и не знаю, был ли он принят или нет. Я думаю, что показал все, что знаю; но буде что запомнил, то готов сделать все зависящие от меня дополнения.

Григорий Перетц<sup>10</sup>  
Генерал-адъютант Левашов // (л. 36)

№ 20 (19)<sup>11</sup>

В высочайше утвержденный Комитет для изыскания о злоумышленных обществах

титулярного советника Перетца

Покорнейшее прошение

Желая исполнить со всею зависящею от меня точностию приказание оного Комитета о чистосердечном без всякой утайки показании касательно лиц и действий тайных обществ, я, для лучшего приведения себе на память всех обстоятельств, не

<sup>1</sup> Ответ написан П.И.Пестелем собственноручно.

<sup>2</sup> Вверху листа помета карандашом: «На главной гауптвахте», внизу листа помета карандашом: «22 февр[аля]».

<sup>3</sup> Далее зачеркнуто: «О».

<sup>4</sup> Слова «Общество полагало... своей цели» вписаны над строкой вместо зачеркнутых слов «средство достижения цели особенно».

<sup>5</sup> Слова «и ошибки» вписаны над строкой.

<sup>6</sup> Слово «доброго» вписано над строкой.

<sup>7</sup> Далее зачеркнуто: «медленно».

<sup>8</sup> Слова «О происшествии 14-го числа... не знал» подчеркнуты карандашом.

<sup>9</sup> Далее зачеркнуто два слова.

<sup>10</sup> Показания подписаны Г.А.Перетцом собственноручно.

<sup>11</sup> Вверху листа помета чернилами: «Читано 24 февраля».

могу не замедлить несколько ответом на учиненные мне вопросы; между тем осмеливаюсь всепокорнейше просить оный Комитет: не благоугодно ли будет спрятаться, предварил ли я г[осподина] действительного статского советника Василия Петровича Гурьева для доклада покойному [санкт]-петербургскому господину военному генерал-губернатору графу Михайле Андреевичу Милорадовичу об опасении насчет возмущения? Хотя сие для г[осподина] Гурьева, конечно, будет не приятно, во 1-х, потому, что никому не желательно быть по подобному делу и малейше прикосновенным и, во 2-х, по преданности его к покойному, // (л. 36 об.) бывшему его благодетелем, и вследствие представления коего, он и теперь уповаает на высокомонаршую милость; за всем тем надеюсь на честные его правила, а более еще уверен я в правосудии и проницательности господ следователей, что какой бы оборот г[осподин] Гурьев обстоятельству сему не дал, все откроется, что я не только не содействовал в бунте, но, напротив, исполнил в сем случае долг верноподданного и отца семейства, сделав все, что в слабых моих силах состояло, для отвращения опасности, всем вместе и каждому особенно равно грозившей, о которой я, как по делу окажется, знал только гадательно; слух о том, может быть, дошел до членов тайных обществ, и сие купно с удалением моим от них в течение последних лет, по которому, как догадываюсь, давно уже разные терплю неприятности, вооружают их вредить мне как прямо наговорами, так косвенно внушениями и поисками через неоткрытые еще связи, по которым могут иметь влияние и на умы людей поли// (л. 37)тического образа мыслей совершенно противоположного; всепокорнейше прошу войти в благорассмотрение вышеизложенного со всем человеколюбием святой вере<sup>1</sup>, священной волей монаршой и благим нашим законам соответствующим.

Титулярный советник Григорий Перетц<sup>2</sup>  
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf

Февраля 24-го дня  
1826 года // (л. 38)

№ 21 (20)<sup>3</sup>

1826 года 22<sup>4</sup> февраля в присутствии высочайше учрежденного Комитета титулярный советник Перетц спрашиван о нижеследующем.

1

Как ваше имя, отчество и фамилия, какого вы исповедания, сколько вам от роду лет, ежегодно ли бываете на исповеди и у святого причастия, где служите, не были ль под судом, в штрафах и подозрениях и за что именно?

2

Где вы воспитывались, каким особенно учились наукам и кто преподавал вам оные?

3

В котором точно году, где и каким именно Глинкою вы были приняты в члены тайного общества? Кто был свидетелем приема вашего и кому потом вы были представлены из членов общества? // (л. 38 об.)

4

Не имело ли то общества какого-либо особенного названия, где находилась дума или управление оного, кто были начальствующими лицами и кого знали вы вначале и впоследствии времени членами общества?

<sup>1</sup> Слова «святой вере» вписаны над строкой.

<sup>2</sup> Прошение написано Г.А.Перетцом собственноручно.

<sup>3</sup> Вверху листа помета чернилами: «Читано 8 марта».

<sup>4</sup> Число «22» вписано другим почерком и другими чернилами.

Кто были первоначальными основателями сего общества и какие причины подвигнули их к учреждению оного?<sup>1</sup>

В чем заключалась настоящая цель или намерения сего общества и какими средствами предполагалось действовать для достижения оной?<sup>2</sup>

В чем состоял устав или правила общества, где и у кого вы оный видели и читали? Скажите его содержание или главные черты<sup>3</sup>. // (л. 39)

Что побудило вас вступить в сие общество и с каким намерением вы присоединились к нему?<sup>4</sup>

У кого, где и когда бывали вы на совещаниях или беседах членов? Кто именно разделял оные и что было предметом сих совещаний; объясните сие подробно, сказав, о чем было рассуждаемо, что было положено и кто какые подавал мнения утвердительные и отрицательные<sup>5</sup>?

Кто из членов наиболее стремился к распространению и утверждению мнений общества советами, сочинениями и личным влиянием на других?<sup>6</sup>

Кто именно<sup>7</sup>, когда и при ком<sup>8</sup> возложил на вас обязанность принимать // (л. 39 об.) членов? На чем должны вы были основывать свой выбор, какие при том наблюдать формы<sup>9</sup> и отбирать обязательства и кому о том<sup>10</sup> доносить?<sup>11</sup>

Комитету известно, что вы бывали во многих местах России. Объясните, где именно встречали вы членов общества и сверх поименованных вами кого, где и когда вы еще приняли, что именно открывали им о духе и цели общества и какие возлагали на них обязанности?

Будучи членом и пользуясь правом приема, вы само по себе должны были знать о постепенности успехов и образе действий общества, как равно о изменениях правил, видов и средств оного. Объясните все сие и то, с кем // (л. 40) и когда на совещаниях или отдельных встречах рассуждали вы о всем том и какие правила принимали себе в руководство?<sup>12</sup>

<sup>1</sup> Против 5-го пункта помечено карандашом на полях: «8».

<sup>2</sup> Против 6-го пункта помечено карандашом на полях: «9».

<sup>3</sup> Слово «черты» подчеркнуто карандашом. Ниже помета карандашом: «какие». Против 7-го пункта помечено карандашом на полях: «10».

<sup>4</sup> Против 8-го пункта помечено карандашом на полях: «13».

<sup>5</sup> Против 9-го пункта помечено карандашом на полях: «14».

<sup>6</sup> Против 10-го пункта помечено карандашом на полях: «15».

<sup>7</sup> Далее вставлено над строкой карандашом: «и».

<sup>8</sup> Слова «и при ком» зачеркнуты карандашом.

<sup>9</sup> Далее вставлено над строкой карандашом: «И кого вы приняли?»

<sup>10</sup> Слова «о том» вписаны над строкой.

<sup>11</sup> Против 11-го пункта помечено карандашом на полях: «16».

<sup>12</sup> Против 13-го пункта помечено карандашом на полях: «17».

На кого возложено было рассмотреть и доказать выгоды и невыгоды как монархического, так и республиканского правления с тем, чтобы каждый из членов объявил свое мнение, которое из двух правлений почитает удобнейшим для России. Объясните, когда и кем было предпочтено республиканское правление, какого вы были мнения и кому объявили оное?<sup>1</sup>

На чем основаны были надежды общества в исполнении плана его, требовавшего сильных подпор? И кто // (л. 40 об.) из известных в государственной службе лиц подкреплял своим участием сии надежды?<sup>2</sup>

Когда общество предполагало начать открытые действия, какими средствами думало оно преклонить на свою сторону войска и произвесть революцию и что в сем случае замышлял употребить противу священных особ августейшей царствующей фамилии? Кто какие делал о том предложения и настаивал о исполнении оных?<sup>3</sup>

У кого видели вы экземпляры конституций, для России приготовленных? Не участвовали ль и вы в составлении оных? В каком духе они были написаны и кто составлял их?<sup>4</sup> // (л. 41)

Что известно вам было о существовании тайных обществ, ту же цель имевших, на Юге и в Польше? Равным образом о их сношениях между собою и о членах первого и последнего? Наименуйте кого вы знаете.<sup>5</sup>

Что и от кого известно вам было о покушении капитана Якушина в 1817 году на жизнь покойного государя, а равно и о новых замыслах капитана Якубовича и членов Южного общества в 1825-м покуситься на жизнь покойного государя?<sup>6</sup>

Дали ль вы подписку не принадлежать к масонским ложам и ни к каким тайным обществам? Когда и кому дали ону и какие причины побудили // (л. 41 об.) вас скрывать от правительства, что вы член тайного общества, имеющего цель политическую и столь вредную для общего и частного блага и спокойствия?<sup>7</sup>

Накануне происшествия 14 декабря были ли вы у кого-либо на совещаниях? Кто находился на оных и кто какие подавал мнения? Что было положено на сих совещаниях, кому какие сделаны поручения, что положено было употребить противу августейших особ царствующей фамилии и кто вызывался для нанесения удара и завладения дворцом?<sup>8</sup>

Сверх того в особенности объясните о *Искрицком*:

а) Когда и где вы его приняли? // (л. 42)

1 Против 14-го пункта помечено карандашом на полях: «18».

2 Против 15-го пункта помечено карандашом на полях: «19».

3 Против 16-го пункта помечено карандашом на полях: «20».

4 Против 17-го пункта помечено карандашом на полях: «21».

5 Против 18-го пункта помечено карандашом на полях: «22».

6 Против 19-го пункта помечено карандашом на полях: «23».

7 Против 20-го пункта помечено карандашом на полях: «24».

8 Против 21-го пункта помечено карандашом на полях: «25».

- б) Не жили ли вы с ним вместе или<sup>1</sup> где и когда видались?
- с) Не давали ли вы<sup>2</sup> ему каких-либо политических книг или конституций, иностранных и для России приготовленных?
- д)<sup>3</sup> Какие мнения вы старались поселить в нем насчет образа правления в России и насчет иного порядка вещей, по мнению вашему, выгоднейшего для оной?
- е) Какого он был во всем том мнения и какие когда делал с своей стороны предложения о способах и действиях для приближения к цели общества?
- ф) Что открыл он вам о намерениях общества на 14 декабря, к какому участию в том приглашал вас и что на сие вы отвечали? // (л. 42 об.)
- г) После происшествия 14 декабря сколько раз, когда и где вы с ним виделись и о чём его просили?
- х) Для чего он у вас просил и вы дали ему 100 рублей?

23

Сверх всего того вы должны чистосердечно и без всякой утайки показать все, что известно вам о составе тайных обществ, о их намерениях и действиях, о лицах, к ним принадлежавших; равно о собственных действиях ваших в духе тайного общества и о происшествии 14 декабря?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf // (л. 43)

№ 22 (21)

В высочайше учрежденный Комитет  
для разыскания о злоумышленных обществах  
титулярного советника Григория Перетца

Покорнейшее объяснение

На учиненные мне вопросные пункты честь имею доложить:

На 1-й. Имя мое Григорий, отчество Абрамов, фамилия Перетц, исповедания евангелического, от роду мне 36 лет, исповеди у нас нет, у святого причастия бываю, но не ежегодно; служу я при канцелярии [санкт]-петербургского господина военного генерал-губернатора, под судом, в штрафах и подозрениях не бывал.

На 2-й. Воспитывался я в самом детстве Белорусско-Могилевской губернии, в местечке Дубровне, потом сей же губернии, Чериковского повета, в деревне Устье и, наконец, здесь в доме отца моего; особенно учился я статистике, истории и государственному хозяйству или политической экономии, науки сии преподавал мне швейцарец Лоран из Лозанны, оставшийся с того времени в России и служащий теперь профессором при Ришельевском лицее в Одессе. // (л. 43 об.)

На 3-й. Осенью 1819 или 1820 года (первое вероятнее) был я к несчастию принят в члены тайного общества полковником Федором Николаевичем Глинкою, служившим тогда при [санкт]-петербургском г[осподине] военном генерал-губернаторе; свидетелей при этом не было, а представил он меня потом служившему тогда лейб-гвардии в Измайловском полку офицером Кутузову (кажется Николаю Ивановичу) и Семенову<sup>4</sup>, служившему тогда при министерстве духовных дел и народного просвещения (имени его и отчества не помню, тоже не помню, обоим ли вдруг он меня представил или каждому особо).

На 4-й. О каком-либо особенном названии общества мне не было объявлено, ни о думе или управлении оного, а дан был вид, будто общество только что составилось, хотя мне сие казалось невероподобным; но я не хотел нескромностью

<sup>1</sup> Далее стерто: «и».

<sup>2</sup> Слово «вы» вписано над строкой другим почерком и другими чернилами.

<sup>3</sup> Буква «д» написана вместо стертой.

<sup>4</sup> Три строки от слов «свидетелей при этом не было...» подчеркнуты карандашом.

жется, что и Кутузов<sup>1</sup> однажды у меня был, но<sup>2</sup> // (л. 46) наверно не помню; у Сенявина<sup>1</sup> я бывал довольно часто, он у меня реже; с Дребушем<sup>1</sup> я имел свидание у Сенявина<sup>1</sup>, два раза я был у него и два раза он был у меня; с Лаппою<sup>1</sup> и Данченко<sup>1</sup> я имел свидание у Искрицкого<sup>1</sup>, с которым я жил в одном доме<sup>3</sup> (в доме графа Гудовича близ Аларчина моста, что ныне Энгельгардовых) и с коим потому весьма часто друг у друга видались<sup>4</sup>; раз я был у Данченко<sup>1</sup>, с коим Лаппа<sup>1</sup> стоял на одной, кажется, квартире в Измайловских казармах, а раз я был у него, когда он был в карауле у Смольного монастыря; Данченко<sup>1</sup> также раза 2 или 3 у меня был; с Лаппою<sup>1</sup> я о делах общества или вовсе не говорил, или очень поверхностно; наверно, не помню; Устимович<sup>1</sup> бывал у меня довольно часто, а я был у него раза три или четыре; предметами наших совещаний (кроме посещений для препровождения времени без особой цели) были или принятие членов и сообщение сделанных о них правилах и характере замечаний, или взаимное друг друга о действиях правительства извещение или подкрепление и утверждение в принятом намерении; рассуждали было: о тягости налогов, об излишестве войск, о военном поселении, об упадке флота, о невыгодном займе 1811 или 1812 года, при коем за рубль ассигнациями даны облигации на 50 коп[еек] серебром<sup>5</sup>, о разорительных для России иностранных займах, с 1817 года без существенной нужды сделанных<sup>6</sup>, о систематической медленности правительства в удовлетворении претензий частных людей, о многих несправедливостях, особенно в делах с казенным интересом сопряженных, об отягощении войска учением, о вояжах и строениях покойного государя императора, о малой его внимательности<sup>7</sup> к граж// (л. 46 об.)данской части, о множестве чиновников и скучном жаловании, яко главных источниках запутанностей и злоупотреблений, об учреждении министерств, об отягощении войска учением, о Государственном совете, яко новой для замедления дел инстанции, о взыскательности тогдашних великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича, наиболее о ныне царствующем государе императоре, коего описывали скучным и злопамятным, о самовластии вельмож, о весьма недостаточном и несвоевременном пособии губерниям, в коих был неурожай и голод, о восстановлении Польши<sup>8</sup>, о преимуществе завоеванных поляков и финляндцев пред завоевателями россиянами, о расходах России для Царства Польского, об определении в бывшие польские губернии губернаторов из поляков и переводе в Литовский корпус поляков, в других полках состоявших, о причислении Выборгской губернии к Великому княжеству Финляндскому, о строгости, подавшей повод к семеновскому бунту (NB. В день сего происшествия встретился я с Глинкою<sup>1</sup> у Поцелуева моста, который, остановив меня, сказал: «У нас начинается революция» и рассказал о бунте сем, о коем я ничего не знал), о строгом с сим полком<sup>9</sup> поступлении, несмотря на то<sup>10</sup>, что покойным графом Михайлою Андреевичем Милорадовичем якобы обещано было прощение, о бесполезном походе гвардии и неудовольствии тем войск, о недостатке законодательства, о Священном союзе и о делах Гибралтара и Италии. // (л. 47)

Все единогласно порицали меры<sup>11</sup> правительства; положений или приготовлений к действию, кроме прежде изъясненных общих средств у нас не было; и как, по словам Глинки, Семенова и Кутузова, общество<sup>12</sup> только что составилось, то

1 Фамилия подчеркнута карандашом.

2 Семь строк от начала абзаца на полях отчеркнуты карандашом.

3 На полях помета карандашом: «NB».

4 Слова «часто друг у друга видались» подчеркнуты карандашом.

5 Слова «о невыгодном займе... серебром» вписаны над строкой.

6 Слова «с 1817 года без... сделанных» вписаны над строкой.

7 Тринадцать строк от слов «Устимович бывал у меня довольно часто...» отчеркнуты на полях карандашом.

8 Слова «о восстановлении Польши» вписаны над строкой.

9 Пять строк от слов: «Выборгской губернии к Великому княжеству...» отчеркнуты на полях карандашом.

10 Слово «то» вписано над строкой.

11 Слова «Все единогласно порицали меры» подчеркнуты карандашом.

12 Слова «как по словам... общество» подчеркнуты карандашом.

столь же неуместно было бы о том говорить, как бы при разведении рощи о про-  
даже ожидаемого от оной леса.

На 10-й. Я всегда почитал Глинку<sup>1</sup> более всех по летам, чину и личным каче-  
ствам; Кутузов<sup>1</sup> и Семенов<sup>1</sup>, кажется, не менее его уважали, но, как члены все<sup>2</sup>  
вместе никогда не сходились, то нельзя сказать, чтоб он имел прямое влияние на  
всех<sup>3</sup>; сочинения кого-либо из членов нам никогда сообщаемы не были.

На 11-й. Обязанность о приеме членов возложили на меня Глинка, Кутузов и  
Семенов; притом<sup>4</sup> более никого не было; выбор основывался на личных способ-  
ностях и хороших правилах кандидата, преимущественно велено было набирать  
военных; кроме вышеизъясненных правил о предварительном согласии старшего  
члена и изустном сообщении кандидату постановлений общества<sup>5</sup>, вся форма со-  
стояла в отобрании у него честного слова об исполнении оных и содействии к до-  
стижению цели общества, иногда с присовокуплением слов: «Обещаю всем, что  
для меня дорого и священно». Но сие предоставлялось произволу принимающего,  
о чем всем доносимо было старшему члену, а тот далее; обязательств письменных  
не отбирались<sup>6</sup>.

На 12-й. По вступлении моем в общество я жил безвыездно здесь, бывал только  
иногда в окрестностях, ни разу далее 60 верст, но кроме помянутых лиц, я никого,  
яко члена общества, не знал. // (л. 47 об.)

На 13-й. Кроме уже изложенного, ничего присовокупить не могу, исключая  
того, что за несколько лет, не помню, когда именно, но Глинка жил еще в доме,  
где адрес-контора, он сказал мне однажды, что можно б усилить успехи нашего  
общества присоединением к обществу Елисаветы, желавшему возведения на пре-  
стол ныне вдовствующей государыни императрицы Елисаветы; знаки оного общ-  
ества, по словам Глинки, состояли в елке и книге завета, на печати вырезанных;  
более он ничего не сказал<sup>7</sup>.

На 14-й. О республиканском правлении для России при мне никогда речи не  
было, я всегда б считал сие величайшим сумасбродством.

На 15-й. Надежды общества основаны были: во 1-х, на умножение членов, во  
2-х, на возрастающее с летами влияние каждого из них; в 3-х, на продолжение со  
стороны правительства распоряжений, неудовольствие породивших, которые, буду-  
чи всемерно оглашаемы, более еще оное бы усилили, и, в 4-х, на постепенное зна-  
комство публики с политическими правами и порядком народов конституционных;  
о подкреплении кем-либо из известных в государственной службе лиц надежд об-  
щества своим участием я ни от кого не слыхал.

На 16-й. Выше уже сказано, что, как мне подавали вид, будто общество только  
что составилось, то неуместно было и думать о подробностях, о коих в сем пункте  
спрашивается; говорили только, что по нарочитом усиливании общества составят  
план действий, смотря по тогдашним обстоятельствам.

На 17-й. Экземпляров конституций для России я никогда не видал, и в состав-  
лении оных я ни малейше не участвовал; кто их составлял и в каком духе они  
были написаны мне неизвестно. // (л. 48)

На 18-й и 19-й. По содержанию сих пунктов я ни малейшего сведения не имел.

На 20-й. Подписку о том, чтоб не принадлежать к масонским ложам и ни к  
каким тайным обществам, я дал в канцелярии с[анкт]-петербургского господина  
военного генерал-губернатора вместе с другими чиновниками (когда именно, не  
помню); с того времени, а кажется и гораздо прежде, я от дел общества уда-  
лялся, а если, как кажется, сие было после отъезда отсюда помянутого Устимо-

<sup>1</sup> Фамилия подчеркнута карандашом.

<sup>2</sup> Слово «все» вписано над строкой.

<sup>3</sup> Слова «то нельзя сказать... на всех» подчеркнуты карандашом.

<sup>4</sup> Слова «Обязанность о приеме... притом» подчеркнуты карандашом.

<sup>5</sup> Слова «постановлений общества» подчеркнуты карандашом, на полях помета карандашом:  
«В чем они состояли?».

<sup>6</sup> Пять строк от слов «в отобрании у него...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены  
знаком «NB».

<sup>7</sup> Ответ на 13-й вопрос отчеркнут на полях карандашом.

вича<sup>1</sup>, то и ни малейшего в пользу оного не сделал; ему же я пред отъездом его дал ключ для переписки, коего на бумаге объяснить почти невозможно, а на словах с какою-либо книгою в руке доложу<sup>2</sup>, ключом сим мы, однако, ни разу не пользовались; Данченко<sup>3</sup> умер в первых, кажется, месяцах 1822 года; с Лапою<sup>3</sup> я с первой половины 1822 года, а может быть и долее, не видался; с Семеновым<sup>3</sup> тоже; с Кутузовым<sup>3</sup> только раз нечаянно сошелся у Глинки<sup>3</sup>; Дребуша<sup>3</sup> посещал два раза во время болезни, от кой он умер, но никаких политических разговоров не имел; Искрицкого<sup>3</sup> до происшествия 14 декабря 1825 года с самой первой половины 1822 года посетил только раз и притом видел его нечаянно у отца его, другой раз увидел он меня с балкона и просил к себе, чего я, однако, не<sup>4</sup> исполнил, третий раз встретил он меня с женою на улице, а 4-й раз сошлись мы уже в декабре 1825 года нечаянно в кондитерской, о чем далее будет рассказано, но во все сие время политических разговоров у нас не было; с Сенявином<sup>3</sup> видался хоть чаще, но касательно дел общества несколько уж лет разговора не было; у Глинки бывал // (л. 48 об.) я реже, чем раз в год<sup>5</sup> (с тех пор как он выехал из дома, где адрес-контора, до декабря 1825 года я был у него только один раз) и то без всяких о делах общества разговорах, кроме последнего свидания у него и встречи<sup>6</sup> у Плавильщика, о чем ниже объяснено будет; с Устимовичем<sup>3</sup> я с отъезда его в Грузию раза два или три переписывался<sup>7</sup>; но вовсе о посторонних предметах; во время похода гвардии, который однако был, кажется, до подписки о тайных обществах, я с Сенявином<sup>3</sup> и Дребушем<sup>3</sup> изредка переписывался, но тоже не о делах общества; словом сказать: я уже несколько лет к обществу не принадлежал; не помню, когда именно стал удаляться, но сие было еще в 1821 году; ибо я женился в январе 1822 года, а до женитьбы моей, не быв долго у Глинки<sup>8</sup>, встретился я с ним на Театральной площади; на вопрос<sup>9</sup> его, куда иду, отвечал я: «К невесте». На что он сказал: «У вас в голове любовь, а не дело»<sup>10</sup>, но причина моего удаления была не любовь, а возникшая мысль, постепенно до уверенности созревшая, что подобные предприятия ведут к общему злу, а не к добру; не объявил же я о том правительству: во 1-х, опасаясь ответственности, яко ложный доноситель, по трудности или невозможности почти представить в подобных случаях ясные и явные доказательства, как законы повелевают; сему и был пример с Сенявином<sup>3</sup>, скоро по вступлении его в общество он проговорился о существовании тайного общества одному // (л. 49) из своих знакомых (фамилии не помню, но, кажется, он был юнкером лейб-Уланского полка); сей или проговорился далее, или с намерением доносил, но дело доходило до покойного господина военного генерал-губернатора, к которому Сенявин<sup>3</sup> был призван; но по отпирательству Сенявина<sup>3</sup> и неимению доказательств тот знакомый его был, кажется, выключен; во 2-х, опасался я личных гонений от членов общества<sup>11</sup>; полагаю даже, что одно удаление мое имело уже невыгодное на судьбу мою влияние во многих случаях, зависевших от людей, противного, может быть, с ними политического образа мыслей, но в связях и знакомстве с ними или их друзьями состоявших, и, в 3-х, непреодолимая нравственная невозможность губить людей, из коих некоторые сами мною соблазнены; да позволено мне будет привести пример одного англичанина, обвиненного в укрывательстве претендента Эдуарда Стюарта; вместо оправдания обратился он к судьям

1 На полях помета карандашом: «Устим[ович]».

2 Слова «а на словах с какою-либо книгою в руке доложу» подчеркнуты карандашом.

3 Фамилия подчеркнута карандашом.

4 Две строки от слов «посетил только раз...» отчеркнуты на полях карандашом.

5 Слова «у Глинки бывал я реже, чем раз в год» подчеркнуты карандашом.

6 Слова «без всяких о делах общества...» подчеркнуты карандашом.

7 Слова «раза два или три переписывался» подчеркнуты карандашом. Шесть строк от слов «я реже, чем раз в год...» отчеркнуты на полях карандашом, против них помета: «Устим[ович]».

8 Слова «января 1822 года... у Глинки» подчеркнуты карандашом.

9 Далее зачеркнуто: «мой».

10 Слова «У вас в голове любовь, а не дело» подчеркнуты карандашом.

11 Слова «во 2-х, опасался я личных гонений от членов общества» подчеркнуты карандашом.

с вопросом: «Что б вы на моем месте сделали?». Они были столь чистосердечны, что единогласно ответствовали: «То же, что ты», и тем решили дело.

На 21-й. Накануне 14 декабря я на совещаниях не был (свидание мое с Глинкою у него дома было, кажется, прежде) и потому я по содержащимся в сем пункте вопросам ни о чем неизвестен.

На 22-й.

а) Искрицкого я принял в 1819 или 1820 году<sup>1</sup> в С[анкт]-Петербурге в доме Главного штаба, где он был дежурным.

б) О жительстве с ним сперва в одном доме и свиданиях до происшествия 14-го декабря выше уже сказано; присовокуплю только, что в первых числах декабря 1825 года виделось мы нечаянно в конди// (л. 49 об.)терской в доме Котомина, у Полицейского моста<sup>2</sup>, где я сидел и читал газеты, а он подходил ко мне и сказал, что давно не виделись; на ответ мой, что он у меня не был, извинялся он множеством занятий, сказал мне, где живет и в какие дни бывает дома и просил к себе, более мы тут ни о чем не говорили; не помню, поздравили ли мы друг друга с новым государем. Вследствие того я заезжал к нему, но не застал дома и таким образом мы до происшествия 14 декабря и в сей даже день не виделись.

с) Я давал ему, кажется, конституцию Царства Польского и гишпанскую и одну часть сочинения графа Lanjuinais<sup>3</sup> под названием «Constitutions des peuples de l'Europe» или «de tous les peuples»<sup>4</sup> мною у Глинки занятую<sup>5</sup>, кроме того, жив в одном доме, мы часто заимствовались книгами историческими и прочими; конституций же, для России приготовленных, я ему никогда не давал, да и сам их не имел.

д) Я внушал ему, как действительно тогда думал, что для России выгоднее образ правления монархический представительный<sup>6</sup> и что по обширности империи и другим местным обстоятельствам власть монарха должна быть соразмерно обширнее.

е) Он обнаруживал тогда образ мыслей с моим согласный; о способах и действиях для приближения к цели Общества он со своей стороны новых предложений не делал.

ж) О намерениях Общества на 14 декабря он мне чего-либо открыть или меня к участию пригласить не мог, поелику мы, как сказано, задолго перед тем не виделись, кроме встречи в кондитерской, где ни малейшего политического разговора не было.

На г и ж) После происшествия // (л. 50) 14 декабря виделся я с Искрицким<sup>7</sup> четыре раза, а именно<sup>8</sup>: раз, встретившись нечаянно в помянутой кондитерской, поехали оттуда по его приглашению к нему, там он сказал мне<sup>9</sup>, что чудом избавлен от опасности, что он, не знаю, накануне ли 14 декабря или близ того, был у Рылеева<sup>7</sup>, что Рылеев<sup>7</sup> вызвал в особую комнату ротных командиров, а ему сказал, что сам к нему будет, но не был, и что в самый день 14 декабря он, Искрицкий<sup>7</sup>,шел вперед (не сказал он мне, для соединения ли с бунтовщиками, или из любопытства), пока один полковник Семеновского полка, коего он мне и именовал, но я фамилию забыл, а помню только что немецкая, не остановил его, объявив, что велено стрелять в того, кто пойдет дальше; еще раз был я у него по случаю, что он заезжал ко мне и, не застав дома, оставил записку, в коей просил быть у него на другой день под предлогом пособия в займе денег для отца его, но настоящая цель была та, чтобы сообщить мне, что дядя его, журналист Булгарин, поссорив-

<sup>1</sup> Слова «Искрицкого я принял в 1819 или 1820 году» подчеркнуты карандашом и отмечены знаком «NB».

<sup>2</sup> Две строки от слов «в первых числах декабря...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

<sup>3</sup> Ланжуине (франц.).

<sup>4</sup> «Конституции народов Европы» или «всех народов» (франц.).

<sup>5</sup> Слова «Constitutions des peuples... занятую» подчеркнуты карандашом.

<sup>6</sup> Слова «Я внушал ему... представительный» подчеркнуты карандашом.

<sup>7</sup> Фамилия подчеркнута карандашом.

<sup>8</sup> Стока от слов «14 декабря виделся я с Искрицким...» отчеркнута на полях.

<sup>9</sup> Две строки от слов «раз, встретившись нечаянно...» отмечены на полях знаком «NB».

вшись с ним за непочтительность его, Искрицкого, или брата его к жене Булгарина, написал к нему записку, в коей грозил доносом<sup>1</sup>; два раза он был у меня, первый раз по договору нашему, что если он не будет арестован, чтоб он в тот день единственно для известия о том ко мне был, а последний раз, приехав ко мне, сказал он, что дядя его, тот же Булгарин<sup>2</sup>, сообщил ему, якобы он тот день будет арестован, и что Булгарин<sup>2</sup> хотел ехать к [господину] Позняку<sup>3</sup>, // (л. 50 об.) кажется, для того, чтоб попытаться, нельзя ли сего отвратить, но, как жена моя тогда входила в комнату, то я того порядочно не рассышал; по выходе ее он мне сказал, что у него нет ни копейки денег, и просил ссудить его 100 р[ублями]; хотя я знал бесполезность оных на случай ареста, но, во 1-х, думал, может быть, и не будет арестован и, во 2-х, не хотел я в несчастном его положении<sup>4</sup> опечалить его отказом, который он мог бы приписать склонности, почему и дал их ему; при сем случае услышались мы, если он не будет арестован, чтоб на третий день пополудни в 3-м часу быть в той же кондитерской; я там был, но его не видал<sup>5</sup>.

В бытность мою у Искрицкого<sup>2</sup> после 14 декабря в последний раз просил я его надписать, если может не своею рукою, адрес на письме в Лондон, от чего он, однако, отказался, отзываясь невозможностью скрыть свой почерк; повод к тому был следующий: В 1817 или 1818 году был здесь англичинский миссионер Way<sup>6</sup>, между прочим, в обращении евреев весьма усердствовавший; при нем находился тогда один обращенный еврей, который, как я впоследствии узнал, отстал от него; благочестие [господи]на Way, на любви к ближнему основанное, возбудило во мне отличное к нему уважение; он взаимно оказывал мне благорасположение и в память прислал мне из Англии Новый завет; в бытность его здесь и по отъезде его чувствовал я неоднократно склонность участвовать в его предприятиях, но положение отца моего и разные обстоятельства в том препятствовали; после манифеста о происшествии 14<sup>7</sup> // (л. 51) декабря паки возродилось во мне желание таковое, сопровождаемое свойственным всякому человеку попечением о своей безопасности; писать к нему прямо от своего имени опасался я, на случай письмо мое на почте распечатают, чтоб намерением уехать из России в теперешних обстоятельствах<sup>8</sup> не навлечь на себя подозрения, почему приготовил я письмо, в коем изъяснял, что человек с некоторым воспитанием и способностями и с большим еще усердием, которого он никогда знал и ласкал, желает участвовать в его трудах к обращению евреев и готов приехать на свой счет, если только может надеяться, что, буде окажется годным, он будет употреблен с жалованьем для умеренного содержания себя, жены и 2-х детей, что некоторые несчастные стечения препятствуют мне именовать себя и чтоб он, если рассудит уважить мою просьбу, объявил трикратно в гамбургских газетах, что согласен на предложение под № 1, ему сделанное; письмо сие хотел я отдать переписать<sup>9</sup> кому бы ни было, латинскую азбуку знающему, а французского или немецкого языка не понимающему<sup>10</sup>, но насчет адреса не хотел я всякому ввериться и потому просил я Искрицкого<sup>2</sup>; по отказу его я письма такого и не отправил.

В продолжение последних четырех свиданий с Искрицким<sup>2</sup>, бывших все после уже происшествия 14 декабря и никакого предприятия против правительства целию не имевших, следующие были между нами разговоры: рассуждая об ошиб-

1 Три строки от слов «журналист Булгарин, поссорившись...» подчеркнуты карандашом.

2 Фамилия подчеркнута карандашом.

3 Фамилия подчеркнута карандашом, двадцать строк от слов «от опасности, что он, не знаю, накануне ли 14 декабря...» отчеркнуты на полях карандашом.

4 Слова «я в несчастном его положении» вписаны над строкой.

5 Десять строк от слов «кажется, для того, чтоб попытаться...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

6 Way (англ.).

7 Четырнадцать строк от слов «В бытность мою у Искрицкого после...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

8 Слова «чтоб намерением уехать... обстоятельствах» подчеркнуты карандашом.

9 Слово «переписать» вписано над строкой.

10 Семнадцать строк от слов «декабря паки возродилось во мне желание...» отчеркнуты на полях карандашом.

ках в день 14 декабря с обеих сторон, говорил я, что бунтовщики весьма глупо сделали, начав дело, не быв уверены в войске и<sup>1</sup> // (л. 51 об.) без артиллерии, самого решительного орудия; что вместо дворца, пошли на площадь<sup>2</sup>, что, не видев со стороны правительства артиллерии, за всем темостояли неподвижно, как бы дожидались, чтоб ее на их погибель привезли, и что соединенная с ними чернь вышла против господ, чем раздражили они всех, малейше хоть благомыслящих; на сие Искрицкий сказал, что они надеялись на артиллерию, кажется конную, но что бывшие в оной на их стороне офицеры были арестованы, что, кажется, намерены были идти ко дворцу, но не знает, почему сего не сделали; насчет неистовства черни он промолчал, а касательно того, что ониостояли понапрасну на площади, сказал он: тем глупее, что в выведенных против них полках и многие офицеры были на их стороне и даже полковник Шереметьев<sup>3</sup>, командовавший первым взводом, был их соумышленник; слышав от Искрицкого<sup>3</sup>, что некто Ростовцов<sup>3</sup> предварял государя императора о бунте, я сказал, что сомневаюсь: ибо, во 1-х, могли б арестовать главных заговорщиков, а во 2-х, по крайней мере, обезопасили бы дворец, в котором я был часу в 10-м или 11-м<sup>4</sup>, и кроме обыкновенных караулов войска не заметил; еще говорил я, что если до требования присяги растолковали бы манифест с приложениями, то, может быть, до возмущения бы не дошло, а если б некоторые и усомнились, то предоставить им отправить несколько человек в Варшаву для удостоверения, а между тем, дали бы они условную присягу; на сие сказал он, будто некоторые фельдфебели были в заговоре, что им обещано было<sup>5</sup> // (л. 52) уменьшение службы и прибавка жалованья; говорил он мне, что в обоих штабах, то есть как в Главном, так и в Гвардейском, многие офицеры замешаны, что, кажется, граф Коновницын<sup>3</sup> и еще некоторые любопытствовали, кто его принял в общество?

Но он будто меня не именовал, за что я его благодарил, просив вперед о таковой же скромности и обещав ее и с моей стороны; по его словам, Рылеев<sup>3</sup> заставил прочих действовать 14 декабря, сказав, что случай сей невозвратный<sup>6</sup>; о Муравьеве-Апостоле<sup>3</sup> и Муравьеве<sup>3</sup>, командовавшем каким-то гусарским полком, отозвался он, как о людях отличных способностей, и что если первый допустил грабеж и насилие в Василькове, то разве из крайности; на вопрос мой, правда ли, что когда кричали: «Конституция», солдаты спрашивали, что это значит, и им сказали, будто это имя супруги Константина Павловича, — отвечал он: «Да», но в армии бунтовавшиеся<sup>7</sup> солдаты будто знали цель общества, и что им обещано было уменьшение службы и прибавка жалования; удивлялись мы, что долго не было доносения о присяге г[осподина] генерала Ермолова<sup>3</sup>, и он говорил, что обыкновенно, кажется, в месяц получал от него ответы<sup>8</sup>, о поступке Ростовцова<sup>3</sup> сказал он мне, что, вообще, его не все одобряют; о дяде своем Булгарине<sup>3</sup> отозвался он, что Рылеев<sup>3</sup> и другие всегда считали его шпионом; слышал я от него, будто какой-то адъютант г[осподина] генерала Рудзевича<sup>3</sup> был привезен сюда по найденному<sup>9</sup> у полковника Пестеля<sup>3</sup> приготовленному к нему письму, чтоб он своего генерала арестовал, но что по неимению против него доказательств, он отпущен; советовались мы, что нам делать; сначала, полагал я, объявить о нашей вине, надеясь на

<sup>1</sup> Три строки от слов «рассуждая об ошибках...» подчеркнуты карандашом. Шесть строк от начала абзаца отчеркнуты карандашом на полях и отмечены знаком «NB».

<sup>2</sup> Слова «что вместо дворца, пошли на площадь» подчеркнуты карандашом.

<sup>3</sup> Фамилия подчеркнута карандашом.

<sup>4</sup> Слова «дворец, в котором я был часу в 10-м или 11-м» подчеркнуты карандашом, на полях помета карандашом: «У кого и зачем?».

<sup>5</sup> Вся страница от слов «без артиллерии, самого решительного орудия...» отчеркнута на полях карандашом.

<sup>6</sup> Семь строк от слов «уменьшение службы и прибавка жалованья...» отчеркнуты на полях карандашом.

<sup>7</sup> Слово «бунтовавшиеся» вписано над строкой.

<sup>8</sup> Три строки от слов «обещано было уменьшение...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечено знаком «NB».

<sup>9</sup> Четыре строки от слов «о поступке Ростовцова сказал он мне...» отчеркнуты на полях карандашом, отмечены знаком «NB». На полях помета карандашом: «Он знал Рылеева».

ниссердие государя императора; он сказал, сие хорошо, но иных в подобных слу-  
чаях отпустили, а потом опять взяли; // (л. 52 об.) после оставленной им у меня  
записки с приглашением о свидании под видом займа денег условились мы, если  
впредь понадобится видеться и не застанем друг друга, оставлять такие же запис-  
ки<sup>1</sup>; надеялся он быть адъютантом при господине генерал-адъютанте Александре  
Ивановиче Чернышеве; его превосходительство за столом будто выпытывал его на-  
счет участия в тайном обществе, но он отпирался; рассказывал он мне, что у него  
останавливается приезжий адъютант князя Хованского<sup>2</sup>, фамилии не помню, кажет-  
ся, Чевкин<sup>3</sup>, который накануне 14 декабря ездил с каким-то офицером в какие-то  
казармы; офицер тот пошел к своим знакомым, а помянутый адъютант, оставшись  
внизу, стал говорить с солдатами и возмущать их<sup>4</sup>; солдаты, опасаясь в нем шпи-  
она, спрашивали о его фамилии и по необъявлению хотели представить к дежур-  
ному офицеру, но не помню, после как-то его отпустили, а ночью он был призван  
к господину генерал-адъютанту Потапову, который, кажется, сделал ему за то вы-  
говор; сей адъютант, по словам Искрицкого, членом общества не был<sup>5</sup>, а действо-  
вал только по безрассудной пылкости; еще сказал он мне, что Лапа<sup>6</sup> взят и на  
допросе у государя императора показал будто, что он принят в общество Данчен-  
ком<sup>7</sup> на 16-м году от роду; по словам его, было у него письмо от Лапы<sup>6</sup>, во время  
нахождения Лапы<sup>6</sup> в отпуску писанное, где он кланялся мне<sup>8</sup> с изъяснением, что  
связь наша основана на священных чувствах, которое письмо он, якобы, уничто-  
жил<sup>9</sup> (прежде мне о сем письме не говорил), про Глинку сказал<sup>10</sup> он, что он тоже  
был взят и представлен государю императору, пред которым он, якобы, показал,  
что он перемены образа правления никогда не желал, // (л. 53), а только больше  
правды, на что государь император соизволил отвечать: «Надеюсь, что до того до-  
веду», и с тем его отпустил<sup>11</sup>.

На 23-й. За несколько дней до 14 декабря 1825 года заходил я к Глинке, но не  
застал его; на другой день (сие было, кажется, не накануне 14 декабря, а близ того)  
нашел я его дома, после обыкновенных приветствий спрашивал он меня о новос-  
тях; я сказал, что говорят о скором восшествии Николая Павловича, на что отве-  
чал, что и он тоже слышал; несколько помолчав, спрашивал он о моих связях<sup>12</sup>; на  
ответ мой, что они ограничены Сенявином<sup>6</sup> и Искрицким<sup>6</sup>; с последним из  
коих почти не вижусь, он сказал, что Искрицкий<sup>13</sup> бывает во многих домах, а про  
себя, что и он весьма уединен; о народе сказал он, что необыкновенно тих и по-  
коен, но что нельзя знать, не от того ли, что ожидали Константина Павловича; на  
замечание мое, что у нас от революции лучшего ожидать нельзя, он изъявил по-  
добное же мнение с присовокуплением<sup>14</sup>, что от царствования Константина Пав-  
ловича можно было ожидать ненасильственной перемены; потом спрашивал меня,  
не вижусь ли с Кутузовым<sup>6</sup>, и на отрицательный мой отзыв он сказал, что Кутузов  
совсем переменился и едва ли не шпион<sup>15</sup>; пред самым уходом моим он сказал,  
как бы гадательно: «Что-нибудь да будет, посмотрим»<sup>16</sup>.

<sup>1</sup> Три строчки от слов «приглашением о свидании...» подчеркнуты карандашом. На полях ка-  
рандашом поставлен знак «NB» и помета: «Так ли цель своих свиданий?»

<sup>2</sup> Слова «князя Хованского» подчеркнуты карандашом.

<sup>3</sup> Слова «кажется, Чевкин» подчеркнуты карандашом.

<sup>4</sup> Слова «говорить с солдатами и возмущать их» подчеркнуты карандашом.

<sup>5</sup> Слова «Искрицкого, членом общества не был» подчеркнуты карандашом.

<sup>6</sup> Фамилия подчеркнута карандашом.

<sup>7</sup> Слова «Что он принят в общество Данченком» подчеркнуты карандашом.

<sup>8</sup> Слова «в отпуску писанное, где он кланялся мне» подчеркнуты карандашом.

<sup>9</sup> Слова «якобы уничтожил» подчеркнуты карандашом.

<sup>10</sup> Слова «про Глинку сказал» подчеркнуты карандашом.

<sup>11</sup> Слова «Надеюсь, что... его отпустил» подчеркнуты карандашом.

<sup>12</sup> Слова «спрашивал он о моих связях» подчеркнуты карандашом.

<sup>13</sup> Фамилия подчеркнута карандашом и отмечена на полях знаком «NB».

<sup>14</sup> Пять строк от слов «о народе сказал он, что...» подчеркнуты карандашом.

<sup>15</sup> Слова «Кутузов совсем... не шпион» подчеркнуты карандашом.

<sup>16</sup> Слова «Что-нибудь да будет, посмотрим» подчеркнуты карандашом.

При сем посещении Глинки цель моя была узнать: не предпринимают ли чего-либо<sup>1</sup>. Ибо, помня о существовании общества // (л. 53 об.) опасался я, что не вздумали воспользоваться тогдашним случаем; последние слова его и собственные опасения побудили меня ехать от него к [господину] действительному статскому советнику Василию Петровичу Гурьеву<sup>2</sup>, к которому я знал, что покойный граф Михайла Андреевич Милорадович весьма был расположен; а как по характеру покойника я полагал, что для обращения его внимания надлежало адресоваться чрез человека, им любимого, то просил я [господина] Гурьева д доложить ему от моего имени<sup>3</sup>, что на случай восшествия Николая Павловича должно опасаться возмущения. [Господин] Гурьев сказал<sup>4</sup> мне на то: «Тебя посадят в крепость», на что я отвечал: «С тем и говорю, что готов идти в крепость» и излил пред ним одушевлявшие меня чувства любви к общему благу; он до такой степени был восхищен, что, воскликав неоднократно: «C'est sublime! C'est sublime!»<sup>5</sup>, вместе со мною вышел и сказал, что едет прямо к графу и будет ко мне с ответом; вечером он точно был у меня, но привез ответ, о котором я имел честь доложить господину члену Комитета, которого повторить здесь благопристойность не позволяет<sup>6</sup>, я думал, или что граф полагает слова мои пустыми, или что уже без меня извещен, и принятые меры, а лучше сказать: я не знал, что думать, а только видел, что мне нечего было делать<sup>7</sup>, ибо прибегать к ныне царствующему государю императору, не имевшему еще никакой торжественной власти, мимо графа<sup>8</sup>, главного в столице // (л. 54) начальника, я считал бесполезным и даже опасным особливо, когда известия мои были только предположительные и без доказательств.

Виделься с Искрицким<sup>2</sup> я полагал излишним; поелику он, пригласив меня к себе<sup>9</sup> и зная, что я у него был, не приезжал ко мне, я заключил, или что он ни в чем не участвовал, или что он со мной не откровенен; притом же я знал, что у него нет никакой команды и потому не считал его опасным; насчет Сенявина<sup>2</sup>, командующего ротою, я более боялся и скорее надеялся узнать от него что-либо и иметь на него влияние, посему и заходил к нему 14-го рано; не застав его и узнав, что он назначен в караул во дворец, был я там часу в 10-м или 11-м, но еще его не было, а солдат бывшего тогда в карауле полка сказал мне, что смена придет не прежде 1-го часу; с намерением возвратиться туда к тому времени, пошел я в канцелярию [господина] военного генерал-губернатора, где узнал официально о восшествии ныне царствующего государя императора; при выходе оттуда увидел я отряд войск, идущий по Морской и восклицающий: «Ура!»<sup>10</sup>. Не быв никогда в столице при подобном случае, думал я, что сие в порядке, и остановился у крыльца, но при приближении отряда, услышав внушение офицера часовым кричать: «Ура, Константин!», я догадался, что начался бунт, что к дворцу уж поздно идти, пошел скрым шагом вперед и, взяв у Синего моста извозчика, поехал домой; по дороге, близ ворот квартиры отца моего, увидев жену мою, я сошел с саней и спросил, куда идет? На ответ ее: «К бульвару, за отанным в черную краску платьем», я завел ее к батюшке, сказал о виденном // (л. 54 об.) мною, пустил ее к супруге отца моего, а сам пошел к нему в кабинет, сообщил ему о сей ужасной новости и вышел через несколько времени в гостиную, где застал мачеху и жену, насчет трусости моей смеявшихся; жене все хотелось идти за платьем, но спустя еще несколько времени приходил кто-то<sup>11</sup> с известием, что граф Михайла Андреевич ранен; так пробыли мы у батюшки до исхода 2-го или до начала 3-го

1 Слова «не предпринимают ли чего-либо» подчеркнуты карандашом.

2 Фамилия подчеркнута карандашом.

3 Слова «то просил я... моего имени» подчеркнуты карандашом.

4 Слова «должно опасаться... сказал» подчеркнуты карандашом.

5 «Как это прекрасно! Как это прекрасно!» (франц.).

6 Слова «здесь благопристойность не позволяет» подчеркнуты карандашом.

7 Слова «я не знал, что думать... было делать» подчеркнуты карандашом.

8 Слова «не имевшему еще никакой... мимо графа» подчеркнуты карандашом.

9 Слова «он, пригласив меня к себе» подчеркнуты карандашом.

10 На полях помета карандашом: «Во дворец зачем он ходил, сп[осы] Искрицкого».

11 Слово «кто-то» подчеркнуто карандашом и отмечено на полях знаком «NB».

часа; тогда батюшка поехал со мною к бульвару, мы остановились близ Лобанова дома или несколько вправо, то есть к Невскому проспекту, там видели нас г[осподи] генералы Бажевич<sup>1</sup> и Лобри<sup>1</sup>, оттуда поехали в Морскую, где близ дома г[осподи]на военного генерал-губернатора видели г[осподи] Фогеля<sup>1</sup> и Булгарина<sup>1</sup>, рассказавших нам подробно о положении графа; Булгарина<sup>1</sup> спрашивал я об Искрицком<sup>1</sup>, и он сказал мне, что он с его женою, присовокупив, что он малый умный и не пойдет на такой вздор, почему я весьма обрадовался; оттуда батюшка свез меня опять к себе, где я остался до глубокого вечера; не имев верного известия и опасавшись грабежа, пошел я с женою и конторщиком отца моего Федором Ивановым Шеллером<sup>1</sup> за детьми и домашними; но теща моя сама не хотела идти к батюшке и детей не советовала взять, во 1-х, по болезни батюшкиных детей заразительным коклюшем, во 2-х, что на случай, не дай бог, беды и у батюшки большой защиты не было, и, в 3-х, говорила она, если и придут грабить, то «меня, старухи, и маленьких детей не тронут», а имение я сам велел отдать без сопротивления; после того жена моя, я и помянутый Шеллер<sup>1</sup> поехали к тетке жены моей, г[оспо]же действительной статской советнице Воеводской<sup>1</sup>, живущей // (л. 55) по Мойке в собственном доме рядом с домом господина военного генерал-губернатора; оставив там жену, пошел я не один, а вместе с Шеллером<sup>1</sup> к бульвару, Дворцовой и Сенатской площадям и, удостоверясь, что все успокоено, возвратились к г[оспо]же Воеводской, откуда взял жену, поехали домой.

На другой день был я у Сенявина<sup>1</sup>; его хоть не застал, но в разговорах с отцом узнал я, что сын вел себя как долг верноподданного повелевает, что весьма меня успокоило; после того заходил я несколько раз к сыну, чтобы посоветоваться: не лучше ли объявить о себе, но все слышал, что он в полку, куда, кажется, после и жить перебрался, а туда я боялся идти, чтоб не навлечь подозрения; недавно только виделся я с ним<sup>2</sup> у отца его, но на минуту и при чужих и ни о чем говорить не мог; просил я его к себе, он обещал быть, но до взятия меня под арест еще не был.

К Глинке я 15 декабря<sup>3</sup> тоже<sup>4</sup> заходил, но не застал, а от человека его узнал, что почти всю ночь он не был дома и, пришед домой, даже не раздевался, напился чаю и опять ушел<sup>5</sup>; после того опасался я идти к нему, а недавно встретился с ним нечаянно в книжной лавке Плавильщика, что у Синего моста; сказал он мне, что был взят, но отпирался в желании перемены образа правления<sup>6</sup> и опять отпущен, весьма бравил бунтовщиков, сказал, что можем ожидать правосудного // (л. 55 об.) и мудрого царствования, а более и желать не должно; я желал быть у него для совета, не объявить ли о себе, но он сказал, что опасно видеться<sup>7</sup>. При одном из свиданий с Искрицким после<sup>8</sup> 14 декабря пересказал он мне слышанное якобы от господина генерал-адъютанта Александра Ивановича Чернышева, что его превосходительство нанес во 2-й армии решительные удары; еще сказал Искрицкий, что во 2-й армии заговор открыт по случаю, что казначей полка, под командаю полковника Пестеля<sup>1</sup> состоявшего, промотал 6.000 р[ублей] казенных денег, и что, несмотря на убедительные его просьбы, Пестель<sup>1</sup> сие огласил, за что казначей на него донес.

Все вышеписанное изъяснено мною чистосердечно без всякой утайки против неумышленного разве<sup>9</sup> изменения слов разговоров, коих в точности припомнить человечески невозможно, или, может быть, чего-либо неумышленно забытого, но, верно, не нарочно скрытого; на всякий вопрос я по мере силы моей памяти готов дать самый искренний ответ.

1 Фамилия подчеркнута карандашом.

2 Слова «с ним» подчеркнуты карандашом.

3 Слова «К Глинке я 15 декабря» подчеркнуты карандашом.

4 Далее зачеркнуто: «не».

5 Слова «не был дома и, пришед... опять ушел» подчеркнуты карандашом.

6 Две строки от слов «сказал он мне, что был...» подчеркнуты карандашом.

7 Слова «но он сказал, что опасно видеться» подчеркнуты карандашом.

8 Слова «с Искрицким после» подчеркнуты карандашом.

9 Слово «разве» вписано над строкой.

Если в рассказах моих не соблюден должный порядок, то всепокорнейше прошу о милостивом снисхождении к крайнему расстройству моих мыслей, не-престанно тревожимых ужасным воображением об отчаянии жены, в рассуждении коей по беременному ее положению и сильной ко мне // (л. 56) привязанности всего опасаюсь; я столь злополучен, что должен считать теперь несчастием то, в чем всегда полагал величайшее счастье: взаимную любовь жены любимой.

О предмете, о коем я имел честь доложить господину члену Комитета изустно, по изъясненной тогда же причине не смею здесь упомянуть; могу только сказать, что целию мою по оному были не скрытные виды какого-либо тайного общества, но явные пользы общества явного — дражайшего отечества<sup>1</sup>.

В заключение долгом считаю доложить, что если Комитету благоугодно будет дозволить, то осмелюсь подвергнуть прозорливому его усмотрению средство к открытию всех отраслей и изгибов тайных обществ, которое, ласкаю себя, удовлетворит равномерно всем душевным потребностям христианина, богу, государю, человечеству и отечеству истинно преданного<sup>2</sup>.

Титулярный советник Григорий Перетц<sup>3</sup>  
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf

Февраля 28-го дня  
1826 года // (л. 57)

№ 23 (22)<sup>4</sup>

В высочайше учрежденный Комитет  
для разыскания о злоумышленных обществах  
титулярного советника Перетца

#### Покорнейшее объяснение

В дополнение объяснения моего от 28 февраля честь имею доложить: 1-е. Искрицкий сказал мне тоже, что Кутузов, о коем в том объяснении упомянуто, арестован<sup>5</sup>; 2-е. О принятии Искрицким в члены тайного общества Кутузова<sup>6</sup>, сына с[анкт]-петербургского г[осподи]на военного генерал-губернатора (о чем меня, кажется, изустно спрашивали), мне неизвестно; 3-е. Сказанное в оном же объяснении, что рассуждаемо было о Государственном совете, как о новой для промедления дел инстанции, разумеется по делам тяжебным и 4-е. Сказанное о ключе для тайной переписки, Устимовичу мною данном, что ни он, ни я из оного употребления не сделали, разумеется, что я из оного никогда и ни с кем никакого употребления не сделал, а про него могу сказать, что ни со мною и, сколько мне известно, ни с кем<sup>7</sup> ключ сей им не употреблен, // (л. 57 об.) а не сделано ли им из оного какое-либо употребление без моего ведома, в том я не уверен, но повода к подозрению в том тоже не имею.

Титулярный советник Перетц<sup>8</sup>  
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf

Марта 4-го дня  
1826 года // (л. 77)

1 Четыре строки от слов «члену Комитета изустно...» подчеркнуты на полях карандашом.

2 Абзац отчеркнут на полях карандашом и отмечен знаком «NB».

3 Ответы написаны Г.А.Перетцом собственноручно.

4 Вверху листа помета: «Читано 12 марта».

5 Слова «Искрицкий сказал мне тоже... арестован» подчеркнуты карандашом.

6 Фамилия подчеркнута карандашом.

7 Слова «сколько мне известно, ни с кем» подчеркнуты карандашом.

8 Показание написано Г.А.Перетцом собственноручно.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Всеобщая знаменитость человеколюбивого благорасположения вашего превосходительства к помощи несчастным оживотворяет и меня утешительною надеждою, что следующая покорнейшая моя просьба удостоена будет благосклонного снисхождения.

Ваше превосходительство изволили обещать мне спасение, ежели скажу правду; я исполнил волю вашу и долг свой, докладывал тогда же о всем, о чем в ту минуту при крайнем моем расстройстве мог вспомнить и дополнил свои показания поданными в высочайше учрежденный Комитет объяснениями, содержание кото// (л. 77 об.)ых вашему превосходительству, верно, известно; а как после 22 февраля я ни разу допрашиваем не был (вчера хотя и был требован в Комитет, но отпущен без всякого допроса), то и заключаю, что в показаниях моих ничего сомнительного не усмотрено, как оные действительно на самой истине основаны.

Беспомощное состояние, в коем осталось мое семейство, и важнейшие для меня дела требуют неукоснительных с моей стороны распоряжений, угрожая в противном случае неминуемым разорением и лишением дневного пропитания семейства, которым дорожу более, чем собою.

По всему вышеподанному, дерзая прибегнуть к высокомонаршему милосердию со всеподданнейшим просьбою // (л. 78) о всемилостивейшем освобождении меня под благонадежное поручительство хоть на несколько дней, приемлю смелость обратиться к вашему превосходительству, всепокорнейше прося: удостойте быть ангелом-спасителем погибающего семейства неоставлением милостивым покровительством в сем случае, от коего вся участь его зависит; горестные слезы отчаяния, благодеянием вашим в слезы радостной признательности обращенные, будут вечно неиссякаемым источником непрерывных благ и милостей божьих для вашего превосходительства и всего вам милого и дорогого.

С глубочайшим высокопочтанием и совершенной преданности честь имею быть, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнейшим слугою

Григорий Перетц<sup>2</sup>

Марта 11-го дня  
1826 года // (л. 58)

1826 года 11 марта от высочайше учрежденного Комитета титулярному советнику Перетцу.

В заключение ответов своих вы предлагаете представить средства к открытию всех отраслей и изгибов тайных обществ.

Комитет требует от вас немедленного представления сих средств с означением всех известных вам тайных обществ и предваряет вас, что при усмотрении чисто-сердечия вашего и важности открытий он не преминет представить о сем государю императору для обращения на вас высочайшего внимания.

[генерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 59)

В высочайше учрежденный Комитет  
для разыскания о злоумышленных обществах  
титулярного советника Перетца

Покорнейшее объяснение

На всепочтеннейшее предписание Комитета от 11-го сего марта долгом считаю доложить, что кроме прежде мною уже объясненного, я о тайных обществах других

1 Вверху листа пометы чернилами: «К сведению», «Читано 17 марта».

2 Письмо написано Г.А.Перетцом собственноручно.

3 Вверху листа помета чернилами: «Читано 12 марта».

положительных сведений не имею, а если бы имел таковые, то для объявления о том не осмелился бы испрашивать особого дозволения, когда сие в вопросных пунктах от 22 февраля от меня именно требовалось, но умозрительно предполагаю: 1-е, что существовавшие в России масонские ложи, вероятно, имели тайную политическую цель, о которой одни члены высших степеней были известны, и нельзя быть уверенным: не продолжают ли они своих действий скрыто; 2-е, что некоторые расколы не чужды политических видов; не помню наверно, но, кажется, что Глинка однажды мне сказал, якобы какой-то их монах из Галиции разъезжал по монастырям в России // (л. 59 об.) и проповедывал вольность<sup>1</sup>, 3-е, что в течение последнего десятилетия, когда умы были заражены неудовольствием против правительства<sup>2</sup> и страстию к составлению тайных обществ, могли составляться общества, которые, не созрев еще для действия и не быв в связи с обществами доселе открытыми, долго еще могут оставаться неизвестными; 4-е, многие члены обществ доселе даже открытых, умышленно, может быть, не участвовали в совещаниях и действиях и самими своими товарищами от оных были устранимы, дабы на случай неудачи оставаться в виде резерва для возобновления козней при благоприятнейших обстоятельствах, и посему они едва ли будут открыты, и 5-е, как враги общего спокойствия других земель крайне опасаются влияния самодержавной России<sup>3</sup>, укрощению бунтов в Италии и Гицпании толико споспешествовавшего, то нет сомнения, что они употребят все возможные усилия для наводнения нас новыми обществами, возмутительным их намерениям соответствующими<sup>4</sup>.

С другой стороны, полагаю, что большая часть членов тайных обществ, быв сначала обольщены мнимыми видами общего блага, со временем образумились, особенно теперь по открытии как нелепости предположений многих их сотоварившей, так безрассудства и гнусности, с которыми приступали к действию, сей перемене в умах более всего благоприятствует столь мудрое и благое начало правления ныне царствующего государя императора, удовлетворяющее всем желаниям истинных сынов отечества и обнаруживающее вместе с тем, всю злонамеренность // (л. 60) клеветы прежде распространенной; но таковые члены тайных обществ при совершенной искренности своего раскаяния не объявляют правительству ни о себе, ни о своих соумышленниках по следующим, может быть, причинам: во 1-х, сами опасаются строгого наказания, во 2-х, не хотят губить товарищей, из коих иные ими же вовлечены, а другие состоят с ними в коротких связях приязни или родства, и в 3-х, как в подобных делах почти невозможно иметь ясных законных доказательств, то на случай отピрательства соумышленников опасаются ответственности за ложный донос.

С благосклонного дозволения Комитета имею честь изложить в главных чертах средство, помянутыми соображениями мне внушаемое, а именно:

обнародовать высочайшим указом

1. Чтобы всякий верноподданный, внутри России или за границею находящийся, и всякий иностранец, в России пребывание имеющий, состоящий или состоявший когда и где-либо хоть вне империи<sup>5</sup> в тайном обществе, духовном ли, политическом, благотворительном или какого бы наименования и цели ни было, а паче участвующий или участвовавший в каком-либо предприятии или намерении против какого-либо правительства, объявил о том начальству (означить именно какому) в течение сроков, кои имеют быть определяемы по отдаленности местопребывания объявлителей от начальств, к коим должны // (л. 60 об.) обращаться с подробным показанием о цели и намерении общества, о средствах денежных и прочих, о числе и именах членов, о тайных знаках и способах сообщений, переписок и действий, словом, о всех обстоятельствах, кои правительству благоугодно будет включить в особой форме таковых объявлений с присовокуплением всего того, чего правитель-

<sup>1</sup> Три строки от слов «но, кажется, что Глинка...» подчёркнуты карандашом.

<sup>2</sup> Слова «умы были заражены неудовольствием против правительства» подчеркнуты карандашом.

<sup>3</sup> Далее зачеркнуто: «к».

<sup>4</sup> Против слова «соответствующими» на полях поставлен чернилами крест.

<sup>5</sup> Слова «хоть вне империи» вписаны над строкой.

ство в виду не имело, а объявлителю известно, равно и всех доводов и доказательств, к подтверждению истины показания служить могущих.

2. Подтвердить запрещение вступать в тайные общества или продолжать существующие с оными связи, распространяя сие запрещение на тайные общества всякого рода и как на верноподданных, за границею находящихся, так и на иностранцев, в России пребывание имеющих, вместе с сим подтвердить о терпимости всех вероисповеданий и расколов, общественного благонравия не нарушающих, лишь бы не было ничего скрытного.

3. Всякий верноподданный, где бы ни находился, и всякий иностранец, в России пребывающий, которому известно или со временем сделается известно о существовании какого-либо тайного общества в России или за границею или о членах оного, а паче о каком-либо предприятии или намерении против какого-либо правительства обязан объявить о том в установленные сроки и во всем согласно § 1-му.

4. Содержащимся по участию в тайных обществах объявить о мере ожидающего их наказания с тем, что если // (л. 61) учинят новое признание, то ни в каком случае участь их тем не отяготится, а по мере важности открытый обнадежить облегчением.

5. Всякому, намеревающемуся объявить об участии другого лица в тайном ли обществе или намерениях и предприятиях против правительства, дозволить предварительное с ним свидание для склонения к добровольному признанию, хоть бы один из них или оба по сему поводу уж были арестованы или хоть бы по отдаленности местопребывания потребовалось продление установленных по § 1 сроков; но в обоих сих случаях объявитель испрашивающий свидания или отсрочки должен вместе с тем представить запечатанную записку с подробным содержанием предполагаемого им объявления, которой записки до минования отсрочки без согласия его не распечатывать.

6. Объявления разделить на два рода: на объявление-показание и на объявление-извест; первое может быть или вовсе без доказательств, или с доводами, полной силы законных доказательств не имеющими; имя объявителя в таковом случае без крайней необходимости остается негласным, и он не подвергается никакой ответственности, разве явно доказано будет, что объявление его ложное или что он что-либо умышленно утаил<sup>1</sup>; взаимно же объявления сего рода не подвергают обвиненного, если он верноподданный, аресту или другому какому-либо стеснению, а только тайному над ним надзору, допросу, пересмотрению его бумаг при нем или его поверенном, не вынося их из его квартиры, и единственно в отношении к предмету объявления // (л. 61 об.) тайных обществ и то не иначе как с разрешения высшего начальства; если он иностранец и не может представить благонадежного поручительства, то высшее начальство, уважая степень вероятности объявления, может выслать его за границу, куда он пожелает<sup>2</sup> с предоставлением ему некоторого времени для устроения своих дел; по объявлениям второго рода, то есть по известам, поступать как законами о доносах установлено.

7. Тем, кои исполнят в точности содержание § 1 по собственному ли побуждению или по убеждению других согласно § 5, даровать право на милосердие государя императора; определить именно случаи, в коих могут быть уверены в совершенном прощении, равно и меру облегчения на случай важной вины, совершенного прощения не допускающей, с оказанием, однако, во всяком случае всей только возможной пощады и снисхождения.

8. По мере важности открытый обещать вящее снисхождение и даже награды; оные по желанию объявлителей могут состоять в прощении или облегчении участии лиц, ими обвиняемых.

9. Напротив, за неисполнение вышеписанного подвергать строжайшим наказаниям, в важнейших случаях смертной казни; для обуздания отсутствующих из отечества принять меры касательно их имения.

10. Указу сemu дать возможную гласность всенародным чтением в церквах, объявлением во всех наших и главных иностранных газетах и подобными мерами; сверх того с дворян, разночинцев, купцов, торгующих мещан и иностранцев взять

1 Слово «утаил» написано вместо стертого.

2 Слова «куда он пожелает» вписаны над строкой.

подписки в том, что оный им объявлен, и при вступлении кого-либо в государственную или общественную службу или купеческую гильдию, при // (л. 62) приезде иностранца в Россию или возвращении в оную верноподданных объявлять им оный особо тоже со взятием подписок.

11. Всякий закон должен быть паче всего ясен и определителен; сей в особенности; во 1-х, дело идет о невозвратном благе — о жизни человеческой; во 2-х, для внушения полного доверия к искренности, обещаемой за признание пощады, и в 3-х, дабы отнять у злонамеренных повод к клевете, будто правительство обещаний своих не исполняет; буде же за всем тем встретится какое-либо недоразумение, то толковать оное в пользу обвиняемого, и

12. Указ сей должен дышать любовию к народу вообще и к виновным в особенности, дабы всякий и каждый был удостоверен, что владыка земной подобно Владыке небесному любит и милует самих врагов, а карает зло единственно по необходимости для общего блага и спасения.

Дружественные державы пригласить к соответственным с их стороны распоряжениям; приобретаемые сведения сообщать взаимно.

Если вышеизложенное не удостоится одобрения Комитета, то всепокорнейше прошу вменить мне оное в ошибку, а не в вину; бог свидетель чистосердечного моего стремления к искоренению зла, мною отчасти распространенного.

Титулярный советник Перетц<sup>1</sup>

Марта 12-го дня  
1826 года

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 63)

№ 27 (25)

1826 года 12 марта от высочайше учрежденного Комитета [господину] капитану Никите Муравьеву вопросный пункт.

Для некоторых пояснений дела Комитету нужно знать о принадлежности к обществу Дребуша и Данченко, уже умерших, объясните, когда и кем они были приняты в члены тайного общества и с кем состояли в особых сношениях?

Честь имею донести, что Дребуш<sup>2</sup> принят был в Союз благоденствия в Москве Александром Муравьевым вместе с Горсткиным и был в сношении с ним и с Челищевым. О Данченко я ничего сказать не могу, потому что и имя его даже мне неизвестно было до сего запроса.

Капитан Муравьев<sup>3</sup>

Марта 12 дня

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 64)

№ 28 (26)

1826 года 12 марта от высочайше учрежденного Комитета [господину] капитану Якушкину вопросный пункт.

Для некоторых пояснений дела Комитету нужно знать о принадлежности к обществу Дребуша и Данченко, уже умерших. Объясните, когда и кем они были приняты в члены тайного общества и с кем состояли в особых сношениях?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

<sup>1</sup> Показание написано Г.А.Перетцом собственноручно.

<sup>2</sup> Фамилия подчеркнута карандашом.

<sup>3</sup> Ответ написан Н.М.Муравьевым собственноручно.

Мне никогда не было известно даже о существовании *Дребуша* и *Данченко*, почему я и не могу объяснить, когда и кем они были приняты в члены тайного общества и с кем состояли в особенных сношениях.

Отставной капитан Якушкин<sup>1</sup>  
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf

1826 года марта 12-го дня // (л. 67)

№ 29 (27)

1826 года 12 марта от высочайше учрежденного Комитета г[осподину] полковнику *Муравьеву* вопросный пункт.

Для некоторых пояснений дела Комитету нужно знать о принадлежности к обществу *Дребуша* и *Данченко*, уже умерших. Объясните, когда и кем они были приняты в члены тайного общества и с кем состояли в особенных сношениях?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf

Честь имею донести высочайше учрежденному Комитету, что я никогда и не слыхал даже о фамилиях *Дребуша* и *Данченко*, и вовсе не знал сих особ; следовательно, никаких и<sup>2</sup> сведений о них подать не в состоянии, равно как и о том, с кем они в сношениях были.

Отставной полковник Александр Николаев сын Муравьев<sup>3</sup>  
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf // (л. 68)

№ 30 (28)

1826 года 12 марта от высочайше учрежденного Комитета г[осподину] полковнику *Нарышкину* вопросный пункт.

Для некоторых пояснений Комитету нужно знать о времени принадлежности к Союзу благоденствия известных вам *Данченко* и *Дребуша*, уже умерших. Когда и кем именно они были приняты в члены тайного общества и с кем состояли в особых сношениях по делам общества?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf

Г[осподи]н *Дребуш*, сколь мне известно, находился в Союзе благоденствия в 1819 или 1818 году, кем принят, не знаю, и также с кем был в особых сношениях; кажется, что г[осподи]н *Горскин* был с ним знаком, служа в одном полку. Г[осподи]на *Данченку* я совершенно не знаю.

Полковник Нарышкин<sup>4</sup>  
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf // (л. 71)

№ 31 (29)

1826 года 12 марта от высочайше учрежденного Комитета л[ейб]-г[вардии] Финляндского полка князю *Оболенскому* вопросный пункт.

Для некоторых пояснений Комитету нужно знать о времени принадлежности к Союзу благоденствия известных вам *Данченко* и *Дребуша*, уже умерших, когда и кем именно они были приняты в члены тайного общества и с кем состояли в особых сношениях по делам общества?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf

<sup>1</sup> Ответ написан И.Д.Якушкиным собственноручно.

<sup>2</sup> Союз «и» вписан над строкой.

<sup>3</sup> Ответ написан А.Н.Муравьевым собственноручно.

<sup>4</sup> Ответ написан М.М.Нарышкиным собственноручно.

Сколько я могу вспомнить ныне, фамилия *Данченки* была мне известна между членами<sup>1</sup> общества, состоявшими лейб-гвардии в Измайловском полку; но поистине не могу упомянуть, кем он был принят и с кем именно состоял в сношении; впрочем, со времени назначения в адъютанты как Капниста, как и Миклашевского, все сношения общества с Измайловским полком рушились и возобновлены лишь [с] прошлого года. Кем именно был принят *Дребуш*, я сказать не могу; но сколько помню, он сделался // (л. 71 об.) мне известен как член общества в 1818 или 1819 году. Впрочем, в то время принятие членов и сношения их не ограничивались одним членом; но для принятия требовалось согласие всей управы, сношения же<sup>2</sup> были обыкновенно с председателем управы или с одним из членов по его назначению; по назначении же *Дребуша*<sup>3</sup> в адъютанты вскоре последовал перевод в армию всех членов общества, состоявших в егерском полку, и потому все сношения общества с *Дребушем*<sup>3</sup> рушились; ныне же по вступлении его вновь во фронт, имев случай видеть его раз или два (не могу вспомнить где), напомянул я ему о прежнем обществе, желая знать, не сделал ли он связей по обществу; но он мне отвечал, что полагая общество совершенно разрушенным, он никаких новых связей не сделал, и, живши в Дерпте и Риге, более занимался удовольствиями общественными в кругу родных и знакомых; вот все, что могу я вспомнить из разговора моего с ним; вскоре после сего болезнь прекратила дни его, и я более уже не видел его.

Князь Евгений Оболенский<sup>4</sup>  
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf // (л. 73)

№ 32 (30)

1826 года 12 марта от высочайше учрежденного Комитета г[осподину] подполковнику *Михайле Муравьеву* вопросный пункт.

Для некоторых пояснений дела Комитету нужно знать о принадлежности к обществу *Дребуша* и *Данченко*, уже умерших. Объясните, когда и кем они были приняты в члены тайного общества и с кем состояли в особых сношениях?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf

Во всех своих ответах высочайше учрежденному Комитету имел я честь по чистой совести объяснить, что с 1821-го я отклонился от всех сношений и совещаний с тайным обществом, и потому существование оного для меня совершенно безызвестно в течение пяти лет, и потому не могу я знать о принадлежности к каким-либо обществам г[оспо]д *Дребуша* и *Данченко*, я никогда и имен сих не слыхал. Утверждаю // (л. 73 об.) всем, что для меня есть священнее, что я всегда был покорен и верен своему государю, никогда не был ни мятежником, ни возмутителем, в течение пяти лет ни совестью, ни делом не участвовал ни в каких замыслах и от всего отклонился и потому все действия тайных обществ, равно и имена членов для меня безызвестны. В чем своеручным подписанием и утверждаю.

Отставной подполковник Михаил Николаев сын *Муравьев*<sup>5</sup>  
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf // (л. 74)

№ 33 (31)

1826 года 12 марта<sup>6</sup> от высочайше учрежденного Комитета титулярному советнику *Семенову* вопросные пункты<sup>7</sup>.

1 Слово «членами» вписано над строкой.

2 Слово «же» вписано над строкой.

3 Фамилия подчеркнута карандашом.

4 Ответ написан Е.П.Оболенским собственноручно.

5 Ответ написан М.Н.Муравьевым собственноручно.

6 Слова «12 марта» зачеркнуты карандашом, над ними неразборчивая помета карандашом.

7 Между строчками этого абзаца написано карандашом: «старший адъютант Гвардейского корпуса штабс-капитан Кутузов спрашиван».

Комитет, имея в виду, что осенью 1819 года<sup>1</sup> полковник Федор Глинка принял в члены тайного общества титулярного советника Григория Перетца и тогда же<sup>2</sup> представил его<sup>3</sup> вам и Кутузову<sup>4</sup>, требует откровенного и утвердительного показания вашего в том:

1) Точно ли Перетц был принят осенью 1819 года полковником Глинкою и представлен вам и Кутузову<sup>5</sup>?

2) Какое название имело то общество, в которое Перетц был принят и в чем состояли цель, правила и средства действий сего общества?

3) Действительно ли Глинка, вы и Кутузов<sup>6</sup> были начальствующими лицами сего общества<sup>7</sup>?

4) Часто ли вы бывали у него, Перетца, а равно и он у вас, где бывали вы с ним на совещаниях и кто разделял оные? // (л. 74 об.)

5) Известно ли вам было, что Перетц находился в короткой связи с итальянцем Жильи (Gili)<sup>8</sup> и что сей последний был сочен его? Не знали ли вы лично сего Жильи, а равно и круг его действий в духе тайного общества?

6) С кем из членов, кроме вас, Глинки и Кутузова состоял Перетц<sup>9</sup> в особенных сношениях по делам общества<sup>10</sup>?

7) По показанию его, Глинка, вы и Кутузов<sup>5</sup> возложили на него обязанность принимать в члены общества; вследствие чего он принял Сенявина, Искрицкого, Данченко и Устимовича<sup>11</sup>. Поясните<sup>12</sup>, когда возложили вы на него обязанность, знали ли вы о принятии им сих лиц и вообще известны ли вам были его действия в духе общества?

8) Точно ли побудительными причинами основания сего тайного общества объявлено ему было: *несправедливость и ошибки правительства*, целью — представительное правление, а средствами достижения оного — умножение членов, оглашение несправедливостей и ошибок правительства и распространение политических сведений? Кто именно все сие объявил ему? // (л. 75)

9) Точно ли не было объявлено ему письменного устава<sup>13</sup> и по предложению его<sup>14</sup> вами и<sup>15</sup> другими, было принято знаком для узнавания друг друга в случае нужды еврейское слово «Хейрут» («свобода»), которое надлежало выговаривать взаимно каждому по одной букве? Кем было сие принято и употребляемо?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf

10) Часто ли Перетц с вами и Кутузовым вместе бывал у Глинки и о чем именно рассуждали?

11) Справедливо ли то, что вы<sup>16</sup> в беседах с Перетцом осуждали и порицали действия правительства насчет систематической медленности правительства<sup>17</sup> в удовлетворении претензий частных людей<sup>18</sup>, многих несправедливостей, упрекали и порицали государя за его вояжи и строения, за невнимательность к гражданской

1 Далее над строкой вставка карандашом: «или в нач[але] 1820».

2 Далее стерто одно слово.

3 Слово «его» вписано над строкой.

4 Над словом «Кутузову» написано слово «Семенову».

5 Слово «Кутузову» зачеркнуто карандашом, над ним помета карандашом: «Семенов».

6 Слово «Кутузов» зачеркнуто карандашом, над ним помета карандашом: «Семенов».

7 Далее написано карандашом: «как всем говорил Перетц».

8 Слово (Gili) написано другим почерком.

9 Слово вписано над строкой другим почерком и другими чернилами.

10 5-й и 6-й вопросы перечеркнуты карандашом.

11 Далее над строкой неразборчивая вставка карандашом.

12 Слово «Поясните» вписано над строкой, далее помета карандашом: «то что».

13 Слова «не было объявлено ему письменного устава» зачеркнуты карандашом.

14 Слово «его» зачеркнуто карандашом, над ним написано карандашом: «Перетцем».

15 Союз «и» вписан над строкой.

16 Далее вписано карандашом над строкой: «Глинка, Семенов и другие члены».

17 Слово «правительства» зачеркнуто карандашом, над ним написано карандашом: «оного».

18 Далее карандашом написан союз «и».

части<sup>1</sup> и отягощение войск учением, за учреждение министерств и Государственного совета, осуждали великих князей и самовластие вельмож и пр[оче], и пр[оче]. Отвечайте, чистосердечно ли, справедливо ли все сие и кто именно разделял сии беседы ваши?<sup>2</sup> // (л. 75 об.)

1) Был ли когда Перетц принят полковником Глинкою в число членов тайного общества, я не знаю, но он, как член тайного общества, ни Глинкою и никем никогда мне представляем не был.

2) Мне неизвестны ни название, ни цель, ни правила, ни средства общества, в которое Перетц, по показанию его, был принят.

3) Были ли Глинка с Кутузовым начальствующими сего общества, не знаю; но я ни начальствующим, ни подчиненным членом никакого опасного общества никогда не был.

4) Сколько припомнить могу, Перетц у меня и я у него более одного раза друг у друга не были и после того нигде не встречались<sup>3</sup>. На совещаниях же ни<sup>4</sup> у него, ни с ним ни у кого я никогда не был.

5) Я никакого сведения не имею о связях Перетца, равно и о том, был ли Жильи сочленом по тайному обществу. Жильи ни лично, ни по слухам не знал, и фамилию сию в первый раз слышу.

6) С кем Перетц был в особенных сношениях по делам общества, мне неизвестно; но я с ним в таковых сношениях никогда не был.

7) Я никогда не возлагал обязанности на Перетца принимать кого-либо в члены тайного общества и не знаю, принимал ли он кого и какие были его действия в духе общества.

8) Мне неизвестно, какие побудительные причины основания тайного общества и кем<sup>5</sup> объявлены были Перетцу; но от меня ему ничего по сему предмету никогда объявляли не было.

9) Ни слова «Хейрут» и никакого условного знака у Перетца со мною никогда не употреблялось, ни принято не было.

10) Перетца у Глинки я видел один раз и тут с ним познакомился; но Кутузова с нами в то время, кажется, не было. Рассуждали мы тогда, помнится, о литературе.

11) Я никогда не говорил с Перетцом о действиях правительства и ни за что не порицал ни государя, ни великих князей, ни вельмож. Бесед, кажется, никто не разделял. Кроме того, как выше сказано, что однажды мы были вместе у Глинки.

Титулярный советник Семенов<sup>6</sup>  
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf // (л. 79)

### № 34 (33)<sup>7</sup>

1826 года марта 14 дня в присутствии высочайше учрежденного Комитета титулярный советник Перетц спрашиван и показал.

Комитет, рассмотрев ответы ваши, находит в них явные несообразности и неудовлетворительность показаний противу данных вам вопросных пунктов, а потому еще раз предупреждает вас, чтобы вы не вынуждали к употреблению тех средств, какие Комитет имеет к обнаружению неправды и скрытности вашей, ибо в таком случае вы потеряете всякое право на снисхождение правительства и на облегчение вашей участи, как // (л. 79 об.) между тем одно только чистосердечие и раскаяние ваше может смягчить строгость правосудия.

Вследствие сего Комитет поставляет на вид вам нижеследующее:

1 Слово «части» написано вместо стертого.

2 Вопросы 10-й и 11-й написаны другим почерком.

3 Слова «нигде не встречались» подчеркнуты карандашом.

4 Слово «ни» вписано над строкой.

5 Слова «и кем» вписаны над строкой.

6 Ответы написаны С.М.Семеновым собственноручно.

7 Вверху листа помета чернилами: «Читано 20 марта».

Полковник Глинка утвердительно говорит, что он не только никогда не принимал вас, но и никогда не решился бы принять в то общество, к которому никогда он принадлежал, а следовательно, не мог и возлагать на вас обязанности приема членов.

Вы показали, будто бы Глинка по принятию вас в члены представил вас Кутузову и Семенову, но они утвердительно отрицают сие показание ваше. // (л. 80)

Сначала вы говорите, что о названии общества вам не было объявлено, а потом именно пишите, что вам *не велено было говорить, что оно только что составилось*.

а) Когда *не велено было говорить о времени существования общества*, следственно, время сие ясно и прямо было вам открыто или известно. Но вы притом умалчиваете, кто не велел вам о том сказывать и по каким причинам?

б) Если бы и действительно случилось так, что вначале вы не знали названия общества, то по продолжительной и особенной деятельности вашей, оно не утаилось бы от вас впоследствии. // (л. 80 об.)

Вы говорите, что устава общества не видали и что было сказано, чтобы не иметь ничего письменного, кроме записок о именах кандидатов. Несправедливость сего доказывается тем:

а) Вы умалчиваете, кто именно сказал вам сие.

б) Напротив того, общество, к которому принадлежал Глинка<sup>1</sup>, имело уставы свои, не раз с согласия членов изменявшиеся.

с) Уставы сии никогда не были тайно для членов, а напротив, ни один из них не мог быть принят иначе, как по прочтении хотя некоторой части правил и по добровольному избранию // (л. 81) одного из отделений устава, сообразного с способностями новопоступившего.

д) Не зная названия и устава общества, а равно места управления оного и начальствующих лиц, вы не могли бы ни действовать, ни принимать членов.

Вы показали, что сами поступили в общество осенью 1819 года и что вами принят Данченко, а Сенявиным, с согласия вашего, Дребуш. Но Комитету известно, что оба они еще в 1818 году принадлежали к тайному обществу. Из сего следует, что вы с намерением указываете на умерших, желая скрыть своих сообщников. // (л. 81 об.)

Далее вы говорите, что по предложению вашему принято условным знаком еврейское слово «Хейрут» (свобода), но умалчиваете:

1) Кому вы сделали сие предложение.

2) Кем, когда и каким образом было сие принято.

3) Кто из членов и взаимно с кем именно и при каких случаях вы употребляли сие слово «Хейрут» для узнания друг друга.

Комитету известна двоякая цель того общества, к которому принадлежали Глинка, Кутузов и Семенов, известны все намерения и средства действий, как и предметы, // (л. 82) бывших совещаний оного; но вы решительно ничего не открываете.

<sup>1</sup> Слова «к которому принадлежал Глинка» вписаны между строк другим почерком и другими чернилами.

Вы пишите, что Глинка, Семенов и Кутузов возложили на вас обязанность приема в члены. Но они решительно отрицают сие показание.

Вы говорите, что начальствующими лицами знали Глинку, Кутузова и Семенова и что положено было о непринятии никого в члены без согласия старшего члена, который должен был относиться тоже к старшему и так далее. Следовательно, вам были известны еще // (л. 82 об.) старейшие члены кроме трех, означенных вами, кои, впрочем<sup>1</sup>, равно отвергают и сие на них<sup>2</sup> показание ваше. Отвечайте:

- 1) Кто были сии старшие члены и какое вы имели с ними отношение?
- 2) У кого именно вы испрашивали согласия на принятие Сенявина, Искрицкого и других и кому представляли их как вновь принятых членов?

Вы говорите, будто бы полковник Глинка сказывал вам, что можно бы усилить успехи тайного общества присоединением к обществу Елизаветы, // (л. 83) которое желало возвести на престол ныне вдовствующую государыню императрицу Елизавету Алексеевну.

Открытие сие так важно, что невозможно верить, чтобы вы могли оставить оное без дальнейших расспросов.

В сем случае Комитет требует, чтобы вы привели себе на память и объяснили вернейшим образом:

- a) От кого именно известно вам об обществе Елизаветы и о желании возвести на престол государыню императрицу Елизавету Алексеевну? // (л. 83 об.)
- b) В чем заключалась цель общества Елизаветы, с каких пор и где оно существовало?
- c) Кто были членами оного и не находились ли и вы в числе их?
- d) У кого и когда видели вы на печатях знаки общества, состоявшие в елке и книге завета?

В 16 пункте своих ответов вы изъяснялись так: говорили вам (стало, многие говорили), что по нарочитом усилении общества составят план действий, смотря по обстоятельствам. // (л. 84) Объясните, кто говорил вам о сем?

Дальнейшие показания ваши имеют такой вид, что вы бывали на совещаниях общества, участвовали в мнениях и предположениях его и знаете правила, совершенно особенные, и средства и действия оного; но не сделали ни одного показания, где, когда и у кого были сии совещания, с кем именно вы разделяли их, в чем оные заключались и кто суть члены сего общества. Объясните все сие подробно<sup>3</sup>.

Прежде вы показали, что бывали у Глинки часто, а он у вас // (л. 84 об.) никогда, потом пишите, что вы у него бывали реже, чем в год раз, но и то без всяких о делах общества разговоров. Кутузов же и Семенов только один раз посетили вас. Из сего ясно видно, что вы, не будучи в тесной связи с сими членами общества, не имея всегдаших сношений с ними, не зная их правил и не разделяя их совещаний, решительно не были и не могли быть сочленом сих лиц.

Из всего вышеизложенного и из других сведений, какие правительство уже имеет // (л. 85) у себя, Комитет находит, что вы есть член другого тайного общества, частию уже известного правительству, коего полное раскрытие ожидается и требуется от вас с тем, что сие вменится вам в особенную услугу.

<sup>1</sup> Слово «впрочем» вписано над строкой другим почерком и другими чернилами.

<sup>2</sup> Слова «на них» вписаны над строкой другим почерком и другими чернилами.

<sup>3</sup> Слово «подробно» приписано другим почерком и другими чернилами.

А потому, не допущая до улик и дальнейших изобличений вашей скрытности и неправды, могущих усугубить вину вашу, отвечайте откровенно и без всякой утайки.

1

По каким причинам и с каким намерением вы решились указывать на Глинку, // (л. 85 об.) Кутузова и Семенова тогда, когда первый вас не принимал, а последние никогда не знали вас сочленом своим?

2

Кем именно, когда и где вы были приняты в члены вашего общества?

3

Под каким названием существовало ваше общество, когда и кем оно основано было?

4

Кто были начальствующие лица сего общества и где находились управления оного?

5

Кто из сочленов ваших известны вам были вначале и впоследствии? // (л. 86)

6

В чем именно заключалась цель и правила вашего общества и какими средствами действовало оно для достижения своей цели?

7

Чрез кого и с какими именно обществами, вне России существующими, имели вы сношения и в чем оные заключались?

8

- а) Кто именно возложил на вас обязанность приема в члены?
- б) Кого сверх показанных вами лиц и когда вы приняли в члены свои?
- с) Что сообщали им о цели общества и какие возлагали // (л. 86 об.) на них обязанности?
- д) Какие именно статьи из Моисея вы внушали им для убеждения, что сам бог покровительствует народные правления?

9

Когда общество ваше предполагало начать открытые действия свои? Где надлежало начать оные и каким образом?

10

Что общество ваше измышляло употребить противу правительства, государя и августейшей фамилии его?

11

- а) С каким намерением дали вы Устимовичу секретный ключ для переписки? // (л. 87)
- б) От кого и когда оный сами вы получили и в чем он состоит?
- в) Когда и о чем имели вы с ним переписку по сей азбуке?
- г) С кем кроме вас он имел сношение посредством сего ключа?
- д) С каких пор и какого рода имели вы связь с Устимовичем и давно ли он и о чем писал к вам?

12

По какому поводу и когда говорили вы с Глинкою, чтобы на случай успеха не искать ничего для своих видов? // (л. 87 об.)

Точно ли ему, а не другому кому, говорили вы сие и при ком именно?

Какие именно успехи разумели вы, когда и какими средствами думали достигнуть их?

На чем были основаны надежды ваши, ежели действительно знали вы только Глинку, Кутузова и Семенова? Откройте всех ваших соумышленников, не доводя до дальнейших мер изобличения.

13

Вы говорите, что брали уроки у бежавшего из отечества своего *карбонария* итальянца *Жили*? // (л. 88)

Комитету известно, что он был член вашего общества.

Отвечайте:

- a) Что известно вам о принадлежности его к тайному обществу?
- b) Какие имели вы с ним связи и дела и с кем он был в коротких сношениях?
- c) Что открыл он вам о своих намерениях и действиях?
- d) Кого и когда он принял в общество?

14

Когда, где и с кем именно имели вы беседы и суждения, изложенные // (л. 88 об.) в 9 пункте ваших показаний, заключающие многочисленные осуждения, негодования и укоризны, произносимые на правительство, вельмож, государя и великих князей? Кто был свидетелем сих бесед ваших и чем вы можете доказать, что все изложенные вами преступные суждения разделяли с вами другие? Здесь особенно требуется ясное, подробное и утвердительное показание.

15

Вы говорите, что благо отечества было основою действий вашего общества и что вы будто бы давно раскаялись и оставили оное // (л. 89), но не донесли правительству, опасаясь личных гонений от членов общества. Ежели это справедливо, то:

- a) Кто именно сии члены, от коих вы опасались личных гонений, ибо Глинка, Кутузов и Семенов не могли быть ни в каком случае опасными для вас сколько-нибудь потому, что вы вовсе не имели с ними сношений по обществу, столько и потому, что они никогда не были довольно сильны для гонения и причинения вам какого-либо вреда? // (л. 89)
- b) Какие именно причины побудили вас бежать в Англию и склонять Искрицкого на фальшивый поступок: сделание адреса чужим почерком на письме вашем в Лондон?
- c) Какие меры были приняты вами к побегу, кто знал о сем и кто обещал вам способствовать к тому?
- d) Когда и через кого вы писали в Лондон?

16

Вы показали, что за несколько дней до 14 декабря вы были у Глинки с тем намерением // (л. 90), чтобы узнать, не предпринимают ли что-либо противу законной власти, что будто бы Глинкою сказанные слова: «Что-нибудь да будет, посмотрим» и собственные опасения ваши побудили вас ехать к Гурьеву и просить его довести до сведения графа Милорадовича, что на случай восшествия на престол государя императора Николая Павловича должно опасаться возмущения.

Из сего обстоятельства Комитет усматривает:

- 1) Что ни выше приведенные слова, ни подобные // (л. 90 об.) сему, если бы и точно были сказаны Глинкою, не могли дать вам ни малейшего повода к заключению о возмущении.
- 2) Что за несколько дней до 14 декабря и само правительство не имело никаких видов к подозрению о заговоре, а тем менее не могло родиться в вас сие *опасение*, если бы не знали о заговоре от тех самых людей, кои произвели известное неустройство. Справедливость сего подтверждается // (л. 91) и дальнейшими показаниями вашими о заблаговременных разведываниях ваших и о многократном явлении вашем к месту возмущения, а потому отвечайте чистосердечно:

а) когда, где и от кого именно узнали вы о замышляемом на 14 декабря заговоре?

- б) кто известен вам был из заговорщиков?  
в) какое вы сами в оном принимали участие?

17

При ком именно говорил вам Глинка в магазине Плавильщика, что он был взят, но // (л. 91 об.) отрекся в желании перемены образа правления и что на желание ваше видеться с ним он сказал, что опасно видеться, и чем вы можете утверждать, что действительно все сие говорил он?

18

В конце ответов своих вы говорите, что о предмете, о коем изустно докладывали члену Комитета, по изъясненным тогда же причинам не смеете здесь упомянуть. Комитет требует от вас полного о сем показания.

19

Что сообщили вы Сенявину за несколько дней до 14 декабря // (л. 92) о том, что на случай присяги государю Николаю Павловичу будет возмущение, и что он отвечал вам на сие, и когда и где вы с ним виделись накануне и после происшествия?

20

Какое сделали вы условие с Сенявиным и Искрицким насчет взаимных пред судом показаний ваших в случае, ежели сего потребуют от<sup>1</sup> вас?

21

По арестовании Искрицкого где и когда вы виделись с Сенявиным и также в чем именно<sup>2</sup> состояло подтвердительное условие ваше?

22

Наконец, еще подтверждается вам, чтобы вы не доводили // (л. 92 об.) до необходимости улик и других средств, а прямо и со всею истинною подробностию отвечали на сии вопросы.

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 93)

№ 35 (34)

В высочайше учрежденный Комитет  
для разыскания о зловредных обществах  
титулярного советника Перетца

Покорнейшее объяснение

На учиненные мне вновь вопросные пункты честь имею доложить:

На 1-й. Прописываемое в сем пункте показание полковника Глинки<sup>3</sup>, будто он никогда не принимал меня в тайное общество, вовсе несправедливо, а мое о том показание совершенно истинно, и я готов сказать ему сие в глаза; явных и ясных доказательств не имею и иметь не могу, как я в прежнем объяснении докладывал, что сие в подобных делах почти невозможно, и что опасение осуждения за непредставление оных, между прочим, удерживало меня от объявления правительству прежде о существовании тайного общества, но, по всей вероятности, кто заслуживает более веры? Я ли, давно от общества удалившийся, остерегавший начальство насчет возмущения и признавшийся при первом допросе в собственной вине, или Глинка<sup>3</sup>, ничего подобного не учинивший (по крайней мере, я о том ничего не знаю), а напротив, утверждавший сначала

<sup>1</sup> Слово «от» вписано другим почерком.

<sup>2</sup> Слова «в чем именно» вписаны над строкой другим почерком.

<sup>3</sup> Фамилия подчеркнута карандашом.

в желании о перемене образа правления? Кроме того, что может побудить меня, сознавшегося в собственной вине, скрывать о соумышленниках, меня в оную во-влекших, особливо когда с самого начала и поныне обещается мне за то облегчение участи, для всякого столь желательное, более еще для человека семейного, а // (л. 93 об.) всего более еще для человека подобно мне, к семейству крайне привязанного, и оклеветать Глинку<sup>1</sup>, человека в связях со мною будто невинного? Я против Глинки<sup>1</sup> никакого неудовольствия иметь не могу кроме того, что вовлечен им в преступное тайное общество и тем подвергся многим неприятностям; он же, напротив, должен питать на меня неудовольствие, во 1-х, за удаление мое от общества, во 2-х, за предварение мною начальства об опасении насчет бунта<sup>2</sup>, о чем он или товарищи его, может быть, узнали и, в 3-х, за то, что я при допросе о нем объявил<sup>3</sup>; сии причины, вероятно, руководствуют им к навлечению на меня подозрения и неудовольствия начальства всевозможными средствами; и, конечно, какое приятнейшее для членов тайных обществ торжество, как гибель отступника, ставшегося предотвратить преступные их замыслы предварением начальства о своих опасениях, и тем приятнее если могут навести самое<sup>3</sup> начальство быть орудием сей гибели? Кроме удовольствия мщения, непримируемому духу партий только свойственного, заключается в том видимая их польза<sup>4</sup>; ибо как редко, что остается тайною, то известность о таковой удаче их ухищрений будет удерживать других от удаления от них, а паче от каких-либо против них в пользу правительства покушений; несчастие Ронова<sup>1</sup>, например, много содействовало к удержанию меня от открытия правительству о существовании тайного общества; если удастся им погубить меня возбуждением в начальстве сомнения в моей искренности после моего удаления от общества, предварения об опасении насчет бунта и действительно чистосердечного моего показания, то сие, конечно, удержит многих от подобного удаления, предварения и чистосердечного признания, сверх всего того Глинка<sup>1</sup> по обстоятельствам дела его, мне неизвестным, может иметь причины отпираться в приеме меня, повторяю, что доказательств не имею и иметь не могу, но к прежним моим о Глинке<sup>1</sup> рассказам присовокуплю следующее, вероятность<sup>5</sup> // (л. 94) показаний моих усиливающее. во 1-х, рассказывал он<sup>6</sup> мне, что в разговоре с покойным графом Михайлою Андреевичем на слова графа, что и деспотизм иногда годится, ответствовал он: «Как меркурий в иных болезнях, и то гранами», и, во 2-х, говорил он мне про одного чиновника, при покойном г[осподине] министре полиции Сергеем Козмичем Вязмитинове по секретной части состоявшего, который будто подал записку, в коей порицал невнимательность покойного государя императора к гражданской части под видом донесения о слухах в публике носившихся; рассказывают ли подобные подробности без короткой связи? Не могу сказать<sup>7</sup> утвердительно, в то ли общество он меня<sup>8</sup> принял, в котором он<sup>9</sup> сам был членом; ибо, как мною уж объяснено, он мне говорил, будто общество только что составилось и именовал мне членами только Семенова<sup>1</sup> и Кутузова<sup>1</sup>, может быть, сделано им сие из хитрости или осторожности, как я слыхал и, кажется, читал, что тайные общества новым членам часто не открывают своих видов и средств и, вообще, мало что открывают, пока временем и большими опытами в них совершенно не удостоверятся<sup>10</sup>, а, может быть, и то, как я в объявлении Комитета в газетах читал, что между членами тайных обществ не всегда гос-

1 Фамилия подчеркнута карандашом.

2 Слова «за предварение мною начальства... насчет бунта» подчеркнуты карандашом.

3 Слово «самое» вписано над строкой.

4 Слова «Кроме удовольствия мщения... их польза» подчеркнуты карандашом.

5 Две строки от слов «меня; повторяю, что доказательств...» на полях отчеркнуты карандашом.

6 Слово «он» подчеркнуто карандашом.

7 Пять строк от слов «г[осподине] министре полиции...» на полях отчеркнуты карандашом и отмечены знаком «NB».

8 Слова «Не могу сказать... он меня» подчеркнуты карандашом.

9 Слово «он» вписано над строкой.

10 Три строки от слов «и, кажется читал, что...» подчеркнуты карандашом.

подствовало согласие в предположениях, Глинке, Кутузову и Семенову действительно вздумалось<sup>1</sup> составить отдельное общество, планам их соответственнейшее.

На 2-й. Объяснение мое на предыдущий пункт достаточно объясняет и сей; присовокуплю только, что Кутузов<sup>2</sup> однажды сказал мне, будто его сочинения (так называл он помещаемые им в журналах<sup>3</sup> статьи) велено цензуре рассматривать с особенной строгостью; без связи по обществу говорил ли бы он сие мне, прежде с ним никакого знакомства не имевшему? Из самих<sup>4</sup> вопросов Комитета видно, что сии три лица состояли в одном и том же обществе<sup>5</sup>; как бы мне угадать о таковом<sup>6</sup> их сообществе, если б сам не был их товарищем? // (л. 94 об.)

На 3-е. На «а». Мною уж доложено, что мне сказано было Глинкою<sup>2</sup> будто общество только что составилось; он же не велел сказывать о том тем, которых буду принимать, дабы их не обескуражить; на «б». О названии общества я никогда не любопытствовал и не думал, чтоб тайное общество должноствовало иметь особое какое-либо название, а знал только, что состоял в обществе, стремившемся ко введению монархического представительного правления<sup>7</sup>, да и теперь названия обществ, мною в газетах читанные, считаю не иначе, как ребяческою игрою слов, ни к чему не полезною; открытое общество должно иметь название для разных переписок и сношения прямо на имя его или от его имени производимых; но общество тайное, коему благоразумно избегать всяких переписок и которое ни в каком случае не должно производить их от имени общества<sup>8</sup> в особом названии никакой надобности не имеет.

На 4-е. На «а». Чтоб не иметь ничего письменного, кроме записок об именах кандидатов, которые по миновании надобности уничтожались, говорил мне Глинка<sup>2</sup>, если я при сем случае его особо не именовал, то потому что в объяснении моем единожды сказал, что я почти к нему единственno относился; на «б» и «с». Повторяю, что не знаю; в то ли общество он меня принял, в котором сам состоял, или по несогласии, может быть, видов с таковыми других членов, не вздумалось ли ему с Кутузовым<sup>2</sup> и Семеновым<sup>2</sup> составить отдельное общество, видам их ответственнейшее; может быть и то, что по какой-либо недоверчивости не хотели открыть мне о том обществе или прочие члены оного на то не были согласны; чужих мыслей и побуждений знать не могу; на «д». Начальствующими лицами я знал Глинку<sup>2</sup>, Кутузова<sup>2</sup> и Семенова<sup>2</sup>, как мною уже объяснено, но относился почти единственno к Глинке<sup>2</sup>, от коего получал все почти на принятие членов разрешения<sup>9</sup>; в особом названии общества никакой для того надобности не было, а принимал я членов в общество, стремившееся ко введению монархически-представительного правления, в коем сам состоял; письменного устава я не знал и не сообщал никому, а передавал словесно правила, в прежнем моем объяснении изложенные, которые считал<sup>10</sup> // (л. 95) достаточными; особого местоуправления я не знал и никакой в том надобности не имел, ибо лично от Глинки получал все почти разрешения<sup>11</sup>.

1 Слова «Глинке, Кутузову и Семенову действительно вздумалось» подчеркнуты карандашом.

2 Фамилия подчеркнута карандашом.

3 Слово «журналах» написано вместо стертого; на полях против слов «его сочинения (так называл... в журналах)» поставлен чернилами крест.

4 Слово «самих» вписано над строкой.

5 Против слов «в одном и том же обществе» на полях чернилами поставлен крест.

6 Первоначально: «том».

7 Против слов «ко введению монархического представительного правления» на полях чернилами поставлен крест.

8 Две строки от слов «благоразумно избегать всяких переписок...» подчеркнуты карандашом. На полях помета карандашом: «Перетц».

9 Пять строк от слов «обществе или прочие члены оного...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

10 Против слов «словесно правила, в прежнем моем объяснении изложенные, которые считал» поставлен на полях чернилами крест.

11 Слова «от Глинки получал все почти разрешения» подчеркнуты карандашом.

*На 5-й.* Если б я объявил только о Данченко<sup>1</sup> и Дребуше<sup>1</sup>, то можно б полагать, что умышленно указываю на умерших, но как мною объявлено о Глинке<sup>1</sup>, Кутузове<sup>1</sup>, Семенове<sup>1</sup>, Искрицком<sup>1</sup>, Данченке<sup>1</sup>, Лапе<sup>1</sup>, Сенявине<sup>1</sup>, Дребуше<sup>1</sup> и Устимовиче<sup>1</sup>, всего о девяти людях, из числа коих двое умерли, то тут ничего сомнительного не заключается; состояли ли Дребуш и Данченко в каком-либо тайном обществе в 1818 году<sup>2</sup>, мне неизвестно, хотя полагаю, что нет и что донесший о том Комитету или умышленно обманул, как, например, по словам Искрицкого<sup>1</sup>, Лапа<sup>1</sup> будто объявил, что он принят в общество на 16-м году от роду, кажется, будто Данченком<sup>1</sup> или, может быть, объявитель таковой ошибся в времени, как я сам про себя наверно не помню в 1819 или 1820 году имел я несчастие вступить в общество, а что не вступил в оное прежде 1819 года заключаю потому, что по окончании к 1 января 1819 года срока новогородского питетного откупа, у отца моего в содержании бывшего, отправил он меня туда по некоторым поручениям, я бывал там весьма часто у титулярного советника Зверева<sup>1</sup>, бывшего тогда советником новогородской казенной палаты и имевшего большой круг знакомства; с ним я был очень дружен так, что последнее время пребывания моего в Новгороде я перебрался жить к нему; если б я состоял тогда в обществе, то, верно, покусился бы вовлечь его в оное, но я ни малейшего о том помышления не имел.

*На 6-й.* На 1-е, о принятии знаком слова «Хейрут» предлагал Глинке<sup>1</sup>, Кутузову<sup>1</sup> и Семенову<sup>1</sup>; на 2-е, они тогда же сие одобрили<sup>3</sup>, а по мере приема мною членов слово сие мною им было сообщено, с тем, чтобы они при приеме членов оное им тоже сообщали; на 3-е, слово сие принято было только на случай встречи, надобности кого-либо из членов в услугах или помощи лица или<sup>4</sup> лиц, о которых будет полагать, что они тоже члены общества, но наверно того знать не будет, чтобы сообщить первую букву, то есть «Х», на которое если будет ответствовано второю, то есть «е», то продолжать таковое взаимное сообщение по одной букве до окончания // (л. 95 об.) всего слова, сколько мне известно, надобности таковой не встретилось, но наверно не знаю.

*На 7-й.* Все, что знаю, о цели и средствах действий общества, к которому принадлежал, я открыл чистосердечно без малейшей утайки; более ничего не знаю; Глинка<sup>1</sup>, Кутузов<sup>1</sup> и Семенов<sup>1</sup> знали, может быть, более, даже и принятые мною члены и сими принятые, может быть, прежде или впоследствии знали мимо меня более, но мне более не сообщено.

*На 8-й.* Если Глинка<sup>1</sup>, Кутузов<sup>1</sup> и Семенов<sup>1</sup> решительно отрицают, то я, напротив, решительно утверждаю прежнее свое показание, ссылаясь, впрочем, во всем на доводы мои, в объяснении против 1-го и 2-го пунктов изложенные.

*На 9-й.* На 1-е сказанное мною о непринятии членов без согласия старшего, который должен был относиться тоже к старшему и так далее, разумеется так, что Лапа<sup>1</sup>, например, если б вздумал принять кого-либо в члены, должен был относиться к старшему его, то есть к Искрицкому<sup>1</sup>, сей ко мне, а я к Глинке<sup>1</sup>, Кутузову<sup>1</sup> или Семенову<sup>1</sup>, но старше сих трех последних я никого не знал; на 2-е, на принятие Сенявина<sup>1</sup> и Искрицкого<sup>1</sup> я, кажется, разрешен был сими тремя лицами; о прочих, сколько помню, одним Глинкою<sup>1</sup>, принятых мною членов я никому не представляя, избегая всяких сходищ и заведения новых знакомств, могущих влечь подозрение, чего Глинка<sup>1</sup> не желал; полагаю, что он имел в виду и ту осторожность, чтоб на случай открытия о существовании общества немногие лица могли показывать, что были в непосредственных с ним сношениях; но, сколько помню, я Сенявину<sup>1</sup>, Искрицкому<sup>1</sup> и Устимовичу<sup>1</sup> о Глинке<sup>1</sup> говорил, что он член нашего общества; Искрицкому<sup>1</sup> говорил я и о Кутузове<sup>1</sup> и по сему поводу он после сказал мне, что Кутузов<sup>1</sup> арестован<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Фамилия подчеркнута карандашом.

<sup>2</sup> Слова «в 1818 году» вписаны над строкой.

<sup>3</sup> Слова «они тогда же сие одобрили» подчеркнуты карандашом.

<sup>4</sup> Слова «лица или» вписаны над строкой.

<sup>5</sup> Пять строк от слов «он имел в виду и ту осторожность...» написаны другим пером вставкой на полях, отчеркнуты карандашом и отмечены знаком «NB».

*На 10-й.* Об обществе Елисаветы я узнал уж тогда, когда стал уклоняться несколько<sup>1</sup> от нашего общества, и именно по тому случаю, что на вопрос Глинки<sup>2</sup>, почему давно не предлагаю о кандидатах<sup>3</sup> чтобы отдалась от него, я отвечал, что не нахожу лиц, в которых мог бы предполагать к тому расположение; при сем случае вырвались у него слова, что можно бы удесятерить<sup>4</sup> успех, если б присоединиться к обществу Елисаветы, желавшему будто возвести на престол ныне вдовствующую государыню императрицу Елизавету Алексеевну, которого знаки будто состояли в *елке и книге завета*, на печати вырезанных; говорил он таким тоном, будто ему // (л. 96) сделалось о том известно по службе<sup>5</sup>, но поелику я тогда не желал ни усиления успехов нашего общества, ни входить с доносами на оное или какое-либо общество, то я далее не любопытствовал и потому могу только сказать: на «*a*», о сем узнал от Глинки<sup>2</sup>, как выше сказано: на «*b*», цель общества Елисаветы, по словам Глинки, состояла, будто, в возведении на престол ныне вдовствующей государыни императрицы Елизаветы Алексеевны; с каких пор и где оно существовало, мне неизвестно; «*c*», кто были членами общества Елисаветы, не знаю; сам ни<sup>6</sup> к оному, ни к какому-либо другому тайному обществу, кроме того, о котором я уж объявил, никогда не принадлежал и «*d*», знаков *елки и книги завета* на печатях я никогда ни у кого не видел, а слышал о том только от Глинки<sup>2</sup>.

*На 11-й.* Сказанное мною в прежнем объяснении, что по нарочитом усиливании общества, говорили, составят план действий, смотря по обстоятельствам, говорили мне Глинка<sup>2</sup>, Кутузов<sup>2</sup> и Семенов<sup>2</sup>.

*На 12-й.* Кроме тех свиданий, о которых в прежнем объяснении моем показал, и сказанного уже мною о мнениях, предположениях, правилах и средствах действий, я ни в каких совещаниях не участвовал, ни о чем более неизвестен и не знаю, что подало повод к противному заключению.

*На 13-й.* О посещениях моих у Глинки<sup>2</sup> оба показания мои справедливы; пока усердствовал обществу, бывал я у него *часто*, а после, решившись удалиться, *реже* чем в год раз, как сие по связи мест, где то и другое сказано, ясно видно; если выписывать отдельно по несколько слов, не прописывая вместе предыдущих и последующих, неразрывную с ними связь имеющих и для дополнения смысла необходимых, то во всякой бумаге найдутся мнимые<sup>7</sup> противоречия; с Кутузовым<sup>2</sup> и Семеновым<sup>2</sup> я не много раз виделся, как из прежнего моего объяснения явствует, но повторяю неоднократно мною уже сказанное, что я относился почти единственно к Глинке<sup>2</sup>, ни в каком другом тайном обществе я не участвовал и не // (л. 96 об.) состоял; я почел бы величайшим для себя счастием какими-либо новыми открытиями достичь того, чтоб вменили мне оные в особую услугу, как Комитет обещает, с чем, конечно, сопряжено бы было облегчение моей участи; но во 1-х, не хочу лгать, во 2-х, кроме поименованных мною лиц, не имев связи ни с кем из членов тайных обществ кроме Жили<sup>9</sup>, о связи коего со мною (если можно назвать сие связью) мною прежде объяснено<sup>8</sup> и далее сказано будет, и сверх объявленного в газетах и от Искрицкого мною слышанного, о чем мною в прежнем объяснении изложено, не зная<sup>9</sup> ничего о их правилах, предположениях и средствах, хотя бы хотел, не мог бы составить повествования вероподобного, и в 3-х, как истина рано или поздно, но всегда неминуемо обнаруживается, то по открытии лживости моих вымыслов, вместо услуги оные по всей справедливости вменены бы были мне в вящее преступление и отяготили бы мою участь, вместо того, что теперь, придерживаясь совершенно правды, я несомненно уверен в правосудии и человеколюбии

1 Слово «несколько» вписано над строкой.

2 Фамилия подчеркнута карандашом.

3 Слова «почему давно не предлагаю о кандидатах» подчеркнуты карандашом.

4 Слово «udeсятерить» подчеркнуто карандашом.

5 Слова «сделалось о том известно по службе» подчеркнуты карандашом.

6 Слово «ни» вписано над строкой.

7 Слово «мнимые» подчеркнуто карандашом.

8 Две строки от слов «связи ни с кем из членов...» отчеркнуты на полях карандашом.

9 Против строки со словами «мною слышанного, о чем мною... не зная» поставлен на полях знак «NB».

Комитета, что по зрелом рассмотрении и исследовании он узнает мое чистосердчие и не оставит меня благосклонным за то снисхождением и потому честь имею ответствовать:

На 1-е. Решился я указывать на Глинку<sup>1</sup>, Семенова<sup>1</sup> и Кутузова<sup>1</sup> потому, что сие согласно истине; так да помогает мне бог в сей жизни и в будущей! От 2-го до 6-го включительно, кроме прежних моих показаний ничего присовокупить не могу; на 7-й, ни с какими другими тайными<sup>2</sup> обществами ни внутри, ни вне России я ни малейшего общения не имел; на 8-е, на «а», прежде уже объяснено; на «б» сверх поименованных мною лиц я никого в члены тайного общества не принимал; на «с» прежде уже объяснено; на «д», несчастная Мария-Антуанета, королева французская, опровергая разные обвинения, злобою на нее вымышленные, когда дошла до статьи, в коей обвиняли ее в соблазнительном будто с сыном обращении<sup>3</sup>, оgra// (л. 97)ничила свое оправдание ссылкою на всех матерей, уверенных в невозможности подобной мерзости; и я в предлежащем случае ссылаюсь на всех христиан и евреев, пред книгами Моисеевыми равномерно благоговеющих; возможно ли такое богохульение? В книге второсказания Моисей именно говорит израильтянам, что в обетованной земле у них будет царь, в одной из последних глав сей книги он, кажется, самого себя называет царем, а книги Моисеевы под непосредственным внушением божиим писанные, противоречия не заключают.

На 9-й и 10-й. Кроме прежде объясненного ничего присовокупить не могу.

На 11-й, на «а», Устимовичу<sup>1</sup> дал я секретный ключ для переписки на случай надобности в извещении по делам общества, как-то о предложении кандидатов в члены и о сообщении интересных новостей; на «б», в чем он состоит, я в Комитете показал; на бумаге объяснить оный почти невозможно; я не получил его ни от кого, а он есть усовершенствование, сделанное мною в ключе<sup>4</sup>, о коем рассказывал мне бывший мой учитель Лоран<sup>1</sup>, который служил в Швейцарии по иностранной части; и о сем последнем ключе я Комитету лично доложил; на «в», по сему ключу я ни с Устимовичем<sup>1</sup>, ни с кем никогда переписки не имел; на «г», сколько мне известно, и он посредством сего ключа ни с кем сношения не имел<sup>5</sup>, но удостоверить в том не могу, хотя повода к подозрению не имею; на «д», с Устимовичем<sup>1</sup> я давно был знаком по знакомству его с отцом моим, с каких пор, именно не помню; дел я с ним никаких не имел кроме принятия его в общество и ссуды его 400 р[ублями], которые мною обратно получены<sup>6</sup>, писал он ко мне, кажется, один только раз скоро по прибытии его в Грузию о благополучном путешествии, о здоровье, о тамошнем климате, сколько помню, кажется, и о милостивом приеме его генералом Ермоловым. // (л. 97 об.)

На 12-й. Первую зиму по вступлении моем в общество разговорился я с Глинкою<sup>1</sup> о дурном направлении Французской революции<sup>7</sup>, сначала по тогдашнему нашему мнению столь много хорошего обещавшей<sup>8</sup>, приписывали мы сие тому, что участвовавшие в оной вместо преследования общей цели искали личных выгод, и потому говорили, чтоб нам того не делать; точно с ним был сей разговор; никого при том не было; говорил ли я что-либо подобное кому-либо<sup>9</sup> другому из членов нашего общества, того не помню; под успехами разумел я введение монархически-представительного правительства, времени достижения сей цели я предвидеть не мог, средств, кроме мною уже объясненных, я никаких не знал; надежды мои были основаны<sup>10</sup> на обстоятельствах, мною тоже уже объясненных, других я не

1 Фамилия подчеркнута карандашом.

2 Слово «тайными» вписано над строкой.

3 Против ответа на пункт «д» на полях помета карандашом: «Вопрос был: какие статьи из Моисея приводил?»

4 Слова «а он есть усовершенствование... в ключе» подчеркнуты карандашом.

5 Слова «сколько мне известно... не имел» подчеркнуты карандашом.

6 Слова «и ссуды его 400 р[ублями], которые мною обратно получены» вписаны над строкой другими чернилами.

7 Слова «Французской революции» подчеркнуты карандашом.

8 Слова «тогдашнему нашему мнению... обещавшей» подчеркнуты карандашом.

9 Шесть строк от начала абзаца отчеркнуты карандашом на полях.

10 Далее зачеркнуто: «тоже».

имел; кроме Глинки<sup>1</sup>, Кутузова<sup>1</sup> и Семенова<sup>1</sup> я знал только о тех лицах, о коих мною уже объявлено, полагал, как мною тоже объявлено, что Глинке<sup>1</sup>, Кутузову<sup>1</sup> и Семенову<sup>1</sup>, может быть, известно и о других членах и что они вероятно стараются об умножении числа оных, но положительного о том и другом<sup>2</sup> не знал.

На 13-й. У Жили взял всего 4 или 5 итальянских уроков; что он был карбонарий, бежавший из своего отечества, слышал я от Искрицкого<sup>1</sup>: наверно того не знаю; был ли он членом нашего общества, мне неизвестно, а сколько знаю, он таковым не был; на «а», о принадлежности его к тайному обществу карбонариев известно мне только вышеописанное, от Искрицкого<sup>1</sup> слышанное; «б», мои с ним связи ограничивались встречами у Искрицкого<sup>1</sup> и взятием<sup>3</sup> 4-х или 5-ти итальянских уроков; дел я с ним никаких не имел, кроме того, что купил у него две книжки его сочинения на французском языке, кажется о теории языков и науке о человеке; сколько знаю, он был в коротких сношениях с домом Искрицких<sup>1</sup>, где жил, а думаю, что он бывал у графа Литте потому, что одно из помянутых сочинений ему посвящено; не помню, в котором<sup>4</sup> году уехал он, кажется<sup>5</sup>, в Костромскую губернию к какому-то помещику, кажется, учителем, куда, и к кому именно, не знаю; «с», о своих // (л. 98) видах, намерениях и действиях он мне никогда ничего не говорил; на «д», кого и когда он принял в какое-либо общество, мне неизвестно.

На 14-й. Изложенные мною в 9-м пункте прежнего моего объяснения суждения, заключающие многочисленные осуждения, негодования и укоризны, служат вящим доказательством моего чистосердия, по которому я предпочел выставить вину свою во всей полноте, нежели уменьшить ее какою-либо утайкою, суждения сии имел я со всеми поименованными мною членами нашего общества<sup>6</sup>, с одним больше, с другим меньше, по мере частных или редких с кем свиданий, кроме Лапы<sup>1</sup>, с которым я непосредственно мало говорил, но полагаю, что Искрицкий<sup>1</sup> содержание сих суждений ему большую частью передал, исключая того, что касается Польши и поляков, о чем, как поляку, думаю, что Искрицкий<sup>1</sup> ему не говорил; суждения сии происходили в течение того<sup>7</sup> времени, как я усердствовал общству, то есть около двух лет<sup>8</sup>, когда именно, о чем с кем говорено было, того упомянуть невозможно; многократно мною<sup>9</sup> уж доложено, что в таких случаях, коль скоро требуется чистосердечное признание, то должно объявить то, что доказать невозможно; помню, что с Сенявином<sup>1</sup> и Дребушем<sup>1</sup> некоторые из помянутых осуждений правительства происходили при братьях Энгельгардовых<sup>1</sup>, Николае и Валериане, кажется, Васильевых, в лейб-егерском полку состоящих; сколько мне известно, они к тайному обществу не принадлежали, но Сенявин<sup>1</sup> и Дребуш<sup>1</sup> уверяли, что при них можно таким образом говорить, считая их друзьями (Дребуш<sup>1</sup> у них на квартире умер); но весьма сомневаюсь, захотят ли они засвидетельствовать истину моего показания, во 1-х, опасаясь ответственности за умолчание о том доселе, а, во 2-х, по приязни с Сенявиным<sup>1</sup>.

На 15-й. С Глинкою<sup>1</sup> я, пока усердствовал обществу, имел частые сношения; с Кутузовым<sup>1</sup> и Семеновым<sup>1</sup> хоть гораздо менее, но все имел их; гонений опасался я: во 1-х, от всех известных мне членов, не исключая и самого незначительного<sup>10</sup>; помогать трудно, а вредить всякий может; притом человек в исступлении политического энтузиазма и распаленный бешенством духа партий может покуситься на

1 Фамилия подчеркнута карандашом.

2 Слова «и другом» вписаны над строкой.

3 Семь строк от начала абзаца на полях отчеркнуты карандашом и отмечены знаком «NB».

4 Три строки от слов «знаю, он был в коротких...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

5 Слово «кажется» вписано над строкой.

6 Слова «имел я со всеми поименованными мною членами нашего общества» подчеркнуты карандашом.

7 Слова «суждения сии происходили в течение того» подчеркнуты карандашом.

8 Слова «около двух лет» подчеркнуты карандашом.

9 Одиннадцать строк от начала абзаца на полях отчеркнуты карандашом и отмечены знаком «NB».

10 Слова «не исключая и самого незначительного» вписаны над строкой.

все, особливо для отмщения доносителю<sup>1</sup>; кем убит Коцебу<sup>2</sup>? Не ничтожным ли студентом, которого, верно, не считали для него // (л. 98 об.) опасным; во 2-х, Глинка<sup>3</sup>, быв в связях по масонству и участию в обществах соревнования просвещения и взаимного учения и по прежнему влиянию у покойного графа Михайлы Андреевича весьма мог вредить, особливо на случай бездоказательного доноса, как законами, так и общим мнением весьма осуждаемого; не могу сказать утвердительно, но полагаю, что влияние его содействовало и<sup>4</sup> к несчастию Ронова<sup>5</sup>, и в 3-х, как мною уже сказано: я не верил, чтоб общество только что составилось, а полагал, что есть члены, о которых мне не открывали; кроме того я должен был еще полагать, что Глинка<sup>3</sup>, Кутузов<sup>3</sup> и Семенов<sup>3</sup> набирают новых членов, которые все на случай доноса всемерно старались бы вредить мне; повторяю, что со временем удаления моего от общества претерпевал я неудачи и неприятности, причины коих не мог постичь и когданико отнушу к прямому или косвенному влиянию озлобленных против меня членов тайных обществ; одно слово будто мимоходом в пользу или во вред сказанное спасает иногда или губит человека, да и теперь отчего Комитет сомневается в моем чистосердечии? По ненависти членов тайных обществ, за удаление мое и за остережение мною начальства о бунте<sup>6</sup>, умышленным отпирательством старающихся затмить истину моего показания; когда же отпирательство уличенных, уже виновных, может мне вредить, то чего не надлежало мне опасаться от отпирательства людей, когданико выставили бы себя совершенно невинными, особливо после<sup>7</sup> разительного примера несчастия Ронова<sup>3</sup>.

На «б». Я никогда не показал, что намеревался *бежать* в Англию, чего и в помышлении не имел, а хотел уехать туда открыто и явно как тысячи уезжают; *бежать* и *уехать* никогда не были словами единознаменательными; только дабы не навлечь подозрения не хотел я разгласить о том в то время как был у Искрицкого<sup>8</sup>, как о деле весьма еще дальнем и сомнительном; побудительные мои к тому причины в прежнем моем объяснении изложены; других я не имел; равномерно не просил я Искрицкого<sup>3</sup> сделать адрес *чужим* почерком, что значило бы подражание // (л. 99) почерку другого какого-либо именно лица, а просил его только надписать буде может так, чтоб не узнали его руки; скрывание своего почерка в актах или бумагах, какую-либо обязанность излагающих, должно быть почтено фальшивым поступком, поелику может иметь целию несправедливое от сих обязанностей уклонение; но скрыть свой почерк на адресе письма для избежания любопытства или видов почтового чиновника, на распечатание оного никакого известного законного права не имеющего, столь же мало похоже на фальшивый поступок, как если человек должностный пройти мимо людей, от коих опасается незаконных неприятностей, наденет маску или закутается, чтоб не быть узнану; а если они его остановят, спросят о его имени и он притворным голосом назовет себя действительно чужим именем, и за то никакой благомыслящий его нимало не осудит; хотя и не имею теперь никаких книг законов для справки, но я уверен, что и закон того не запрещает.

На «с», как я никогда не намеревался *бежать*, то и мер не принимал, никто о том<sup>9</sup> не знал и не обещал<sup>10</sup> способствовать; если б послал предположенное письмо и получил бы от г[осподи]на Way желанный отзыв, то вышел бы в отставку, публиковал бы в газетах о своем отъезде, соблюл бы все прочие законные обряды и уехал бы среди бела дня; на «д», как Искрицкий<sup>3</sup> отозвался невозможностью над-

<sup>1</sup> Слова «притом человек в исступлении... для отмщения доносителю» подчеркнуты карандашом.

<sup>2</sup> Против фамилии «Коцебу» на полях поставлен крест чернилами.

<sup>3</sup> Фамилия подчеркнута карандашом.

<sup>4</sup> Союз «и» вписан над строкой.

<sup>5</sup> Слова «что влияние его содействовало и к несчастию Ронова» подчеркнуты карандашом.

<sup>6</sup> Слова «за остережение мною начальства о бунте» подчеркнуты карандашом.

<sup>7</sup> Против слов «людей, когданико выставили бы себя совершенно невинными, особливо после» поставлен на полях крест чернилами.

<sup>8</sup> Фамилия подчеркнута карандашом и отмечена на полях знаком «NB».

<sup>9</sup> Слова «никто о том» подчеркнуты карандашом и отмечены на полях знаком «NB».

<sup>10</sup> Слово «обещал» вписано над строкой.

писать адрес, скрывая свой почерк<sup>1</sup>, то я предположенного письма к г[осподи]ну Way и не писал; еще более убедился я оставить сие до другого времени по прочтении объявления Комитета в газетах<sup>2</sup> о разделении виновных в участии в тайных обществах на разные классы относительно степени вины и меры наказания, по которому, зная многолетнее мое от общества удаление и предварение мое начальства об опасности бунта, я весьма успокоился.

На 1-е, повод к опасению возмущения имел я; во 1-х, по известности о существовании тайного общества, стремившегося к перемене образа правления, которое в течение с слишком пяти лет, а может быть и гораздо более, весьма должноствовало усилиться, так что при<sup>3</sup> тогдашних обстоятельствах с некоторою вероятностью надлежало опасаться какого-либо возмутительного покушения, и во 2-х, слова Глинки<sup>4</sup> гадательно хотя сказанные: «Что-нибудь да будет, посмотрим» по связи // (л. 99 об.) нашего разговора, о коем я уже объяснял, не явно ли значили, что и он предполагал вероятность возмущения? Сего слишком достаточно было для побуждения меня ехать к г[осподину] Гурьеву<sup>4</sup> и просить его довесть до сведения покойного графа Михаила Андреевича о моих опасениях; ибо не учинив сего я на случай бунта рисковал погибнуть сам со всем семейством и быть молчанием моим виною всеобщего бедствия, а сделав сей шаг, если б удостоили слова мои внимания и открыли бы, что действительно затевался бунт, я мог ожидать награды от правительства, благодарности всех благомыслящих и душевной радости об отвращенном зле, а буде против моего чаяния нашли бы опасения мои неосновательными, вся беда кончилась бы на том, что сочли б меня дураком или трусом; у меня же, благодаря бога, довольно было благоразумия и твердости, чтоб предпочесть лучше слыть дураком или трусом, нежели малейше рисковать собою, семейством, родными и всеобщим спокойствием; на 2-е, правительство не имело видов к подозрению о заговоре потому, что оно о существовании тайного общества, ко введению нового образа правления стремившегося, сведения не имело; донос, Роновым<sup>4</sup> сделанный или к которому он подал повод, оставлен был без уважения, а несчастие его, верно, остановило других от извещения правительства; но я знал, что тайное общество существовало, по крайней мере, пять лет слишком, а может быть, и гораздо более, и слышал от Глинки<sup>4</sup> явное, хоть гадательное, подтверждение моих опасений; не безызвестно и то, что внимательный зрителъ, со стороны наблюдающий, видит иногда лучше действующего лица, несравненно умнейшего.

Что я не знал о заговоре от тех самых людей, кои произвели известное неустройство, и вообще никакого о том положительного сведения не имел, хотя сие не требует доказательств, ибо по всем законам нужны доказательства ясные и явные для обвинения, а не для оправдания, но сие доказывается тем, во 1-х, что я с сими людьми ни малейшей связи не имел и сколько помню, ни с кем из них никогда // (л. 100) ни слова не говорил; во 2-х, что с известными мне членами нашего общества (об участии кого-либо из них в бунте я не знаю)<sup>5</sup> я задолго пред тем не виделся и никаких сношений не имел, исключая Искрицкого<sup>4</sup>, с которым встретился нечаянно в кондитерской еще тогда, как о восшествии государя императора Николая Павловича никто в моем кругу не помышлял и никакого политического разговора с ним, Искрицким<sup>4</sup>, при том случае не имел, и Глинка<sup>4</sup>, о разговоре с коем мною уже объяснено; в 3-х, если б я имел положительное сведение о заговоре, то неминуемо одно из двух: или я желал оного или нет; в первом случае не остерег бы я начальства, ибо человек, желающий бунта, не остерегает, а напротив, всемерно старается усыпить бдительность правительства, а во 2-м случае, то есть не желая бунта, объявил бы я мои о том сведения во всей подробности, особенно видев, что остережение мое общими словами не было уважено<sup>6</sup>, не говорю даже о

1 Слова «скрывая свой почерк» подчеркнуты карандашом.

2 Семь строк от слов «никто о том не знал...» отчеркнуты на полях карандашом.

3 Три строки от слов «известности о существовании тайного общества...» отчеркнуты на полях карандашом. Против них на полях чернилами поставлен крест.

4 Фамилия подчеркнута карандашом.

5 Текст в скобках подчеркнут карандашом.

6 Слова «остережение мое общими словами не было уважено» подчеркнуты карандашом.

любви к государю и отечеству, опасность бунта наверно предстоящего для человека семейного, оного не желающего, столь велика, что пред нею исчезли бы все прочие опасения, и в 4-х, при первом допросе во дворце за чистосердечное признание обещано было мне спасение, и поныне чистосердечие поставляется мне на вид, как единственное к тому средство, что могло б побудить меня вместо спасения избрать гибель? Если не объявляю более объявленного, то единственno потому что более ничего не знаю.

Заблаговременные разведывания мои после посещения Глинки<sup>1</sup> ограничиваются только отысканием Сенявина<sup>1</sup>, коего, однако, не нашел; цель моя была, во 1-х, узнать, не известно ли ему что-либо? И во 2-х, на всякий случай, остеречь его от участия в бунте; если при опасении денежного какого-либо ущерба люди не мнятся хлопотать и разведывать, то (не говорю даже о любви к государю и отечеству) как не разведывать, опасаясь происшествия, где мог лишиться не только имущества, но и самой жизни, и не только собственной, но и жены, детей и всех родных?

На месте возмущения во время происшествия был я один только раз (при нечаянном узрении возмутительного отряда у дома г[осподи]на<sup>2</sup> военного генерал-губернатора, коль скоро заметил, что бунт, я ту же // (л. 100 об.) секунду пошел своим путем), а был я на месте возмущения во время происшествия, как сказано, один только раз между 2-м и 4-м часом пополудни вместе с отцом моим, которому даже отсоветовал ехать и сам того не хотел, опасаясь быть убитым или раненым, но, видев его решимость, совестился<sup>3</sup> не делить с ним сей<sup>4</sup> опасности; все время мы были в местах, мною прежде уже означенных, отнюдь не на стороне бунтовщиков; вечером я был там в другой раз по окончании уж происшествия, желав удостовериться, точно ли все успокоено, дабы самому с семейством быть спокойным; и сей раз был я не один, а вместе с конторщиком отца моего Шеллером; впрочем, все время были там десятки тысяч зрителей обоего пола, в заговоре, верно, ни малейше не участвовавших, а по всей справедливости любопытствовавших знать о ходе и окончании происшествия для всех опасного.

На «а». О замышляемом на 14 декабря заговоре я кроме собственного опасения и прежде объявленных мною гадательных слов Глинки<sup>1</sup> никакого сведения не имел; на «б», из заговорщиков в сем качестве я никого не знал<sup>5</sup>, а видел<sup>6</sup> я за несколько лет пред тем один только раз Корниловича<sup>1</sup> в доме купца Томсона<sup>1</sup>, Панова<sup>1</sup> у Сенявина (когда он был юнкером)<sup>7</sup>, но по сие время не знаю, того ли, который участвовал в бунте. Батенкова<sup>1</sup>, Рылеева<sup>1</sup> и Бестужева<sup>1</sup> видел я в течение 1825 года в доме Прокофьева; по сие время не помню, говорил ли я с ними когда-либо хоть одно слово; о Рылееве<sup>1</sup> и Бестужеве<sup>1</sup> я только после происшествия узнал, что я их видел, и ни с кем из заговорщиков, сколько мне об них по газетам и слухам известно, я ни малейшей связи не имел; на «с», тем менее принимал я какое-либо в заговоре участие; напротив, по одному опасению о бунте сделал я все от меня зависевшее для отвращения зла остережением покойного<sup>1</sup> графа Михаила Андреевича через г[рафа] Гурьева; если из предварения мною начальства об опасениях моих насчет бунта вывести заключение о моем в нем участии, то сие, кажется, было бы весьма несправедливо и устрашило бы всякого от подобного остережения начальства.

На 17-й. При разговоре моем с Глинкою<sup>1</sup> в книжной лавке Плавильщика в той комнате никого не было; доказательств в том представить не // (л. 101) могу, как уже многократно мною повторено, что в подобных случаях иметь их почти

<sup>1</sup> Фамилия подчеркнута карандашом.

<sup>2</sup> Против слов «только раз (при нечаянном узрении возмутительного отряда у дома г[осподи]на» на полях поставлен чернилами крест.

<sup>3</sup> Первоначально было: «хотел».

<sup>4</sup> Против слов «или раненым, но, видев его решимость... с ним сей опасности» на полях поставлен чернилами крест.

<sup>5</sup> Слова «из заговорщиков в сем... никого не знал» подчеркнуты карандашом.

<sup>6</sup> Против слов «не имел; на "б", из заговорщиков.., а видел» на полях поставлен чернилами крест.

<sup>7</sup> Слова «когда он был юнкером» вписаны над строкой.

невозможно; но, между прочим, Глинка<sup>1</sup> сказал тогда мне, будто говорил с[анкт]-петербургскому господину военному генерал-губернатору, что он перемены образа правления не желал, а видел несправедливости и вониял<sup>2</sup>, и что будто сказал ему, что и его превосходительство сам прежде говорил против несправедливостей; в верности сего рассказа Глинки<sup>1</sup> ручаться за него не могу, но если по справке у его превосходительства окажется, что слова сии были говорены, то не вероятно ли, что Глинка их мне пересказал.

На 18-й. В исходе декабря<sup>3</sup> 1825-го года имел я счастье подать государю императору через господина статс-секретаря Кикена всеподданнейшее прошение или письмо (не знаю как пристойнее называть) с поднесением всеподданнейшей записки о некоторых государственных предметах; сие сделано мною единственно по внутреннему убеждению моему в пользу изложенных в оной мыслей моих; из членов тайного общества никто о том не знал, а уже в январе сего 1826 года прочитал я их Искрицкому<sup>1</sup>, взяв с него честное слово, что о том никому не упомянул, и единственно для узнавания его мнения: не заключается ли в них что-либо, могущее навлечь неудовольствие или подозрение. Он ничего подобного не находил<sup>4</sup>.

На 19-й, с Сенявиным<sup>1</sup> (везде разумею сына) я пред 14 декабрям 1825 года долго не виделся, по крайней мере, месяц и, кажется, гораздо более и никаких сообщений не имел.

На 20-й, с Сенявиным<sup>1</sup> никакого<sup>5</sup>, и даже после 14 декабря до арестования Искрицкого<sup>1</sup>, полагая оное в тот день, как он был у меня в последний раз, я с Сенявиным<sup>1</sup> не виделся; Искриц// (л. 101 об.)кий вообще обещал мне не именовать меня нигде<sup>6</sup> или в каком случае яко члена тайного общества и я обещал ему тоже самое, как в прежнем моем объяснении сказано, что я просил его впредь о таковой же скромности и обещал ему оное взаимно (не знаю, те ли слова прописываю, но смысл тот самый).

На 21-й. По арестовании Искрицкого<sup>1</sup>, полагая оное, как выше сказано, незадолго пред тем, как сам был арестован, виделся с Сенявиным<sup>1</sup> у отца его при посторонних, ни о чем подобном не мог говорить, просил его к себе в намерении посоветоваться, не объявить ли нам о себе. Он хотел быть, но до арестования моего не был.

На 22-й. Милосердие, конечно, есть произвольный порыв великой души, на которое никто права не имеет, всего менее подданный, пред своим государем виновный, но если как со стороны господ членов Комитета мне неоднократно было объявлено, оно зависит от раскаяния и чистосердечного признания, то льшу себя, что имею некоторое на оное право, тем более, что остерегал начальство об опасении насчет бунта; что слова мои не были уважены, в том не моя вина.

Покойный граф Михаила Андреевич, вероятно, потому оставил их без внимания, что опасенное<sup>5</sup> мною явление казалось ему тогда несбыточным; но теперь, когда самое происшествие открыло, что если б удостоил<sup>7</sup> их внимания, он бы, может быть, был жив и сотни невинных не погибли бы, после того слова мои, кажется, заслуживают веры.

Но буде (чего, однако, быть не может) не по // (л. 102) пустым наговорам и отпирательствам, а действительно доказано б было, как законами установлено, что показания мои ложны, то повторяю, изустно мною в присутствии Комитета доложенное, что не только отрекаюсь от всякого милосердия, но добровольно подвергаюсь усугублению заслуженного мною наказания.

<sup>1</sup> Фамилия подчеркнута карандашом.

<sup>2</sup> Слова «видел несправедливости и вониял» подчеркнуты карандашом.

<sup>3</sup> Слова «в исходе декабря» подчеркнуты карандашом.

<sup>4</sup> Пять строк от слов «тайного общества никто о том...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

<sup>5</sup> Так в подлиннике.

<sup>6</sup> Слова «Искрицкий вообще обещал... меня нигде» подчеркнуты на полях карандашом. Там же помета карандашом: «Почему не объявил о себе, когда арест[овали] Искр[ицкого] [...]. Далее неразборчиво.

<sup>7</sup> Против слов «самое происшествие открыло, что если б удостоил» на полях поставлен чернилами крест.

Изустно доложенное мною о слышанном касательно их<sup>1</sup> высокопревосходительства Николая Семеновича Мордвинова и Алексея Петровича Ермолова и его превосходительства [осподи]на генерала Орлова (имени и отчества не знаю) излишним считаю подробно повторять, поелику слышанное о первых двух особах не касалось ни высочайших особ, ни образа правления, а о последнем слышал только, что желает конституции, не помню от кого, и когда. Не сказано было, какой конституции он желает, ниже, чтоб желал введения ее какими-либо насильтственными мерами.

Титулярный советник Перетц<sup>2</sup>  
Г[енерал]-адъютант Бенкendorf

Марта 18-го дня 1826 года // (л. 103)

№ 36 (35)<sup>3</sup>

В высочайше учрежденный Комитет  
для разыскания о зловредных обществах  
титулярного советника Перетца

#### Донесение

Если на очных ставках не удастся мне усовестить или уличить Глинки, Кутузова или Семенова (ибо признание хоть одного из них докажет лживость отпирательства других), то для убеждения в истине моих показаний, чистосердии моего раскаяния и усерднейшем желании обнаружить правду в столь важном государственном деле, я добровольно подвергаюсь тому, что всеми законами строжайше воспрещено: именно пытке, на следующих, однако, трех условиях: во 1-х, чтобы Глинка, Кутузов и Семенов одной равномерно подверглись; о сем прошу не по злобе; я ее ни против кого не питаю, а единственно дабы ожидаляемым чрез то признанием прекратить мои страдания; во 2-х, чтоб мне дозволено было приоб// (л. 103 об.)щаться предварительно святых тайн у пастора евангелического исповедания, получить родительское благословение<sup>4</sup>; проститься с<sup>5</sup> женю и благословить детей моих, и, в 3-х, на случай по слабому сложению не выдержу пытки, всепокорнейше прошу об исходатайствовании всемилостивейшего признания моего семейства.

Я же при последнем издыхании сочту себя счастливым, доказав, что если согрешил, то единствено по заблуждению, и что, пожертвовав для оного долгом, я взамен того пожертвовал всем земным для исполнения долга верноподданного и сына отечества.

Есть лучший мир.

Титулярный советник Перетц<sup>6</sup>  
Г[енерал]-адъютант Бенкendorf

Марта 19-го дня 1826-го года // (л. 104)

№ 37 (36)

1826 года 22 марта в присутствии высочайше учрежденного Комитета, по отрицанию титулярного советника Семенова дана ему очная ставка с титулярным советником Перетцом, который показал:

1) что полковник Ф.Глинка по принятии его в члены тайного общества осенью 1819 или 1820 года (первое вероятнее) представил его Кутузову и Семенову и что последний, как и первые сказали ему, Перетцу, что общество только что составилось и что по нарочитом усиливанию оного будет составлен план действий, смотря по обстоятельствам;

<sup>1</sup> Против начала абзаца поставлен на полях чернилами крест.

<sup>2</sup> Ответы написаны Г.А.Перетцом собственноручно.

<sup>3</sup> Вверху листа помета чернилами: «Читано 20 марта».

<sup>4</sup> Слова «получить родительское благословение» написаны вместо стертых слов.

<sup>5</sup> Слова «проститься с» вписаны над строкой.

<sup>6</sup> Показание написано Г.А.Перетцом собственноручно.

2) что в числе начальствующих лиц над сим обществом знал он и г[осподина] Семенова;

3) что вместе с ним и Кутузовым был он<sup>1</sup> раза два у него, Перетца;

4) что он вместе с Глинкою и Кутузовым возложили на него, Перетца, обязанность приема в члены тайного общества, вследствие чего приняты им Сенявин, Искрицкий, Данченко и Устимович;

5) что он, Перетц, предлагал Глинке, Кутузову и Семенову о принятии знаком еврейского слова «Хейрут» (свободу означающего) для узнавания друг друга в случае нужды и сие тогда же ими одобрено было;

6) что с ним, Семеновым, как и с другими, он имел сношение по обществу и

7) что с ним же, как // (л. 104 об.) и с прочими имел разговоры, в коих произносили упреки, осуждения, укоризны и негодовали на правительство, вельмож, государя и великих князей.

Семенов же, отрицая все вышеизложенное как вовсе ему неизвестное, показал, что Перетца видел у полковника Глинки один раз, где с ним и познакомился, но чтобы<sup>2</sup> на тот раз был Кутузов, сего не помнит; разговор же их тогда состоял о литературе и что, сколько припомнить может, они друг у друга (Семенов и Перетц) более одного раза не были и после того нигде не встречались.

На очной ставке утвердили:

Титулярный советник Перетц  
утвердил все вышеизложенное показание свое

Григорий Перетц<sup>3</sup>

Титулярный советник Семенов  
утвердительно отвечал, что он никогда не знал Перетца членом общества, что он не был ему представлен как член общества Глинкою, и не более как раз друг у друга были, познакомясь у Глинки.

Титулярный советник Семенов<sup>3</sup>  
Г[енерал]-адъютант Бенкendorf // (л. 105)

№ 38 (37)<sup>4</sup>

В высочайше учрежденный Комитет  
для разыскания о зловредных обществах  
титулярного советника Перетца

Донесение

В подтверждение показания моего касательно Семенова да позволено мне будет к прежде изъясненному присовокупить следующие доводы, из сегодняшней моей с ним очной ставки извлекаемые:

На вопрос мой: «Что подало повод к нашему знакомству?» ответствовал он: «Литература»; неимоверность<sup>5</sup> сего доказывается<sup>6</sup> тем, во 1-х, что ни он, ни я не были никогда литераторами; во 2-х, что я ни с каким литератором в сем качестве от роду ни в какой связи не состоял, в чем можно удостовериться справкою у всех наших литераторов; если б желал войти в связи по литературе, мог бы я достичь сего через господина бывшего обер-прокурора, что ныне сенатором, графа Сергея Петровича Салтыкова, бывшего // (л. 105 об.) председателя общества соревнования, просвещения и благотворения, через г[осподи]на обер-секретаря Крикуновского, члена того же общества, у которого оно имело свои заседания, или через г[осподина] статского советника Филимонова, известного литератора, у которого г[осподина]

1 Слово «он» вписано над строкой.

2 Вместо частицы «бы» первоначально написано «был».

3 Протокол очной ставки подписан Г.А.Перетцом и С.М.Семеновым собственноручно.

4 Вверху листа помета чернилами: «Читано 27 марта».

5 Слово «неимоверность» написано вместо стертого.

6 Против слов «ответствовал он: "Литература"; неимоверность сего доказывается» поставлен на полях чернилами крест.

Изустно доложенное мною о слышанном касательно их<sup>1</sup> высокопревосходительств Николая Семеновича Мордвинова и Алексея Петровича Ермолова и его превосходительства г[осподи]на генерала Орлова (имени и отчества не знаю) излишним считаю подробно повторять, поелику слышанное о первых двух особых не касалось ни высочайших особ, ни образа правления, а о последнем слышал только, что желает конституции, не помню от кого, и когда. Не сказано было, какой конституции он желает, ниже, чтоб желал введения ее какими-либо насильственными мерами.

Титулярный советник Перетц<sup>2</sup>  
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf

Марта 18-го дня 1826 года // (л. 103)

№ 36 (35)<sup>3</sup>

В высочайше учрежденный Комитет  
для разыскания о зловредных обществах  
титулярного советника Перетца

#### Донесение

Если на очных ставках не удастся мне усвостить или уличить Глинки, Кутузова или Семенова (ибо признание хоть одного из них докажет лживость отирательства других), то для убеждения в истине моих показаний, чистосердии моего раскаяния и усерднейшем желании обнаружить правду в столь важном государственном деле, я добровольно подвергаюсь тому, что всеми законами строжайше воспрещено: именно пытке, на следующих, однако, трех условиях: во 1-х, чтобы Глинка, Кутузов и Семенов одной равномерно подверглись; о сем прошу не по злобе; я ее ни против кого не пытаю, а единственno дабы ожидаeмым чрез то признанием прекратить мои страдания; во 2-х, чтоб мне дозволено было приоб// (л. 103 об.)щаться предварительно святых тайн у пастора евангелического исповедания, получить родительское благословение<sup>4</sup>; проститься с<sup>5</sup> женою и благословить детей моих, и, в 3-х, на случай по слабому сложению не выдержу пытки, всепокорнейше прошу об исходатайствовании всемилостивейшего признания моего семейства.

Я же при последнем издыхании сочту себя счастливым, доказав, что если согрешил, то единственно по заблуждению, и что, пожертвовав для оного долгом, я взамен того пожертвовал всем земным для исполнения долга верноподданного и сына отечества.

Есть лучший мир.

Титулярный советник Перетц<sup>6</sup>  
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf

Марта 19-го дня 1826-го года // (л. 104)

№ 37 (36)

1826 года 22 марта в присутствии высочайше учрежденного Комитета, по отрицанию титулярного советника Семенова дана ему очная ставка с титулярным советником Перетцом, который показал:

1) что полковник Ф.Глинка по принятии его в члены тайного общества осенью 1819 или 1820 года (первое вероятнее) представил его Кутузову и Семенову и что последний, как и первые сказали ему, Перетцу, что общество только что составилось и что по нарочитом усилении оного будет составлен план действий, смотря по обстоятельствам;

1 Против начала абзаца поставлен на полях чернилами крест.

2 Ответы написаны Г.А.Перетцом собственноручно.

3 Вверху листа помета чернилами: «Читано 20 марта».

4 Слова «получить родительское благословение» написаны вместо стертых слов.

5 Слова «проститься с» вписаны над строкой.

6 Показание написано Г.А.Перетцом собственноручно.

2) что в числе начальствующих лиц над сим обществом знал он и [господина] Семенова;

3) что вместе с ним и Кутузовым был он<sup>1</sup> раза два у него, Перетца;

4) что он вместе с Глинкою и Кутузовым возложили на него, Перетца, обязанность приема в члены тайного общества, вследствие чего принятые им Сенявин, Искрицкий, Данченко и Устимович;

5) что он, Перетц, предлагал Глинке, Кутузову и Семенову о принятии знаком еврейского слова «Хейрут» (свободу означающего) для узнавания друг друга в случае нужды и сие тогда же ими одобрено было;

6) что с ним, Семеновым, как и с другими, он имел сношение по обществу и

7) что с ним же, как // (л. 104 об.) и с прочими имел разговоры, в коих произносили упреки, осуждения, укоризны и негодовали на правительство, вельмож, государя и великих князей.

Семенов же, отрицая все вышеизложенное как вовсе ему неизвестное, показал, что Перетца видел у полковника Глинки один раз, где с ним и познакомился, но чтобы<sup>2</sup> на тот раз был Кутузов, сего не помнит; разговор же их тогда состоял о литературе и что, сколько припомнить может, они друг у друга (Семенов и Перетц) более одного раза не были и после того нигде не встречались.

На очной ставке утвердили:

Титулярный советник Перетц  
утвердил все вышеизложенное показание свое

Григорий Перетц<sup>3</sup>

Титулярный советник Семенов  
утвердительно отвечал, что он никогда не знал Перетца членом общества, что он не был ему представлен как член общества Глинкою, и не более как раз друг у друга были, познакомясь у Глинки.

Титулярный советник Семенов<sup>3</sup>  
Генерал-адъютант Бенкендорф // (л. 105)

№ 38 (37)<sup>4</sup>

В высочайше учрежденный Комитет  
для разыскания о зловредных обществах  
титулярного советника Перетца

#### Донесение

В подтверждение показания моего касательно Семенова да позволено мне будет к прежде изъясненному присовокупить следующие доводы, из сегодняшней моей с ним очной ставки извлекаемые:

На вопрос мой: «Что подало повод к нашему знакомству?» ответствовал он: «Литература»; неимоверность<sup>5</sup> сего доказывается<sup>6</sup> тем, во 1-х, что ни он, ни я не были никогда литераторами; во 2-х, что я ни с каким литератором в сем качестве от роду ни в какой связи не состоял, в чем можно удостовериться справкою у всех наших литераторов; если бы желал войти в связи по литературе, мог бы я достичь сего через господина бывшего обер-прокурора, что ныне сенатором, графа Сергея Петровича Салтыкова, бывшего // (л. 105 об.) председателя общества соревнования, просвещения и благотворения, через г[осподи]на обер-секретаря Крикуновского, члена того же общества, у которого оно имело свои заседания, или через г[осподина] статского советника Филимонова, известного литератора, у которого г[ос-

1 Слово «он» вписано над строкой.

2 Вместо частицы «бы» первоначально написано «был».

3 Протокол очной ставки подписан Г.А.Перетцом и С.М.Семеновым собственноручно.

4 Вверху листа помета чернилами: «Читано 27 марта».

5 Слово «неимоверность» написано вместо стертого.

6 Против слов «ответствовал он: "Литература"; неимоверность сего доказывается» поставлен на полях чернилами крест.

пода] Греч, Тимковский<sup>1</sup>, Измайлова и многие другие сочинители<sup>2</sup> часто собирались (с его сиятельством) графом Салтыковым и господами Филимоновым и Крикуновским я был знаком, но вовсе не по литературе), вместо того искал я будто нового знакомства г[осподин]а Семенова, человека по собственному признанию литературы чуждого, точно как бы любопытствуя о модах, вместо портного обратиться к кузнецу, и в 3-х, допустим даже возможность, по крайней мере, весьма невероятную, чтоб вдруг родилась во мне страсть к литературным связям, и чтоб я не иначе мог удовлетворить ее, как через нелитератора Семенова; отчего страсть столь прекрасная<sup>3</sup> и столь невинная кончилась на четырех или пяти свиданиях? Неужели мы в оные успели пройти весь курс древней и новой словесности, и не только прошедшей и<sup>4</sup> настоящей, но и будущей так, что после не о чем было нам беседовать?

Все сии несообразности исчезают по моему показанию, по которому<sup>5</sup> познакомились мы по делу для обоих нас интересному, по тогдашнему нашему заблуждению хоть благонамеренному, но беззаконному, и потому, положив ему первоначальное основание и имев в полковнике Глинке дальнейшее руководство, // (л. 106) мы продолжение свиданий считали излишним и даже опасным, остерегаясь сходбещ и<sup>6</sup> заведения новых знакомств без явного к тому повода, ибо чувство вины всегда внушает робкую осторожность.

По расчету времени полагаю, что на днях привезут сюда г[осподина] Устимовича; усердствуя содействовать по мере сил и возможности в открытии истины и по человеколюбию всепочтеннейших господ членов Комитета, осмеливаюсь присовокупить, желания не менее облегчения участи несчастного, мною вовлеченного, всепокорнейше прошу по прибытии его сюда, буде возможно, дозволить мне поговорить с ним в присутствии Комитета, прежде нежели он формально будет допрашиван; ибо в таком случае скорее надеюсь его убедить к признанию, нежели по учинении им единожды отпирательства.

Титулярный советник Перетц<sup>7</sup>  
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorff

Марта 22-го дня 1826 года // (л. 107)

№ 39 (38)<sup>8</sup>

В высочайше учрежденный Комитет  
для разыскания о зловредных обществах  
титулярного советника Перетца

#### Покорнейшее прошение

В объяснении моем от 18-го сего месяца от слабого моего зрения произошли многие описки и оттого много мест подскобленных, приписок и выносок, в столь важных бумагах неуместных; кроме того нахожу нужным присовокупить некоторые пояснения, особых статей составлять не могущих; по всему тому всепокорнейше прошу приказать возвратить мне помянутое объяснение для переписки набело со включением и сих дополнений.

Титулярный советник Перетц<sup>9</sup>  
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorff

Марта 25 дня 1826 года // (л. 108)

<sup>1</sup> Далее зачеркнуто «и».

<sup>2</sup> Слово «соинители» вписано над строкой.

<sup>3</sup> Слово «прекрасная» написано вместо стертого. Против слов «нелитератора Семенова; отчего страсть столь прекрасная» поставлен на полях чернилами крест.

<sup>4</sup> Слова «прошедшей и» вписаны над строкой.

<sup>5</sup> Слово «которому» приписано на полях.

<sup>6</sup> Слова «сходбещ и» приписаны на полях.

<sup>7</sup> Показание написано Г.А.Перетцом собственноручно.

<sup>8</sup> Вверху листа пометы чернилами: «Читано 27 марта», № 826, «28 марта 1826», «отказать», «дополнение может прислать». Внизу листа пометы чернилами: «29 марта команданту крепости», № 534».

<sup>9</sup> Прошение написано Г.А.Перетцом собственноручно.

Коменданту С[анкт]-П[етер]бургской крепости  
г[осподину] генерал-адъютанту Сукину

№ 534  
29 марта

Покорнейше прошу ваше высокопревосходительство приказать объявить содер-  
жащемуся во вверенной вам крепости титулярному советнику Перетцу, что<sup>1</sup>  
просьба его<sup>2</sup> о возвращении писанного им<sup>3</sup> в Комитет от 18 марта<sup>4</sup> показания для  
переписки набело и для<sup>5</sup> некоторых пояснений удовлетворена<sup>6</sup> быть не может;  
если же он имеет что-либо<sup>7</sup> дополнить к упомянутому показанию, то<sup>8</sup> напишет бы  
особенно и представит обыкновенным порядком в Комитет.

Подпись: военный министр Татищев  
Верно: 8-го класса Карасевский // (л. 111)

№ 41 (41)<sup>9</sup>

По показанию титулярного советника Перетца, что за несколько дней до 14 декабря он предварял вас об опасении насчет возмущения и так, что покойный генерал от инфanterии граф Михайло Андреевич весьма был расположен к вам, а так же полагая, что будто бы по характеру покойного графа для обращения его внимания надлежало адресоваться через человека им любимого, просил вас доложить графу Милорадовичу от имени его, Перетца, что по случаю восшествия на престол государя императора Николая Павловича должно опасаться возмущения, и вы на сие сказали ему, Перетцу, что его посадят в крепость, но он, отвечая, что с тем и говорит, что готов идти в крепость, излил пред вами одушевлявшие его чувства любви к общему благу, и вы до такой степени были восхищены, что неоднократно восклицали: «C'est sublime! C'est sublime!»<sup>10</sup>. Вместе с ним вышли и сказали, что едете прямо к графу и будете к нему, Перетцу, с ответом; вечером же вы были у него с ответом такого рода, которого благопристойность не позволяет ему изъяснить; обязаны вы объяснить:

1

Точно ли и когда Перетц был у вас с означенным предварением, что должно опасаться возмущения? // (л. 111 об.)

2

На чем именно основано было его опасение? Что и от кого слышал он или узнал о покушении к произведению известного неустройства? // (л. 112)

Перетц действительно был у меня 12 или 13 числа поутру и объяснял мне, что он опасается возмущения в день присяги<sup>11</sup> государю императору Николаю Павловичу. // (л. 111 об.)

2

Я спросил у него, какие он имеет причины сего опасаться? Он мне сказал, что все более привязаны к Константину Павловичу, нежели к Николаю Павловичу. Я ему возразил, что хотя

<sup>1</sup> Далее зачеркнуто: «просьбу его от 25, прошение его».

<sup>2</sup> Слово «его» вписано над строкой.

<sup>3</sup> Слова «писанного им» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова «поданного».

<sup>4</sup> Слова «от 18 марта» вписаны над строкой.

<sup>5</sup> Далее зачеркнуто: «пояс[...]».

<sup>6</sup> Далее зачеркнуто: «не признает».

<sup>7</sup> Далее зачеркнуто: «в упомя[...]».

<sup>8</sup> Далее зачеркнуто: «пусть».

<sup>9</sup> Вверху листа помета чернилами: «Читано 29 марта».

<sup>10</sup> «Как это прекрасно! Как это прекрасно!» (франц.).

<sup>11</sup> Слова «что опасается... в день присяги» подчеркнуты карандашом.

Константин Павлович и кум мне, и что я люблю его душевно, но и Николай Павлович подает большие надежды, что он человек весьма просвещенный и трудолюбивый, что он молод и имеет детей и уже оказал черту необыкновенного велиодушия тем, что первый присягнул Константину, который, с своей стороны, также имел величественность исполнить свое прежнее отречение. // (л. 112) Следовательно, возмущения бояться не от чего — ибо всякий должен быть уверен, что все делается законным порядком и мы будем иметь в Николае, избранном императором Александром, хорошего и мудрого государя. Перетц, мне казался, был сим убежденным — но, однако же, не преставал твердить о страхах возмущения, не называя, от кого и что<sup>1</sup> он именно слышал о покушениях<sup>2</sup>, и не объясняя более, просил довести сказанное им до графа Милорадовича. Я ему отвечал, что ежели ему этого очень хочется, то я исполню; но чтобы он на меня не пенял, ежели его посадят в крепость. Перетц и на сие решился, // (л. 112 об.) изъясняя чувство приверженности к общему благу и спокойствию, на что я, как помнится, и сказал: «C'est sublime! C'est sublime!» и, видя решимость [Господи]на Перетца, тогда же передал разговор мой графу Милорадовичу.

### 3

Точно ли вы объясняли графу Милорадовичу слова Перетца и были у него с ответом графа?

Граф Милорадович, выслушав все, мне отвечал: «Пожалуй мы его посадим в крепость, но что скажут жена и дети? Напрасно все беспокоятся — все пройдет благополучно. Николай Павлович вел себя, как ангел, и будет бесподобный государь, я купил его бюст и велел Дову сделать его портрет в рост».

На вопрос же мой, что думает он о Перетце, он изъяснился о его трусости в выражениях, не повторяемых на бумаге, что я и привел в ответ Перетцу.

Вот все, что могу запомнить из сих разговоров, казавшихся мне тогда не могущими иметь случившихся последствий, и потому кроме высказанного неважные подробности их не остались в моей памяти.

Действительный статский советник Гурьев Г[енерал]-адъютант Бенкendorf // (л. 109)

<sup>1</sup> Слова «и что» вписаны над строкой.

<sup>2</sup> Слова «однако же, не преставал... слышал о покушениях» подчеркнуты карандашом.

В высочайше учрежденный Комитет  
для разыскания о зловредных обществах  
титулярного советника Перетца

Донесение

По объявлении мне, что Комитет просьбы моей о возвращении моего объяснения от 18-го сего марта, во многих местах подскобленного и многие приписки и выноски заключающего, для переписки набело и некоторых дополнений удовлетворить не может и чтоб я дополнения таковые представил особо, честь имею доложить, что, не имея пред собою ни сделанных мне вопросов, ни моих на оные ответов, ниже копии с них, не могу припомнить в точности ни содержания оных, ни к какому именно месту какое идет дополнение; сделаю, что могу, но за верность мест, на которые буду ссылаться, не отвечаю.

«А». Ответ мой на пункт, в котором сказано, что // (л. 109 об.) Комитет имеет сведение, будто Дребуш и Данченко состояли в тайном обществе еще в 1818 году, что подает повод к сомнению, не ссылаясь ли я на мертвых, дополняю таким образом, что если б я объявил только о сих двух лицах, то сие могло бы возродить подозрение, но как, кроме их и себя, объявил я о Глинке, Кутузове, Семенове, Искрицком, Лапе и Устимовиче, всего с ними и с собою о десяти лицах, из коих в течение около шести лет двое умерли, то тут ничего сомнительного нет; состояли ли Данченко и Дребуш в 1818 году в каком-либо тайном обществе мимо меня, наверно не знаю; хотя полагаю, что нет, и что донесший о том Комитету или умышленно обманул (*не ссылается ли он на мертвых?*), как Лапа, например, по словам Искрицкого, будто объявил, что он принят в тайное общество на 16-м году от роду, кажется, будто Данченком или, может быть, ошибся в времени, как я сам про себя наверное не знаю: в 1819-м или 1820-м году имел я несчастие вступить в общество; но что не вступил в оное прежде 1819 года, *кроме свидетельства моей памяти, заключаю еще и потому*, и прочее до окончания сего ответного пункта, где присовокупить, что по квартированию в Новогороде Конно-егерского полка и по // (л. 110) близости военного поселения Зверев тем более мог бы быть для общества полезен и интересен, и потому, если б я сам тогда, то есть в начале 1819 года, в оном состоял, то наверно бы покусился вовлечь и его в оное<sup>2</sup>.

«Б». Ответ на пункт касательно правила, по которому для принятия новых членов, всякому надлежало относиться к старшему своему, сей к своему старшему и так далее, дополняю таким образом: «Само по себе явно, что действие сего правила могло простираться на тех только членов, которые имели над собою старших, а не на самых старших членов, старших над собою не имевших, а как мною уже было объявлено, что по словам Глинки, Кутузова и Семенова я должен был считать их самыми старшими членами общества, то в сем предложении помянутое правило разумелось» и прочее до окончания сего ответного пункта.

«С». Ответ на пункт, в котором сказано, что известность моя о заговоре от лиц<sup>3</sup>, производивших известное неустройство, доказывается многократными моими после посещения<sup>4</sup> у Глинки разведываниями и явлениями на месте возмущения во время происшествия, дополняю тем во 1-х, что разведывания вообще вместо того, чтоб доказать положительное о чем-либо сведение, напротив доказывают неуверенность, ибо что значит разведывать? Разыскивать, стараться узнать; сие, может быть, нужно только тому, кто наверно не знает, а // (л. 110 об.) тому, кто знает наверно, в том более надобности не настоит; мои же разведыва-

<sup>1</sup> Вверху листа помета карандашом: «Читано 31 марта».

<sup>2</sup> Против слов «наверно бы покусился вовлечь и его в оное» поставлен на полях чернилами крест.

<sup>3</sup> Далее зачеркнуто: «оный».

<sup>4</sup> Слова «после посещения» вписаны над строкой.

ния после посещения Глинки ограничились отысканием Сенявина в двух только местах, которого, однако, не нашел и прочее до окончания статьи о разведываниях, и во 2-х, что собственно на месте возмущения во время происшествия<sup>1</sup> я ни разу не был; ибо пространство между домами господина военного генерал-губернатора, княгини Лобановой и экономического общества, где я был во время происшествия, нельзя назвать местом возмущения, а можно назвать оным Сенатскую площадь, на которой я во время происшествия вовсе не был, а после уже поздно вечером, когда все было успокоено и ни одного уже бунтовщика там не было; сказанное мною в сей же статье о том, что я не думал ехать и отцу отсоветывал и далее, подтверждаю<sup>2</sup>.

Титулярный советник Перетц<sup>3</sup>  
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf

Марта 30-го дня 1826 года // (л. 113)

№ 43 (42)<sup>4</sup>

В высочайше учрежденный Комитет  
для разыскания о зловредных обществах  
титулярного советника Перетца

Донесение

Очная ставка с Семеновым кроме довода, в тот же день мною объясненного, преподала мне против него еще улику, о которой я доселе не доносил Комитету в надежде, по уверенности в истине моих показаний, что она будет общая и против полковника Глинки и Кутузова, и потому, не желав утруждать трикратным об оной повторением, намеревался я изъяснить ее по окончании очных ставок и с сими лицами; но как после очной ставки с Семеновым прошло уже более двух недель и мне с Глинкою и Кутузовым оных не дают, из чего заключаю, что Комитет // (л. 113 об.) признанием ли их или другим образом удостоверился в истине моего об них показания и не находит более надобности в очных ставках между ими и мною, то вменяю себе в долг доложить теперь о помянутой против Семенова улике:

Если б показание мое об нем было ложно, то он видел бы во мне злостного клеветника, чужую вину на него, совершенно невинного, слагающего; сие возбудило бы сильнейшее в нем против меня негодование и буде по сверхчеловеческой почти кротости и любви христианской, он в душе меня б[ы] и прости[л], и тогда даже надлежало б[ы] ему оказать оное наружно для пробуждения во мне хоть последней искры стыда, совести и страха божия и для приведения меня в замешательство, которое со стороны всепочтеннейших господ членов Комитета, верно, не осталось бы без замечания в его пользу; он же, напротив, не только не сделал ни ма// (л. 114)лейшего мне упрека или увещания, но на мои убеждения изъявил сожаление о несчастии моем и моего семейства<sup>5</sup>; все сие не явно ли обнаруживает, что он сам внутренно чувствовал как справедливость моего показания, так и лживость своего отпирательства?

Титулярный советник Перетц<sup>6</sup>  
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorf

Апреля 6-го дня 1826 года // (л. 115)

<sup>1</sup> Слова «во время происшествия» вписаны над строкой.

<sup>2</sup> Две строки от слов «сказанное мною в сей же статье...» написаны более мелким почерком, против них на полях поставлен чернилами крест.

<sup>3</sup> Показание написано Г.А.Перетцом собственноручно.

<sup>4</sup> Вверху листа пометы чернилами: «К сведению», «Читано 7 апреля».

<sup>5</sup> Слова «мои убеждения... о несчастии моем и моего семейства» подчеркнуты карандашом. На полях помета карандашом: «Соглас».

<sup>6</sup> Показание написано Г.А.Перетцом собственноручно.

**№ 44 (43)<sup>1</sup>**

В высочайше учрежденный Комитет  
для разыскания о злоредных обществах  
и титулярного советника Перетца

**Покорнейшее прошение**

Прошло уже более трех недель после объяснения моего от 18 марта, коим подтвердил я все прежние свои показания; в течение сего времени имел я очную ставку с Семеновым, которая, кажется, была в мою пользу; кроме изъясненных мною против него улик ссылаюсь на слова одного из всепочтеннейших господ членов Комитета, который тут же изволил сказать ему: «*Видно, что неправда*»; с другими // (л. 115 об.) бывшими моими сообщниками мне очные ставки не даны и ни малейшего нового вопроса мне не учинено.

По всему тому уповаю, что дело мое оказалось в том точно виде, в каком я его с самого начала чистосердечно<sup>2</sup> представлял, а именно, что около двух лет я имел несчастие состоять в тайном обществе, но около четырех уже лет как от него удалился, ни в гнусных покушениях на жизнь высочайших особ, ни в преступном заговоре 14 декабря я ни малейше не участвовал и об оных ничего не знал, а по одному лишь<sup>3</sup> предположительному опасению возмущения остерегал я благовременно покойного графа Михайлу Андреевича Милорадовича через г[осподи]на действительного статского советника Гурьева. // (л. 116)

Прибавилось одно только обстоятельство; по запирательству бывших моих соумышленников я готов был на смерть, добровольно подвергался пытке для открытия истины.

Наступает торжество искупления, величайшего залога милосердия, богом человечеству дарованного; не смею ничего присовокупить; милосердие божие всего убедительнее; да будет оно ходатаем за меня и за несчастное мое семейство!

Титулярный советник Перетц<sup>4</sup>  
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкendorff

Апреля 11 дня 1826 года // (л. 117)

**№ 45 (44)<sup>5</sup>**

1826 года мая 18 дня от высочайше учрежденного Комитета г[осподину] титулярному советнику Семенову.

В дополнение показаний ваших объясните, справедливо ли следующее показание Григория Перетца. Он говорит, что предметами совещаний и рассуждения его с вами, Глинкою, Кутузовым, Сенявином, Искрицким и Устимовичем в течение около двух лет, т[о] е[сть] в то время, как он усердствовал обществу, были или принятие членов, или взаимное друг другу о действиях правительства извещение, или подкрепление и утверждение в принятом намерении; рассуждаемо было: о тягости налогов, об излишестве войск, о военном поселении, об упадке флота, о невыгодном займе 1811 или 1812 года, при коем за рубль ассигнациями даны облигации // (л. 117 об.) на 50 коп[еек] серебром, о разорительных для России иностранных займах, с 1817 года без существенной нужды сделанных, о систематической медленности правительства в удовлетворении претензий частных людей, о многих несправедливостях особенно в делах с казенным интересом сопряженных, об отягощении войска учением, о вояжах и строениях покойного государя императора о малой его внимательности к гражданской части, о множестве чиновников

<sup>1</sup> Вверху листа помета чернилами: «Читано 14 апреля».

<sup>2</sup> Слово «чистосердечно» вписано над строкой.

<sup>3</sup> Слово «лишь» вписано над строкой вместо зачеркнутого «уж».

<sup>4</sup> Показание написано Г.А.Перетцом собственноручно.

<sup>5</sup> Вверху листа помета чернилами: «21 мая 1826».

и скучном жалованье, яко главных источниках запутанностей и злоупотреблений, об учреждении министерств, о Государственном совете, яко новой для замедления дел инстанции, о взыскательности бывшего тогда великого князя Николая Павловича и Михаила Павловича, наиболее о ныне царствующем // (л. 118) государе императоре, коего описывали скupым и злопамятным, о самовластии вельмож, о весьма недостаточном и несвоевременном пособии губерниям, в коих был неурожай и голод, о восстановлении Польши, о преимуществе завоеванных поляков и финляндцев пред завоевателями россиянами, об определении в бывшие польские губернии губернаторов из поляков и переводе в Литовский корпус поляков, в других полках состоявших, о причислении Выборгской губернии к великому княжеству Финляндскому, о строгости, подавшей повод к Семеновскому бунту, о строгом с сим полком поступлении, несмотря на то, что граф Милорадович будто бы обещал прощение, о бесполезном походе гвардии и неудовольствии тем войск, о недостатке законодательства, // (л. 118 об.) о Священном союзе и о делах Испании и Италии. Все единогласно порицали меры правительства. // (л. 119)

**№ 46 (45)**

Высочайше учрежденному Комитету  
титулярного советника Семенова

Ответ

Имел ли Григорий Перетц в продолжение около двух лет какие совещания с Глинкою, Кутузовым, Синявином, Искрицким и Устимовичем, мне неизвестно. Последних трех я никогда не видел. С Перетцом, как уже донесено от меня Комитету, виделся я не более двух или трех раз: однажды у Глинки, в другой раз у него, Перетца, и, кажется, он также однажды был у меня. Знакомство мое с ним продолжалось токмо несколько дней. Во время наших свиданий Перетц говорил<sup>1</sup> о цели и средствах учреждаемого им общества и о том, что он или располагается принять или уже принял в его сочлены Синявина, Искрицкого, Устимовича и Данченко. Впрочем, сколько припомнить могу, я не входил и там в рассуждения о действиях правительства и не порицал ни покойного государя императора, ни великих князей, ни вельмож.

Титулярный советник Семенов<sup>2</sup>

21 мая 1826-го // (л. 120)

**№ 47 (46)**

Высочайше учрежденный Комитет требует [от] титулярного советника *Перетца*<sup>3</sup>:

1

Где воспитывались вы? Если в публичном заведении — то в каком именно, а ежели у родителей или родственников, то кто были ваши учителя и наставники?

2

В каких предметах старались вы наиболее усовершенствоваться?

3

Не слушали ль сверх того особых лекций? В каких науках, когда, у кого и где именно? Объяснив в обоих последних случаях, чьим курсом руководствовались вы в изучении сих наук?

<sup>1</sup> Слово «говорил» вписано над строкой.

<sup>2</sup> Ответ написан С.М.Семеновым собственноручно.

<sup>3</sup> Слова «титулярного советника *Перетца*» написаны другим почерком и другими чернилами.

С которого времени и откуда заимствовали вы свободный образ мыслей, т[о]е [ст]ь от сообщества ли или внушений других или от чтения книг или сочинений в рукописях и каких именно? // (л. 120 об.) Кто способствовал укоренению в вас сих мыслей?

На вышеизложенные вопросы честь имею доложить:

На 1-й. Воспитывался я не в публичном заведении и первоначально у покойного деда моего в деревне<sup>1</sup> в Могилевской губернии, где учился еврейскому языку и закону божию у еврея Самсона Леви. Русскому языку и арифметике у г[осподина] Синявского, служащего теперь<sup>2</sup> Министерства финансов по департаменту внешней торговли. Истории — по сочинениям Шрека и геометрии и алгебре по сочинениям Волфа у еврея Менделя Сатановского; в начале 1803 года привезен я в С[анкт]-Петербург в дом отца моего, где главным моим наставником был швейцарец г[осподин] Лоран, который преподавал мне французский язык, геометрию и алгебру по сочинениям Лежандра и Лакроа, географию и статистику по сочинениям Пинкerton'a и Мальт-Брюна, историю по сочинениям Милиота, Босюэта, Гольдсмита и Вольтера, эстетику и словесность<sup>3</sup> по сочинениям Батау и Лагарпа и политическую экономию<sup>4</sup> по сочинениям Смита и Сея; кроме того, проходил он со мною курс наук Кондильяка; немецкому языку учили меня г[осподин] Шлейспер, а русскому — г[осподин] Шарапов, состоявшие тогда при коммерческом училище; из них г[осподин] Лоран теперь профессором при Ришельевском лицее в Одессе, г[осподин] Шлейспер живет в<sup>5</sup> С[анкт]-Петербурге, а г[осподин] Шарапов умер.

На 2-й. Наиболее старался я усовершенствоваться в истории, географии, статистике и политической экономии.

На 3-й. В 1810 или 1811 году, слушал я курс политической экономии, который<sup>6</sup> г[осподин] профессор Болудянский читал публично в доме педагогического института, он читал по своим тетрадям, но придерживался наиболее системы Смита.

На 4-й. В июле 1817 года, возвратясь в С[анкт]-Петербург после 5 лет сей отлучки и быв долго почти без дела, занимался я много чтением, между прочим, и политических // (л. 121) сочинений Монтескье, Руссо, Бентама и Волнея; сие и господствовавшее тогда в публике неудовольствие правительством породили во мне свободный образ мыслей, в котором окончательно<sup>7</sup> утвердил меня полковник Глинка, принявший меня в члены тайного общества.

Титулярный советник Перетц<sup>8</sup>

Мая 25-го дня 1826 года // (л. 122)

№ 48 (47)<sup>9</sup>

Атtestат

№ 3808-й<sup>10</sup>

По указу его императорского величества дан сей из экспедиции о государственных доходах титулярному советнику Григорию Перетцу в том, что он в службу вступил в канцелярию г[осподина] государственного казначея канцеляристом 1801-го августа 20-го, произведен правильствующим Сенатом в сенатские регистраторы 1804 декабря 31-го. Потом по высочайшим повелениям пожалован: губернским

<sup>1</sup> Слова «в деревне» вписаны над строкой.

<sup>2</sup> Далее зачеркнуто: «по».

<sup>3</sup> Слова «и словесность» вписаны над строкой.

<sup>4</sup> Слова «политическую экономию» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова «статистику».

<sup>5</sup> Две строки от слов «из них г[осподин] Лоран...» на полях отчеркнуты карандашом.

<sup>6</sup> Слово «который» вписано над строкой.

<sup>7</sup> Далее зачеркнуто слово «утвердил», написанное дважды.

<sup>8</sup> Ответы написаны Г.А.Перетцом собственноручно.

<sup>9</sup> Атtestат написан на бланке с гербовой печатью. На печати надпись: «1812 года. Цена рубль».

<sup>10</sup> Номер атtestата написан вертикально с левой стороны листа на полях.

секретарем 1806 декабря 31-го, титулярным советником 1808 декабря 27-го, переведен в экспедицию о государственных доходах 1809 декабря 27-го; и во время служения его в сей экспедиции при благородном своем поведении возлагаемые дела исправлял с отличным усердием; 28 января нынешнего 1813 года был откомандирован в канцелярию господина действительного тайного советника князя Алексея Борисовича Куракина по предмету прекращения чумы, в Новороссийском крае существующей, где находился по 30-е мая того же года // (л. 122 об.) для надзора за порядком по наблюдательному кордону, и его сиятельство князь Алексей Борисович в письме своем к г[осподину] министру финансов от 30-го того же мая за свидетельствовал, что г[осподин] Перетц возложенную на него должность исполнил с особенным усердием и деятельностию; ныне же согласно с желанием его он, Перетц, уволен из экспедиции для определения к другим делам. Во свидетельство чего и дан ему сей атtestат из экспедиции о государственных доходах за подписанием и с приложением печати.

Санкт-Петербург,  
Июля 5-го дня 1813 года

Действительный статский советник и кавалер  
Корней Лубянинович

Статский советник и кавалер Иван Рогенберг

Статский советник и кавалер Иван Степанов

Правитель канцелярии и кавалер Рытанов

Сенатский регистратор А.Шведов

У сего атtestата его императорского величества экспедиции о государственных доходах печать // (л. 123)

№ 49 (48)

О Перетце

Искрицкий

В общество, которого названия не  
было ему<sup>1</sup> открыто, принят он т[иту-  
лярным] [советником] Перетцом в  
1820 г[оду].

Квартируя в одном<sup>2</sup> доме, он познакомился с Перцем. Перетц первый начал раскрывать ему<sup>1</sup> образ правления государства; говорил о выгодах представительного правления. Навещая его часто, он все внимание его обращал к политическим наукам, давал читать конституции разных государств, приводил из библии какие-то законы Моисея в доказательство, что бог покровительствует подобным постановлениям. Идеи сии были для него новы, и он слушал их с жадностию. Тогда открыл он ему о существовании какого-то тайного общества, имевшего целью введение конституционного правления в России, прибавив, что<sup>3</sup> это не можно назвать обществом, ибо оно не имеет ни бумаг, ни списка // (л. 123 об.) членов, ни совещаний, что члены друг друга не знают, однако же, в случае нужды слово «свобода» (на еврейском языке) было знаком, по которому можно было узнать друг друга.

Он не называл ему ни одного члена; но изредка намекал о полк[овнике] Глинке, как будто и он член сего же общества.

Расспрашивая о его товарищах по службе, склонял его, чтобы и он вводил их в сие же общество.

Вскоре обстоятельства службы переменили образ занятий его и прекратили его знакомство с Перцем. С самого начала 1822-го он потерял Перца из виду. Иногда встречаясь с ним только на улице, не слыхал уже от него ничего об обществе. // (л. 124)

<sup>1</sup> Слово «ему» вписано над строкой.

<sup>2</sup> Далее зачеркнуто: «с ним».

<sup>3</sup> Далее зачеркнуто: «то».

### О титулярном советнике Перетце

Высочайше повелено: продержав еще два<sup>1</sup> месяца в крепости, отослать на жительство в Пермь, где местной полиции и иметь над ним бдительный тайный надзор.

Высочайше повелено: продержав еще два<sup>1</sup> месяца в крепости, отослать на жительство в Пермь, где местной полиции и иметь над ним бдительный тайный надзор.

Высочайше повелено: продержав еще два<sup>1</sup> месяца в крепости, отослать на жительство в Пермь, где местной полиции и иметь над ним бдительный тайный надзор.

Высочайше повелено: продержав еще два<sup>1</sup> месяца в крепости, отослать на жительство в Пермь, где местной полиции и иметь над ним бдительный тайный надзор.

Сии три лица возложили на него обязанность приема членов, преимущественно из военных. Вследствие чего приняты им: Синявин, Искрицкий, Данченко и Устимович и, сверх того, с его согласия приняты Дребуш и Лаппа.

По предложению его, Перетца, Глинкою, Кутузовым и Семеновым было принято условным знаком для узнания друг друга в случае нужды еврейское слово «хейрут», свободу означающее.

Однажды Глинка сказал ему, что можно бы усилить успехи их общества при соединением оного к обществу Елизаветы, желавшему возведения на престол государыни императрицы Елизаветы Алексеевны и имевшему знаки на печати ель и книгу завета. // (л. 125)

В то время, когда он усердствовал обществу, то есть в течение около двух лет, предметами совещаний и рассуждений его с Глинкою, Кутузовым, Семеновым, Синявином, Искрицким и прочими сочленами были или принятие членов или взаимное друг друга извещение о действиях правительства, где истощали осуждения, упреки и порицания как на оные, так на покойного государя, великих князей и вельмож.

Пред отъездом одного из принятых им членов, Устимовича, в Грузию он дал ему тайный ключ для взаимной их переписки, им самим усовершенствованный; но по словам его, употребления из оного не было.

Подписку о том, чтобы // (л. 125 об.) не принадлежать к масонским ложам и ни к каким тайным обществам, дал и с тех пор, а кажется еще и прежде того, от дел общества удалился.

Пред 14-м числом декабря он заходил к Глинке с намерением узнать, не предпринимают ли чего-либо? Ибо, помня о существовании общества, опасался, чтоб не вздумали воспользоваться тогдашним случаем. На замечание его, Перетца, что «у нас от революции лучшего ожидать нельзя», Глинка изъявил подобное же мнение, сказав, что от Константина Павловича можно бы ожидать ненасильственной перемены в образе правления, а пред самым уходом его Глинка сказал как бы гадательно: «Что-нибудь да будет, посмотрим». // (л. 126)

Сии слова и собственные опасения побудили его ехать к действительному статскому советнику Гурьеву, зная, что по характеру графа Милорадовича для обращения его внимания надлежит адресоваться чрез человека, им любимого. Гурьева просил он доложить графу от его имени, что по случаю восшествия на престол государя Николая Павловича должно опасаться возмущения. Вечером того же дня Гурьев объявил ему ответ графа Милорадовича, заключавшийся в непристойных словах.

После происшествия 14 декабря, узнав, что Искрицкий участвовал в замыслах общества, условился видаться с ним под предлогом займа денег, пока он не будет // (л. 126 об.) арестован, и взял от него слово не открывать, что он принят им, Перетцом, в общество. При одном из сих свиданий, Перетц, возымев намерение для безопасности своей уехать из России, просил Искрицкого надписать чужим почер-

<sup>1</sup> Слово «два» вписано над строкой.

ком адрес на письме в Лондон к миссионеру Way, которого просил принять его в свои сотрудники в деле обращения евреев, но Искрицкий отказался от того, а потому и письмо не было отправлено. Рассуждая с Искрицким об ошибках в день 14 декабря, с обеих сторон сделанных, он, Перетц, говорил, что бунтовщики весьма глупо сделали, начав дело, не быв уверены в войске, и без артиллерии, оружия самого решительного; что // (л. 127) вместо дворца пошли на площадь; что, не видев со стороны начальства артиллерии, простояли неподвижно, как бы дожидавшись, чтобы ее привезли на их погибель.

Показание Из показаний других, относительно Перетца  
других собранных, видно:

19 главнейших членов Северного и Южного обществ, спрошенные о нем, отзвались, что они никогда не знали его членом.

Семенов на сделанный ему вопрос показал, что в 1819 или в 1820 году Глинка представлял ему Перетца как члена тайного общества, и Перетц говорил ему, что он или располагает принять или уже принял в свои сочлены Сенявина, Искрицкого, Устимовича и Дребуша, что по предложению // (л. 127 об.) Глинки обществу Перетца надлежало действовать независимо от Союза благоденствия и что в начальствующие лица сего общества назначались: Глинка, Кутузов и он, Семенов.

Глинка, отрицая все сии показания, как Перетца, так и Семенова, объяснил, что Перетц много раз домогался о принятии его в масоны, в чем отказав ему, принял его потом в члены ланкастерских школ и поручил ему набирать членов.

Общества же, имевшего означенную Перетцом цель и знаки на печати, никогда не знал, а не раз говорил, что «если бы ложа Елизаветы соединилась с нашею ложею "Избранного Михаила", то мы были бы // (л. 128) гораздо сильнее в способах и могли бы сделать заведение более прочное». Это было говорено потому, что общество первой имело училище на 25 сирот со всем содержанием от оного, а последнее школу человек на 200, только бравших уроки.

По разноречию в показаниях даны были очные ставки Глинке с Перетцом и Семеновым, на коих каждый остался при своем показании.

Кутузов в ответах своих и на очных ставках с Перетцом и Семеновым утвердил то, что Глинка представлял ему Перетца, но как члена ланкастерской школы, и что он никакой обязанности не возлагал на него и не слыхал, // (л. 128 об.) кого и куда он принимал членами.

Не имел с ним никаких связей, считая его шпионом.

Сверх того спрошены были Искрицкий и Сенявин, из коих первый показал, что Перетц ни одного члена не называл ему, но намекал о Глинке, как будто бы и он член общества, а Сенявин при допросе и на очной ставке совершенно отверг показание Перетца.

Лала говорит, что Искрицкий предлагал ему вступить в общество, не зная, что он уже принадлежит к оному; но Перетц не был ему известен как член общества.

От Устимовича, Дребуша и Данченки показаний нет, от первого по нахождению его в Грузии, а от последних — по случаю их смерти. // (л. 129)

Показание же Перетца, как о предложении его и будто бы о принятии условным знаком слова «Хейрут», так и бывших между ними вышеприведенных рассуждений и порицаний, отвергнуто всеми: Глинкою, Кутузовым, Семеновым и Сенявином, Искрицкий же говорит, что он не помнит, чтобы когда-нибудь судили о столь важных предметах. Может быть, Петерц говорил ему о некоторых из них, ибо он часто выходил от него недовольный правительством, и что сверх того Перетц, толкуя о выгодах в России конституционного правления, приводил из библии какие-то законы Моисея в доказательство, что бог покровительствует подобным постановлениям. // (л. 129 об.)

Насчет того, что будто бы слова Глинки: «Что-нибудь да будет, посмотрим» утвердили его, Перетца, в опасении возмущения, Глинка отвечал, что Перетц точно был у него, и, говоря о смерти покойного государя, сказал: «Что-то будет?» На сие он, Глинка, отвечал извест[ною] пословицею: «Что будет, то будет, а будет то, что бог даст». Сверх того Гурьев показал, что Перетц 12 или 13 декабря действительно говорил ему, что он опасается.

Верно: над[ворный] сов[етник] Ивановский

Одним из последних показания о заседании Коренной думы дал С.М.Семенов. 2 апреля 1826 г. он был допрошен в Комитете, где признал себя членом Коренной думы и подтвердил факт проведения в 1820 г. заседания, обсуждавшего различные формы государственного устройства. Он заявил также, что хотя теоретически все признали республиканскую форму правления (на примере США) лучшей, однако, для России большинство полагало ее неприемлемой. «Спор сей не был кончен общим согласием», — показывал Семенов, и вопрос остался нерешенным<sup>1</sup>. 8 апреля вопрос о заседании Коренной думы был задан С.И.Муравьеву-Апостолу<sup>2</sup>.

Таким образом, показания Семенова, как и ряда других участников заседания, расходились с утверждениями Пестеля. В связи с этим 10 и 12 апреля Комитет провел серию очных ставок о совещании Коренной думы в 1820 г. Очные ставки с Пестелем получили Никита Муравьев, С.Муравьев-Апостол, Глинка и Семенов 10 апреля, Павел Корошин и Бригген — 12 апреля. С.Муравьев-Апостол, Корошин и Бригген согласились с показаниями Пестеля, утверждавшего, что совещание на квартире Глинки было «формальное собрание Коренного союза, облеченного законодательною властью общества»; однако, Корошин и Бригген считали, что окончательного решения на нем принято не было<sup>3</sup>. То же заявлял С.М.Семенов, присовокупив, что в последующем предмет совещания членам петербургских управ тайного общества сообщен не был<sup>4</sup>. Никита Муравьев был вынужден признать, что все присутствовавшие на совещании «согласились принять республиканское правление», но «оно прочим думам объявлено не было»<sup>5</sup>. Полностью отрицал показания Пестеля только Ф.Н.Глинка<sup>6</sup>.

На этом следствие о заседании Коренной думы Союза благоденствия было закончено. В настоящем деле имеются также выписка из показаний членов Коренного совета (думы) о совещании 1820 г. (док. № 5/4) и свод показаний о лицах, присутствовавших там, но «несознавшихся или находящихся в отсутствии» (док. № 6/5). «Свод» составлен ранее первых чисел апреля, так как в нем упомянут С.М.Семенов, который стал давать показания 2 апреля 1826 г.

Помимо перечисленных выше документов дело включает показания девяти членов тайного общества: Пестеля, С.Муравьева-Апостола, Н.Муравьева, М.Муравьева-Апостола, Якушкина, М.Фонвизина, Лунина, Бригена, С.Семенова от 11 мая 1826 г. Это ответы на вопрос о составе Коренного совета Союза благоденствия (док. № 7/6, 8/7, 9/8, 10/9, 11/10, 12/11, 13/12, 14/13, 16/15). М.Орлову был задан вопрос об участниках Московского съезда 1821 г. (док. № 15/14).

Следственное дело «О совещании Коренной думы в 1820 году...» хранится в ГАРФ, в фонде № 48, под № 5. По современной нумерации в деле 29 листов, заполненных текстом. Сохранилась также первоначальная нумерация, простоявшая надворным советником А.А.Ивановским при формировании дела. Согласно этой нумерации в деле насчитывался 41 лист, среди них были чистые. Листы документа № 1 не были пронумерованы Ивановским.

### О следственном деле Г.А.Перетца

Первые сведения об участии в Союзе благоденствия титулярного советника Григория Абрамовича Перетца Следственный комитет получил 3 февраля 1826 г. при допросе Д.А.Искрицкого. Он сообщил, что в 1820 г. был принят в тайное общество титулярным советником Перетцом<sup>7</sup>. Комитет немедленно постановил: «Спросить его, какой это именно Перетц и где он жительствует?»<sup>8</sup> В «дополнительном ответе», заслушанном Комитетом 8 февраля, Искрицкий повторил свое показание о приеме его в общество Григорием Перетцом. Было решено «о принадлежности Перетца к обществу после 1821-го года спросить главнейших членов Северной и Южной дум»<sup>9</sup>. Никита Муравьев, К.Ф.Рылеев, С.П.Трубецкой, А.А.Бестужев, Е.П.Оболенский, И.И.Пущин, М.М.На-

1 ВД. Т. XVIII. М., 1984. С. 188.

2 ВД. Т. IV. С. 360.

3 ВД. Т. IV. С. 360—361; Т. XIV. С. 438; Т. XVIII. С. 163—164.

4 Наст. том. Д. 82 (Ф.Н.Глинки). Док. № 18/16.

5 ВД. Т. I. С. 317.

6 Наст. том. Д. 82. Док. № 17/15.

7 ВД. Т. XVIII. С. 129.

8 ВД. Т. XVI. С. 85.

9 ВД. Т. XVI. С. 92.

дился вытребовать ответы от всех поименованных в записке лиц, еще не привлекавшихся к следствию или уже «прощенных», а о Лунине сообщить вел. кн. Константину (док. № 4/3, см. также наст. том, комментарии к делу Ф.Н.Глинки)<sup>1</sup>. Указанная докладная записка хранится в настоящем деле в подлиннике, который отсутствует в деле № 25, содержащем ежедневные докладные записки Комитета Николаю I.

8 февраля Пестелю, Никите Муравьеву и Сергею Муравьеву-Апостолу были заданы вопросы об участии в совещании Коренной думы в 1820 г. Бриггена, Павла Колошина, М.М.Нарышкина и С.М.Семенова. Следователи интересовались их позицией на этих заседаниях (док. № 3/2)<sup>2</sup>. При чтении полученных ответов 9 февраля Комитет постановил: «По разноречию... дойти по возможности до истины новыми допросами и очными ставками»<sup>3</sup>.

15 февраля о заседании Коренной думы были спрошены Ф.Глинка и Ф.Толстой, в конце февраля получили вопросы И.Шипов и Долгоруков<sup>4</sup>. Все они отвергли показания Пестеля, Н.Муравьева и С.Муравьева-Апостола о проведении подобного заседания и своем участии в нем (см. наст том, комментарии к делам Ф.Глинки, Ф.Толстого, И.Шипова, Долгорукого). Однако Комитет после чтения ответов Долгорукова и Шипова 2 марта постановил «продолжить дальнейшее исследование»<sup>5</sup>.

7 марта вопрос о заседании Коренной думы, его участниках и их мнениях был задан Бриггену. Он в целом подтвердил показание Пестеля, отметив лишь, что Глинка, Ф.Толстой и он сам «никакого решительного отзыва не дали»<sup>6</sup>.

14 марта Комитет заслушал письмо вел. кн. Константина с пожеланием, чтобы с Лунным, находящимся в Варшаве, поступали «сообразно с порядком, который был наблюдан по высочайшему повелению насчет полковников князя Ильи Долгорукого и Ивана Шипова» и составили бы для него «по предмету совещания Коренных членов Союза благоденствия... допросные пункты»<sup>7</sup>. 24 марта они были подготовлены и отправлены в Варшаву. Лунин отвечал, что о собрании членов Коренной думы, интересующем Комитет, он сведений не имеет и подробности заседания ему неизвестны<sup>8</sup>. Эти ответы зачитывались на заседании Комитета лишь 16 апреля одновременно с протоколом первого допроса Лунина в Петербурге, снятого Чернышевым также 16 апреля. В этот день Лунина доставили в столицу. На устном допросе Лунин признал свое участие в заседании Коренной думы в 1820 г. и подтвердил показания Пестеля об этом заседании<sup>9</sup>.

В конце марта — начале апреля Комитет продолжал допрашивать участников совещания, выясняя новые подробности. 28 марта сходные вопросы получили С.Муравьев-Апостол, Бригген, Павел Колошин и Никита Муравьев. Следователей интересовало, «по какому поводу и с каким намерением» происходили «рассуждения и прения» на заседании 1820 г. Ответы были даны противоречивые. Никита Муравьев отвечал, что общество, целью которого было «усовершенствование образа правления» должно было заниматься «рассуждениями о началах оного». С.Муравьев-Апостол и Бригген сделали акцент на «теоретическом» характере «рассуждений и прений», состоявшихся на заседании<sup>10</sup>.

В числе многих вопросов, заданных Пестелю при допросе 1 апреля, один из них касался собрания членов Коренной думы, произшедшего у Шипова. Согласно журналам заседаний Комитета, Пестель не считал собрание у Шипова «формальным» совещанием Коренной думы Союза благоденствия, как заседание у Ф.Глинки, а только «случайным съездом некоторых членов». «Там было, — по словам Пестеля, — говорено о многом и между прочим о политической перемене в государстве, но не рассуждали о том в виде правильного прения и никакое заключение сделано не было»<sup>11</sup>. Тот же смысл имел письменный ответ Пестеля на этот вопрос<sup>12</sup>.

<sup>1</sup> ВД. Т. XVI. С. 97.

<sup>2</sup> ВД. Т. I. С. 313; Т. IV. С. 292.

<sup>3</sup> ВД. Т. XVI. С. 97.

<sup>4</sup> Наст. том. Д. 82 (Ф.Н.Глинки). Док. № 10/8, 11/9; Д. 232 (Ф.П.Толстого). Док. № 4/3, 5/4, Д. 231 (И.П.Шипова). Док. № 3/3; Д. 230 (И.А.Долгорукого). Док. № 3/2, 4/3.

<sup>5</sup> ВД. Т. XVI. С. 119.

<sup>6</sup> ВД. Т. XIV. М., 1976. С. 436.

<sup>7</sup> ВД. Т. XVI. С. 127.

<sup>8</sup> ВД. Т. III. М.—Л., 1927. С. 119.

<sup>9</sup> ВД. Т. III. С. 122.

<sup>10</sup> ВД. Т. I. С. 315; Т. IV. С. 326—327; Т. XIV. С. 436; Т. XVIII. С. 163.

<sup>11</sup> ВД. Т. IV. С. 438.

<sup>12</sup> ВД. Т. IV. С. 155.

рышкин, М.Ф.Митьков на вопросы, заданные им 11 февраля, отвечали, что Перетца совершенно не знают (док. № 2/1, 3/2, 4/3, 5/4, 6/5, 7/6, 8/7).

На следующий день Искрицкий получил «вопросный пункт» с требованием рассказать о приеме его Перетцом в тайное общество и контактах с ним. Искрицкий дал подробные показания, он повторил, что был принят в общество Перетцом в 1820 г., слышал от него «о выгодах представительного правления», введение которого, по словам Перетца, являлось целью тайного общества. Членов общества Перетц не называл, только «изредка намекал о полковнике Глинке». После 1821 г. разговоров об обществе у Искрицкого с Перетцом не было. Встретясь с Перетцом через несколько дней после восстания 14 декабря, Искрицкий обещал ему в случае своего ареста не называть его имени<sup>1</sup> (док. № 49/48). 14 февраля ответ Искрицкого был заслушан в Комитете и принят «к сведению»<sup>2</sup>. Днем раньше, 13 февраля, Искрицкий вновь был допрошен в Комитете «для вернейшего узнания о титулярном советнике Перетце». Несмотря на ответы членов Северного общества, не имевших сведений об участии Перетца в организации, следователи были убеждены, что он «без сомнения, был членом сего или другого подобного тайного общества»; в связи с этим Комитет решил «представить о взятии его на высочайшее разрешение, а между тем, спросить о нем всех главнейших и давнейших членов Южного, Северного и Славянского обществ»<sup>3</sup>. 15 февраля были спрошены С.Г.Волконский, И.В.Поджио, М.П.Бестужев-Рюмин, С.И. и М.И.Муравьевы-Апостолы, А.П.Барятинский, В.Л.Давыдов, А.Н.Муравьев и П.И.Пестель. Они, также как ранее члены Северного общества, показали, что о Перетце не слышали и не имеют сведений о его участии в тайном обществе (док. № 10/9, 11/10, 12/11, 13/12, 14/13, 15/14, 16/15, 17/16, 18/17). При чтении ответов членов Южного общества Комитет постановил: «вследствие высочайшей резолюции довесть о сем до сведения его императорского величества, представив через начальника Главного штаба и показание подпоручика Искрицкого, утверждающего положительно с изъяснением всех обстоятельств и подробностей, что он был принят *Перетцом* в 1820-м году»<sup>4</sup>. В тот же день вопросы об участии Перетца были заданы Ф.Н.Глинке и Ф.П.Толстому при их допросе в Комитете<sup>5</sup>. Глинка заявил, согласно записи в журналах Комитета, что «*Григория Перетца* членом не знал и даже положительно может утвердить, что его бы никогда и принять не захотели»<sup>6</sup>. Сходный ответ дал Ф.Толстой<sup>7</sup>.

17 февраля последовало «высочайшее» распоряжение: «титулярного советника *Григория Перетца* взять с бумагами»<sup>8</sup>. 18 февраля был дан приказ Перетца арестовать и «представить его самого к его императорскому величеству»<sup>9</sup>. 21 февраля Перетц был арестован, допрошен во дворце и отправлен в Петропавловскую крепость с запиской Николая I: «Присылаемого Перетца посадить по усмотрению и содержать строго»<sup>10</sup>. Его заключили в «особый арестантский каземат № 4-й Никольской куртины»<sup>11</sup>. Бумаги Перетца «в двух больших простиных» были доставлены в Следственный комитет<sup>12</sup>.

На первом допросе, снятом В.В.Левашовым, Перетц признал себя членом тайного общества, целью которого «было сделать изменение в правительстве и ввести конституцию», а средством — «распространение всеобщего неудовольствия» (док. № 19/18).

22 февраля Перетц был допрошен в Комитете и «не отрекся от принадлежности к тайному обществу»<sup>13</sup>. Для письменных ответов он получил «допросные пункты», но прежде чем отвечать на них, он 24 февраля обратился в Комитет с просьбой проверить у В.П.Гурьева, действительно ли он, Перетц, объявил ему за несколько дней до 14 декабря о возможном выступлении и просил предупредить петербургского военного генерал-губернатора М.А.Милорадовича (док. № 20/19). Комитет постановил: «Спросить

<sup>1</sup> ВД. Т. XVIII. С. 131.

<sup>2</sup> ВД. Т. XVI. С. 100.

<sup>3</sup> ВД. Т. XVI. С. 98–99.

<sup>4</sup> ВД. Т. XVI. С. 102.

<sup>5</sup> Наст. том. Д. 82 (Ф.Н.Глинки). Док. № 10/8, 11/9; Д. 232 (Ф.П.Толстого). Док. № 4/3.

<sup>6</sup> ВД. Т. XVI. С. 102.

<sup>7</sup> Наст. том. Д. 232. Док. № 5/4.

<sup>8</sup> ВД. Т. XVI. С. 105.

<sup>9</sup> ГАРФ. Ф. 48. Д. 31. Л. 420.

<sup>10</sup> Щеглов П.Е. Декабристы. М.—Л., 1926. С. 276.

<sup>11</sup> ГАРФ. Ф. 48. Д. 31. Л. 422, 423.

<sup>12</sup> ГАРФ. Ф. 48. Д. 31. Л. 421.

<sup>13</sup> ВД. Т. XVI. С. 114.

о сем [господина] Гурьева»<sup>1</sup>. 28 февраля Перетц закончил свои пространные ответы и представил их в Следственный комитет. Он подробно рассказал о приеме в общество Ф.Н.Глинкой, об известных ему членах тайной организации. Цель общества, сообщенная Перетцу, заключалась в «монархическом представительном правлении». Путями достижения цели Перетц, как и в первом показании, назвал «умножение членов, оглашение несправедливостей и ошибок правительства и распространение политических сведений». Перетц сообщил также содержание разговоров членов тайного общества с критикой правительства, подробно остановился на своих действиях накануне и после 14 декабря (док. № 21/20, 22/21).

Комитет крайне заинтересовался показаниями Перетца и при сопоставлении их с уже имевшимися сведениями установил: «а) что когда Перетц был принят, Союз благоденствия и устав оного, "Зеленая книга", еще существовали во всей силе, следовательно, при принятии *Перетца* должны были быть сообщены ему как название общества, так и писанные правила оного, каковой порядок, однако, с ним не был наблюден; б) что в Союзе благоденствия не было принято никакое слово знаком для узнания; с) что все лица, *Перетцом* названные, равно как и он сам не известны содержащимся членам тайного общества за исключением только *Глинки*, *Кутузова* и *Семенова*, но *Глинка* отрицается в том, что принял *Перетца* в Союз благоденствия, *Кутузов* всеми показан отставшим от оного еще до 1821-го года, а *Семенов* сам объявил *Штейнгейлю* в Москве после происшествия 14-го декабря, что опасается быть взятыу, потому что был секретарем всех тайных обществ. Сверх того видно: д) из показаний *Лаппы* и *Искрицкого*, что первый был принят итальянцем *Жильи*, и что они оба вскоре после их принятия прекратили все сношения по сообщничеству и только пред самым происшествием 14-го декабря, когда им было сделано предложение о вступлении в общество и раскрыты цель и намерение оного, то они, вспомнив прошедшее, объявили, что к оному уже давно принадлежат». «По соображении всех сих обстоятельств», Комитет заключил, что «может быть, существует еще особое тайное общество, действовавшее отдельно от ныне разрушенного». Было решено «исследовать строго» этот вопрос и «заготовить новые сообразно сему допросные пункты *Перетцу* и некоторым другим лицам, названным им в показаниях»<sup>2</sup>.

4 марта Перетц направил в Комитет небольшое дополнение к ответам от 28 февраля (док. № 23/22), затем 11 марта обратился с просьбой выпустить его на несколько дней для устройства домашних дел, на что ответа не получил (док. № 24/32). Резолюции комитета при чтении этих документов в журналах заседаний отсутствуют. 11 марта следователи потребовали от Перетца сообщить «средства» к открытию всех тайных обществ (док. № 25/23), что он сам предложил в показаниях от 28 февраля. Комитет остался недоволен его ответом (док. № 26/24), так как ожидаемых сведений о каких-либо существовавших, но неизвестных тайных обществах не было получено. Перетц «никаких открытий не сделал, — записано в журналах 12 марта, — а указывает между другими мерами и ту, чтобы обнародовать указом, дабы все служащие и неслужащие, подданные Российской империи и иностранцы, в ней живущие, объявили в данный срок о всех известных им тайных обществах как в самом государстве, так и вне оного, о цели, намерениях, правилах, уставах, знаках, сile, сношениях, известных членах и проч[ее], обещав при том, что после сего признания и присяги не принадлежать более к таковым не будет чинимо взыскание». Сообщение Перетца было принято «к сведению»<sup>3</sup>.

12 марта Никите Муравьеву, Якушкину, А.Н.Муравьеву, Нарышкину, Оболенскому, М.Н.Муравьеву были заданы вопросы об участии в тайном обществе А.Ф.Дребуша и Е.П.Данченко, названных ранее Перетцом членами организации, принятими при его посредстве (док. № 27/25, 28/26, 29/27, 30/28, 31/29, 32/30). В тот же день С.М.Семенов получил серию вопросов об «обществе Перетца». Вопросы основывались на показаниях Перетца от 28 февраля. Конкретных показаний от Семенова следователи не добились, так как он продолжал отрицать свое участие в тайном обществе (док. № 33/31). Вопросы об «обществе Перетца» получил также 16 марта Н.Д.Сенявин, арестованный в один день с Ф.Глинкой — 11 марта — по обвинению Перетца. От Сенявина требовали показаний о цели, упрахах общества, о деятельности в нем Перетца. Сенявин отвечал, что хотя знаком с Перетцом «с самых молодых лет», но о тайном обществе от него не слышал и не может дать никаких сведений<sup>4</sup>.

1 ВД. Т. XVI. С. 116.

2 ВД. Т. XVI. С. 122—123.

3 ВД. Т. XVI. С. 126.

4 Наст. том. Документальное приложение. Д. 198 (Н.Д.Сенявина, А.Н.Ронова). Док. № 9/8, 10/9.

Двумя днями ранее, 14 марта Следственный комитет провел второй после 28 февраля большой допрос Перетца. Как записано в журналах заседаний Комитета, он решительно утверждал, что «в письменных своих ответах [от 28 февраля] показал сущую правду и справедливость и готов уличить на очных ставках Глинку и прочих, если они его показания отрицают»<sup>1</sup>. «Допросные пункты», направленные Перетцу после устного допроса, требовали его признания в существовании самостоятельного тайного общества, членом которого, по мнению Комитета, он являлся. В своих догадках о существовании другого общества следователи исходили, во-первых, из несущества, как им казалось, целей, устава и форм деятельности Союза благоденствия, уже им известных в общих чертах, с целями и формами деятельности «общества Перетца». Во-вторых, упорное нежелание Глинки, Кутузова и Семенова признать Перетца «сочленом своим» также заставило следователей усомниться в первых показаниях Перетца (док. № 34/33). Давая 18 марта письменные ответы, Перетц приложил все усилия, чтобы убедить Комитет в правдивости своих показаний; фактически, он повторил и несколько расширил свои ответы от 28 февраля (док. № 35/34). 19 марта Перетц направил в Комитет дополнение, в котором, желая подчеркнуть свою «искренность и чистосердечие раскаяния» он просил применить пытку, однако, не только к нему, но и к тем, которые отвергли его показания, то есть к Глинке, Кутузову и Семенову (док. № 36/35). Показания Перетца от 18 марта и дополнение к ним Комитет заслушал 20 марта и «взял в соображение», что Перетц «ничего нового не показывает, а подтверждает только прежние ответы, изъявляя готовность уличить Глинку и прочих и даже выдержать пытку в доказательство справедливости своих показаний, с тем, однако, чтобы оную выдержали и отрицающиеся лица»<sup>2</sup>.

Одновременно Комитет продолжал допрашивать о Перетце и его «обществе» других членов. 16 марта, получив показания Оболенского об отрасли Союза благоденствия в Измайловском полку, Комитет высказал предположение, что «оное общество есть то же самое, к которому принадлежал Перетц»<sup>3</sup>. Следователи пытались «привести сие... более в ясность». 18 марта был задан вопрос Нарышкину. Он дал сведения об Измайловской управе, но подчеркнул, что ни Перетца, ни названных им лиц «членами не знал»<sup>4</sup>.

22 марта состоялась очная ставка между Перетцом и Семеновым, на которой Семенов отверг все показания Перетца. Он продолжал утверждать, что так как сам не участвовал в тайном обществе, то и Перетца никогда не знал в качестве члена общества (док. № 37/36). В тот же день Перетц послал в Комитет дополнительное показание, направленное к уличению Семенова (док. № 38/37). Оно квалифицировалось Комитетом как «ничтожное дополнение»<sup>5</sup>.

29 марта Комитет заслушал и принял к сведению донесение В.П.Гурьева, подтвердившего, что Перетц за несколько дней до 14 декабря через него предупредил Милорадовича о возможном «возмущении» при восшествии на престол Николая (док. № 41/41)<sup>6</sup>.

30 марта Перетц написал очередное «донесение» в Комитет с некоторыми подробностями, дополнившими его показание от 18 марта (док. № 42/40). Это новое «ничтожное дополнение», по определению Комитета, приказано было «приобщить к его ответам»<sup>7</sup>.

В начале апреля важные сведения об обществе Глинки—Перетца были получены от С.М.Семенова, начавшего давать показания о тайном обществе. Показания Перетца о тайном обществе, в которое он был принят Глинкой, нашли свое подтверждение в ответах Семенова. Он также сообщил, что это общество должно было «по предположению Глинки» действовать независимо от Союза благоденствия, поэтому Перетц ничего не знал о союзе (см. комментарий к делу Ф.Н.Глинки). В то же время, показывал Семенов, «рассуждая с Перетцом о цели и средствах его общества, я находил, что понятия его по сему предмету были согласны с видами Союза благоденствия»<sup>8</sup>. Не зная еще об ответах Семенова, Перетц 6 апреля направил в Комитет показание.

1 ВД. Т. XVI. С. 128.

2 ВД. Т. XVI. С. 135.

3 ВД. Т. XVI. С. 131.

4 ВД. Т. XVI. С. 136; Т. XIV. С. 409, 410.

5 ВД. Т. XVI. С. 145.

6 ВД. Т. XVI. С. 148.

7 ВД. Т. XVI. С. 151.

8 ВД. Т. XVIII. С. 189.

В нем он приводил новые аргументы своей правоты на очной ставке с Семеновым 22 марта (док. № 43/42).

В дальнейшем несмотря на показания Семенова, трое из участников общества, которых называли Перетц: Глинка, Кутузов и Сенявин по-прежнему отказались признать существование тайной организации, описанной Перетцом, и свое участие в ней. Глинка отвечал на вопросы 7 апреля, Кутузов — 7 мая<sup>1</sup>. Очные ставки имели место: между Перетцом и Сенявиним — 26 апреля, между Перетцом и Глинкой — 30 апреля, между Перетцом и Кутузовым — 8 мая<sup>2</sup>.

26 апреля в вопросах, адресованных Искрицкому выяснялись некоторые детали показаний Перетца, касавшиеся тайного общества, его членов, а также действий Перетца после 14 декабря<sup>3</sup>. 14 мая вопросы о Перетце были заданы М.Д.Лаппе. Следователей особенно интересовало, кто принял Перетца в тайное общество. Лаппа отвечал, что о Перетце он ничего не знает, «кроме того, что он был знаком с Жиля и с Искрицким»<sup>4</sup>.

Последним актом следствия по делу Перетца было обращение 18 мая к Семенову с вопросом о содержании разговоров на политические темы между членами общества с участием Перетца. Семенов заявил, что не присутствовал на подобных беседах (док. № 45/44, 46/45).

Подготовленная Комитетом докладная записка о Перетце была направлена царю, 15 июня последовало «высочайшее» повеление: «продержав еще два месяца в крепости, отправить на жительство в Пермь, где местной полиции и иметь за ним бдительный тайный надзор» (док. № 50/49)<sup>5</sup>. 17 июня царская резолюция была зачитана в Комитете переименованном к этому времени в Следственную комиссию<sup>6</sup>.

25 августа 1826 г. Перетц был доставлен к месту ссылки<sup>7</sup>. Пермскому гражданскому губернатору предписывалось иметь за ним секретный надзор и ежемесячно доносить о поведении<sup>8</sup>.

Помимо указанных выше документов следственное дело Г.А.Перетца содержит переписку по поводу просьбы Перетца о возвращении ему показаний от 18 марта 1826 г. (док. № 39/38, 40/39), прошение Перетца от 11 апреля (док. № 44/43), вопросы «о воспитании» с ответами (док. № 47/46), «аттестат», выданный Перетцу в 1813 г. (док. № 48/47).

Отдельные фрагменты следственного дела Г.А.Перетца были опубликованы<sup>9</sup>.

Следственное дело Г.А.Перетца хранится в ГАРФ, в фонде № 48, под № 66. По современной нумерации в деле 130 листов, заполненных текстом. По первоначальной нумерации, сделанной А.А.Ивановским, в деле насчитывалось 106 листов. Листы с адресами и листы документа № 1 не были им пронумерованы.

Ниже указаны дела Следственного комитета, в которых имеются показания Г.А.Перетца по разным вопросам, не вошедшим в состав дела № 66.

1. Дело № 11 «Письма на высочайшее имя и на имя генерал-адъютанта Левашова от некоторых арестантов о замеченных ими беспорядках и злоупотреблениях в царствование покойного императора...», л. 16—19 об. (письмо и записка от 30 декабря 1825 г.).

2. Дело № 305 «Просьбы арестованных лиц по разным предметам и родственников их», л. 170—170 об. (прошение от 4 марта 1826 г.).

3. Дело № 305, л. 78—79 (прошение от 10 марта 1826 г.).

4. Дело № 302 «О доверенностях, данных арестованными лицами касательно домашних дел их», л. 94—94 об. (прошение от 22 марта 1826 г.).

5. Дело № 303 «Об отобранных сведениях от арестованных лиц, не имеет ли кто из них в судебных местах тяжебных дел», л. 104—105 (показание от 25 апреля 1826 г.).

6. Дело № 198, Н.Д.Сенявина, А.Н.Ронова, л. 16—16 об. (протокол очной ставки от 26 апреля 1826 г.). См.: Наст. том. С. 481.

<sup>1</sup> Наст том. Д. 82 (Ф.Н.Глинки). Док. № 15/13, 16/14; Д. 173 (Н.И.Кутузова). Док. № 5/4.

<sup>2</sup> ГАРФ. Ф. 48. Д. 198. Л. 16—16 об.; Наст. том. Д. 82. Док. № 23/21; Д. 173. Док. № 6/5; ВД. Т. XVI. С. 182, 190, 202.

<sup>3</sup> ВД. Т. XVIII. С. 135—138.

<sup>4</sup> ВД. Т. XV. М., 1979. С. 173.

<sup>5</sup> ГАРФ. Ф. 48. Д. 40. Л. 70—73.

<sup>6</sup> ВД. Т. XVI. С. 222.

<sup>7</sup> Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 140.

<sup>8</sup> ГАРФ. Ф. 48. Д. 43. Л. 12.

<sup>9</sup> Перетц Вл.Н. и Л.Н. Декабрист Григорий Абрамович Перетц. Л., 1926. С. 52—112.

- 
7. Дело № 11, л. 21—22 об. (письмо от 28 апреля 1826 г.).
  8. Дело № 305, л. 101 (прошение от 30 апреля 1826 г.).
  9. Дело № 305, л. 102—105 об. (письмо от 30 апреля 1826 г.).
  10. Дело № 305, л. 106 (собственноручная копия прошения от 30 апреля 1826 г.).
  11. Дело № 82, Ф.Н.Глинки, л. 64—67 (протокол очной ставки от 30 апреля 1826 г.).  
См. Наст. том. С. 136—138.
  12. Дело № 173, Н.И.Кутузова, л. 7—8 (протокол очной ставки от 8 мая 1826 г.).  
См. Наст. том. С. 338.
  13. Дело № 304 «Об отобранных от арестованных лиц сведений, не состоит ли у кого в залоге недвижимое имение как в опекунских советах, банке, так и в приказах общественного призрения», л. 79 об. (показание от 28 мая 1826 г.).
  14. Дело № 302, л. 98—98 об. (прошение от 29 мая 1826 г.).
  15. Дело № 302, л. 99—99 об. (прошение от 20 июня 1826 г.).
  16. Дело № 295 «О деньгах и вещах, принадлежащих арестованным лицам», л. 214 (прошение от 30 июня 1826 г.).

1826 года апреля 3-го дня в присутствии высочайше учрежденного Комитета о злоумышленном обществе состоящий по армии полковник Глинка спрашиван и показал.

1

Давно ли вы знакомы с титулярным советником Григорием Перетцом и где познакомились с ним?

2

Часто ли он бывал у вас и взаимно вы у него? В чем состояли ваши беседы и кто разделял оные?

3

Не имели ли вы с ним каких-либо особенных сношений?

4

Были ль вы знакомы с италианцем Жильи (Gili) и не известно ли вам // (л. 26 об.) что-либо об образе жизни и связях его с Перетцом?

5

Вопреки отрицательного показания вашего, 15 февраля Комитету сделанного, Перетц утвердительно говорит, что осенью 1819 или 1820 года (первое вероятнее) вы приняли его в члены тайного общества и представили Кутузову и Семенову. Объясните, точно ли и когда именно вы приняли его и представили означенным лицам?

6

Далее Перетц говорил, что о названии общества и образе управления оного объявлено не было; но при приеме его вы дали вид, будто бы // (л. 27) общество только что составилось; хотя сие казалось ему невероятным, но он нескромностию своею не хотел навлечь на себя подозрение.

Поясните:

- a) Какое название имело сие общество?
- b) Когда и кем было основано?
- c) В чем состояла цель сего общества и средства для достижения оной?
- d) Где находилось местоуправление оного, кто начальствовал над ним и кто были члены, вам известные?

7

По словам Перетца причинами основания тайного общества были: несправедливости и ошибки правительства; целию — монархическое // (л. 27 об.) правление, а средствами — умножение членов, оглашение несправедливостей и ошибок правительства и распространение политических сведений.

<sup>1</sup> Слова «ибо должно признаться» вписаны над строкой.

<sup>2</sup> Ответ написан С.П.Трубецким собственноручно.

<sup>3</sup> Вверху листа помета: «Читано 8 апреля».

Объясните: какие именно ошибки и несправедливости были причиной основания и средствами достижения цели общества?

8

По уверению Перетца, он не видал письменного устава, но вы, Кутузов и Семенов сказали ему, что по нарочитом усилении общества будет составлен план действий. Был ли оный составлен и в чем именно состоял?

9

Точно ли было сказано Перетцу, чтоб не иметь ничего письменного // (л. 28) кроме записок об именах кандидатов в члены для сообщения старшим членам, и точно ли на словах положено было:

- 1) Об употреблении сказанных средств с должною осторожностью?
- 2) О непринятии никого в члены и не открытии никому о существовании общества без согласия старшего члена, который должен был относиться к старшему же и так далее?
- 3) Не объявлять никому о многих членах, и не сказывать, что общество только что составилось, дабы не обескуражить тех, коих он будет принимать? // (л. 28 об.)
- 4) Иметь некоторое повиновение младшим старшему во всем до дел общества?

10

По предложению Перетца было принято знаком еврейское слово «Хейрут», свободу означающее, с тем, что в случае нужды для узнавания друг друга члены должны были сообщать оное взаимно и постепенно по одной букве каждый.

Когда и кем было принято сие слово? Было ли оное передаваемо вновь поступавшим членам и употребляемо между ними?

11

Начальствующими лицами он знал вас, Кутузова и // (л. 29) Семенова, но более и почти единственно относился к вам по ближайшему с вами знакомству и от вас лично получал все почти разрешения на принятие членов.

Объясните: с какого времени и долго ли вы, Кутузов и Семенов начальствовали над обществом и кто заместил вас впоследствии?

12

Вы, Кутузов и Семенов возложили на него Перетца, обязанность приема в члены, преимущественно из военных.

Выбор долженствовал основываться на личных способностях // (л. 29 об.) и хороших правилах кандидата. Вся форма приема состояла в изустном сообщении постановлений общества и отборании честного слова об исполнении оных и со-действии к достижению цели, иногда с присовокуплением слов: обещаю всем, что для меня дорого и священно.

Вследствие сего приняты им: Сенявин, Искрицкий, Данченко и Устимович и притом с его согласия принят Сенявиным Дребуш, а Искрицким Лаппа; сверх сего Сенявиным и Дребушем был приготовлен барон Корф, служивший в л[ейб]-г[вардии] Егерском полку. // (л. 30)

На прием Сенявина и Искрицкого Перетц разрешен был от вас, а о прочих от всех трех. Не представлял же вам их, избегая всяких сходбищ, могущих навлечь подозрение, чего вы и не желали.

Здесь объясните:

а) Точно ли и когда сделано было Перетцу поручение о приеме в члены и особенно, когда приняты им были означенные лица?

б) Не известны ли вам действия их в духе общества, а вместе и то, не уклонился ли кто из них от общества и когда именно? // (л. 30 об.)

13

Первую зиму по вступлении в общество Перетц однажды как-то разговорился с вами о дурном направлении французской революции. Он и вы приписывали сие тому, что участвовавшие в оной вместо преследования общей цели искали личных

выгод. При сем случае он говорил с вами, чтобы на случай успеха не искать ничего, а напротив оставаться в том положении, в каком тогдашние обстоятельства кого застанут.

Объясните, точно ли и когда был у вас с Перетцом означенный // (л. 31) разговор, о каких именно успехах он говорил вам, когда и какими средствами полагалось достигнуть оных?

14

Несколько лет назад, во время квартирования вашего в доме адрес-конторы, когда Перетц начал уже несколько удаляться от общества, вы сделали ему вопрос: почему давно он не предлагает о кандидатах? Чтоб отделаться от вас, он отвечал вам, что не находит лиц, в которых мог бы предполагать к тому расположение. При сем случае вырвались у вас // (л. 31 об.) слова, что можно бы удесятерить успех, если бы присоединиться к обществу Елизаветы, желавшему, будто, взвести на престол государыню императрицу Елизавету Алексеевну, которой знаки, по словам вашим, состояли в елке<sup>1</sup> и книге завета, на печати вырезанных, чего он, впрочем, не видал. Вы<sup>2</sup> говорили ему таким тоном, как будто бы сделалось вам о том известно по службе.

Объясните:

- a) Когда и где находилось сие общество?
- b) В чем состояла настоящая // (л. 32) цель оного и кто были первенствующие и обыкновенные члены оного?
- c) У кого и когда видели вы печати сего общества с вышеозначенными знаками?
- d) Каким образом вы думали соединить общество свое с обществом Елизаветы и усилить его действия?

15

Междуречием, Перетц говорит, что, кажется, от вас он слышал, будто бы какой-то раскольничий монах из Галиции разъезжал по монастырям в России и проповедывал вольность.

Ежели обстоятельство сие вам известно, то объясните, когда // (л. 32 об.) и где разъезжал сей монах, откуда он был и как его имя?

16

Предметы совещаний и рассуждений его с вами, Кутузовым и Семеновым, Сенявином и прочими сочленами в течение около двух лет, т[о] е[сть] в то время, как он усердствовал обществу, были или принятие членов или взаимное друг другу о действиях правительства извещение: о тягости налогов, об излишестве войск, о военном поселении, об упадке флота, о невыгодном займе 1811 или 1812 года, при коем за рубль ассигнациями даны были облигации по 50 коп[еек] серебром, о разорительных для России иностранных займах, // (л. 33) с 1817 года без существенной нужды сделанных, о систематической медленности правительства в удовлетворении претензий частных людей, о многих несправедливостях, особливо в делах, с казенным интересом сопряженных, об отягощении войска учением, о вояжах и строениях покойного государя императора, о малой его внимательности к гражданской части, о множестве чиновников и скучном жалованье, яко главных источниках запутанности и злоупотреблений, об учреждении министерств, о Государственном совете, яко новой для замедления дел // (л. 33 об.) инстанции, о взыскательности бывшего тогда великого князя Николая Павловича и Михаила Павловича, наиболее о ныне царствующем государе императоре, коего<sup>3</sup> описывали скучным и злопамятным, о самовластии вельмож, о весьма недостаточном и несвоевременном пособии губерниям, в коих был неурожай и голод, о восстановлении Польши, о преимуществе завоеванных поляков и финляндцев перед завоевателя-

<sup>1</sup> Слова «в елке» написаны другим почерком и другими чернилами вместо стертого слова.

<sup>2</sup> Слово «Вы» написано другим почерком и другими чернилами вместо стертого слова.

<sup>3</sup> Слово «коего» написано другим почерком и другими чернилами.

ми — россиянами, о расходах России для Царства Польского, об определении в бывшие польские губернии губернаторов из поляков // (л. 34) и переводе в Литовский корпус поляков, в других полках состоявших, о присоединении Выборгской губернии к Великому княжеству Финляндскому, о строгости, подавшей повод к Семеновскому бунту, о строгом с сим полком поступлении, несмотря на то, что граф Милорадович будто бы обещал прощение, о бесполезном походе гвардии и неудовольствии тем войск, о недостатках законодательства, о Священном союзе и о делах Испании и Италии. Все единогласно порицали меры правительства.

К тому Перетц присовокупляет, что в день Семеновского происшествия вы с ним встретились // (л. 34 об.) у Поцелуева моста, остановили его и сказали: «У нас начинается революция», — и рассказали ему о бунте, о коем он ничего не знал.

Здесь объясните:

а) Когда и где происходили между вами вышеизложенные рассуждения, что было поводом к тому и кто особенно в оных участвовал?

б) Точно ли при встрече с Перетцом в день беспорядка, бывшего в Семеновском полку, сказали вы: «У нас начинается революция» и почему беспорядок одного полка вы назвали революциею?

## 17

Для объяснения образа сношений ваших и коротких связей // (л. 35) с ним, Перетцом, он приводит следующее:

а) однажды вы говорили ему, что в разговоре с покойным графом Милорадовичем на слова графа, что и деспотизм иногда годится, вы отвечали: «Как меркурий в иных болезнях, и то гранами»;

б) вы говорили ему про одного чиновника, служившего в министерстве полиции по секретной части, который под видом донесения о слухах, носившихся в публике, будто бы подал Вязмитинову записку, в коей порицал невнимательность покойного государя императора к гражданской части; // (л. 35 об.)

с) пока усердствовал обществу, он бывал у вас часто и имел с вами частные сношения, сначала был у вас раза два или три вместе с Кутузовым и Семеновым, а после все один, впоследствии же реже чем в год раз, а с тех пор, как вы оставили квартиру свою, где находилась адрес-контора, до декабря 1825 года был у вас только один раз и то без всяких о делах общества разговоров;

д) стал он<sup>1</sup> удаляться от общества еще в 1821 году, ибо женился в январе 1822 года и до женитьбы долго не был у вас;

е) с первой половины 1822 года с Кутузовым только раз нечаянно у вас сошелся. // (л. 36)

## 18

В то время, когда Перетц стал уже уклоняться от общества и не был у вас долго, он встретился с вами на Театральной площади. Вы спросили его, куда он идет? На ответ: «К невесте своей», — вы сказали: «У вас в голове любовь, а не дело». Но причина удаления его от общества, продолжает Перетц, была не любовь, а мысль, что подобные предприятия не ведут к добру.

Не объявлял же о том правительству, во-первых, из опасения личных гонений членов общества, в том числе и от вас, по известности ему связей ваших по ма-сонству, литературным // (л. 36 об.) обществам и по прежнему влиянию у графа Милорадовича; во 2-х, по следующему примеру, что капитан Сенявин вскоре по вступлении в общество проговорился о существовании оного одному из своих знакомых, корнету Ронову, который довел о том до сведения начальства; дело доходило до гр[афа] Милорадовича, и кончилось тем, что Ронов был выключен из службы.

Объясните:

а) точно ли при встрече с Перетцом на Театральной площади вы сказали ему означенные слова с намерением заметить бездействие его по делам общества? // (л. 37)

<sup>1</sup> Слово «он» вписано над строкой.

b) известно ли вам, что Ронов единственно за предварение начальства о существовании общества и по<sup>1</sup> неимению доказательств к изобличению Сенявина исключен был из службы?

19

За несколько дней до 14 декабря Перетц<sup>2</sup> заходил<sup>3</sup> к вам, но не застал вас; на другой день (не на<sup>4</sup> кануне 14 декабря, а близь того) нашел вас дома; после обыкновенных приветствий вы спрашивали Перетца о новостях; на ответ его, что говорят о скором восшествии на престол<sup>5</sup> государя Николая Павловича, вы сказали, что сами то же слышали; несколько // (л. 37 об.) помолчав, вы спрашивали Перетца о его связях; на ответ, что они ограничены Сенявином и Искрицким и что с последним почти не видится, вы сказали, что Искрицкий бывает во многих домах, и про себя, что и вы живете весьма уединенно; о народе вы сказали, что он необыкновенно тих и покойен, но что нельзя знать, не оттого ли, что ожидают Константина Павловича. На замечание же Перетца, что «у нас от революции лучшего ожидать нельзя», вы изъявили подобное же мнение с присовокуплением, что от царствования Константина Павловича можно было // (л. 38) ожидать ненасильственной перемены; потом спрашивали Перетца, не видится ли он с Кутузовым, и на отрицательный ответ вы сказали, что Кутузов совсем переменился и едва ли не шпион. Пред самым<sup>6</sup> уходом Перетца вы произнесли как бы гадательно: «Что-нибудь да будет, посмотрим».

При сем посещении вас цель Перетца была узнать: не предпринимают ли чего-либо, ибо, помня о существовании общества, опасался он, чтобы не вздумали воспользоваться тогдашним случаем; последние слова // (л. 38 об.) ваши и собственные опасения утвердили его в сих мыслях.

Объясните:

1. Действительно ли и когда именно Перетц был у вас незадолго до 14 декабря и имел с вами вышеприведенный разговор?
2. Не сообщал ли он вам чего-либо насчет причин, возбудивших в нем опасение и утвердивших его в ожидании возмущения?
3. Не говорил ли он вам о намерении своем предупредить о том начальство?

20

15 декабря Перетц опять заходил к вам, но не застал, а от человека вашего узнал, что вы // (л. 39) почти всю ночь не были дома и, прия домой, даже не раздевались и, напившись чаю, опять ушли. После того Перетц опасался быть у вас, а недавно нечаянно встретился с вами в книжной лавке Плавильщика, где вы, между прочим, сказали Перетцу, что были взяты, но отирались в желании перемены образа правления и опять отпущены и что будто говорили санкт-петербургскому военному генерал-губернатору, что вы перемены образа правления не желали, а видели несправедливость и вопияли // (л. 39 об.) и что будто сказали ему, что и его превосходительство сам прежде говорил против несправедливостей.

Перетц хотел быть у вас для совета, не объявить ли о себе, но вы сказали, что опасно видеться.

Объясните:

1. Где вы провели ночь с 14 на 15 декабря?
2. Точно ли вы имели с Перетцом в магазине Плавильщика означенный разговор и почему вы сказали ему, что опасно видеться вам?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 40)

<sup>1</sup> Слово «по» вписано над строкой другим почерком и другими чернилами.

<sup>2</sup> Фамилия «Перетц» вписана над строкой другим почерком и другими чернилами.

<sup>3</sup> Далее стерто одно слово.

<sup>4</sup> Слова «не на» написаны другим почерком и другими чернилами вместо стертого слова.

<sup>5</sup> Слова «восшествии на престол» написаны вместо стертых слов.

<sup>6</sup> Слова «пред самым» вписаны вместо стертого слова.

<sup>7</sup> Слово «у» написано вместо стертого слова.

## Ответы полковника Глинки на присланные пункты

## На 1-й, 2-й и 3-й пункт[ы]

Известное дело<sup>1</sup> отца Перца поступило в течении<sup>2</sup> своем, и именно со стороны личности самого Перца, в<sup>3</sup> круг управления покойного гр[афа] Милорадовича; сын Перца, Григорий, числился в канцелярии гр[афа] Милорадовича, а я по высочайшему повелению находился<sup>1</sup> в качестве чиновника по особым поручениям при граве Милорадовиче<sup>4</sup>, бывшем тогда<sup>5</sup> в звании С[анкт]-П[етербургского]<sup>6</sup> военного генерал-губернатора.

Некто ярославский крестьянин Синицын сделался особенно известным лицом в зале просителей, потому что с невероятным терпением в течение нескольких месяцев по несколько часов в день простоявал безмолвно у стены<sup>7</sup>, ожидая графа и повторяя ему всегда одну и ту же просьбу. Просьба же его состояла в том, чтобы бывшие откупщики Перец и Мещерский удовлетворили его 1500 рублей. Вот, однажды гр[аф] Милорадович на общей аудиенции сказал мне: «Надобно удовлетворить этого старика! Ты знаком с Перецем?» — Я отвечал: «Нет!». — «Ну, так все равно: сын его служит в моей канцелярии, сделай добро старику, уладь это дело». Получа сие приказание, я спросил в канцелярии Переца (Григория) и сообщил<sup>8</sup> ему желание графа. Он обещал постараться у отца. Чрез некоторое время, когда помянутый Синицын переменил место своего неотступного просительства и стал уже всякий день ходить на квартиру ко мне, я написал учитывую записку к Перецу и послал ее чрез того же просителя. // (л. 40 об.)

Дня через два<sup>1</sup> Перец (Григорий) явился ко мне с ответом. Оный был до некоторой степени удовлетворителен, т[о] е[сть] Перец (отец) соглашался уплатить часть претензии.

Вот первый раз появление Переца в моей квартире! Это было в 1820 году между концом лета и началом осени.

В этот раз Перец просил у меня позволения заходить ко мне. Я не имел причины отказать и дозволил. С тех пор г[осподи]н Перец сделался у меня почти то, что Синицын был в передней Милорадовича. Он стал заходить ко мне очень часто, не всегда заставал, но когда заставал, то сперва удивил, а там уже надоел мне своим словообилием.

Я с ним не беседовал, но одевался ль я, писал или занимался каким делом — он все, сидя, говорил беспрестанно. Отличительные черты его говорения (сколько могу чрез пространство пяти лет припомнить) были те, что<sup>9</sup> иногда изливался он в жалобах (особенно на министра Гурьева) за то, что дело их велось так для них<sup>1</sup> невыгодно: большею же частию он старался всемерно выказывать важность своей особы, говоря, что он имеет связи и вхож в первые дома в столицах. Я слушал все это вскользь, полагая видеть в сем невинное усилие мещанина войти в дворянство.

Далее, припоминаю я нижеследующие более заметные мнения из многословной пустоты разговоров г[осподи]на Переца, а именно:

1. Придя ко мне однажды, Перец принес стихотворение, говоря, что оно его сочинения и что оно мистическое. «Вот, видите ли, — говорил он, — ныне мистики идут в гору... то я и решился к ним пристать и уже со многими знаком!» И назвал мне, как бы из главнейших, медика Лебошица. Засим просил меня поправить его<sup>10</sup> стихи. // (л. 41) (Они были написаны на цельном листе бумаги и пра-

<sup>1</sup> Далее зачеркнуто одно слово.

<sup>2</sup> Над словом «течении» написано и зачеркнуто одно слово.

<sup>3</sup> Далее зачеркнуто: «зав[...]».

<sup>4</sup> Слово «Милорадовиче» вписано под строкой вместо зачеркнутых слов «бывшим», «нашим».

<sup>5</sup> Слова «бывшим тогда» вписаны на полях.

<sup>6</sup> Слова «С[анкт]-П[етербургского]» вписаны над строкой.

<sup>7</sup> Далее зачеркнуто: «и».

<sup>8</sup> Слово «сообщил» написано над строкой вместо зачеркнутого слова.

<sup>9</sup> Слово «что» вписано над строкой.

<sup>10</sup> Слово «его» вписано над строкой вместо зачеркнутого.

вильными строфами с рифмой). Но я, прочтя сии стихи, отдал их обратно, сказав: «Я не могу поправлять того, чего не понимаю» (тогда я не знал еще особенностей и оборотов, усвоенных, так называемому, мистическому роду)<sup>1</sup>.

2. В другой раз принес он мне те же стихи с присовокуплением еще других стихов; те, другие, помнится, написаны были не тою, что прежние, рукою и в них уже было более ясности, напевалось о чем-то любовном, стонательном, но все так, общие места, плоско!..

Тут же Перец давал мне чувствовать, что он очень желал бы быть принятным в литературное общество. Но я сказал на сие, что для сего нужно иметь решительный талант и уже быть мастером, по крайней мере, в механизме (в составлении) стихов.

3. В одно утро он очень много напевал о необходимости общества к высвобождению евреев, рассеянных по России и даже Европе, и к поселению их где-нибудь в Крыму или даже на Востоке в виде отдельного народа<sup>2</sup>. Он говорил, что, кажется, отец его, когда был еще богат, имел мысль о собрании евреев, но что для сего нужно сообщество капиталистов и содействие ученых людей и проч[ее]. Тут расположился он о том, как евреев собирать, с какими триумфами их везти и проч[ее], проч[ее]. Мне помнится, что на все сие говорение я сказал: «Да вы, видно, хотите приединить представление света? Говорят, что в писании сказано (тогда я почти<sup>3</sup> не знал еще писания), что когда жды выйдут на свободу, то свет кончится». // (л. 41 об.)

4. Из памятнейших мне предметов говорения Переца был разговор об известном тульчинском раввине, который хаживал к Милорадовичу играть в шахматы, был знаком со знатными людьми и слыл<sup>4</sup> кабалистом. Заметив, что я охотнее слушаю и говорю что-нибудь о сем раввине, чем о чем другом (ибо, признаюсь, я всегда имел склонность к чудесному) Перец<sup>5</sup> часто мотивировал свой приход, начиная тем: «Я видел раввина, раввин приказал вам кланяться», а там садился себе и болтал.

5. Перец, узнав, что<sup>6</sup> производится<sup>7</sup> сбор на выкуп Сибириакова, приносил (и несколько раз по 25 и 50 рубл[ей]<sup>8</sup>) деньги.

6. Перец однажды просил меня о принятии его в масоны и говорил, что он знаком с доктором Элизеном (бывшим мастером) [ ] ложи<sup>9</sup> Петра) и другими важными<sup>10</sup> масонами. Но я подумал про себя: как мне рекомендовать этакого балагура; смеяться станут. Затем спросил: «Вы, г[осподи]н Перец, кажется, очень охотники до обществ?» «Да, — отвечал он, — мне бы хотелось проникнуть<sup>11</sup> особенно в<sup>11</sup> тайные общества», — и начал бредить что-то неясное о какой-то скрытой<sup>12</sup> науке, посредством коей можно открывать все тайные общества, и намекал, будто и он в сей науке сведущ. Но что это и как, не сказал, а я и не спрашивал.

7. Однажды, накануне, было у меня собрание мал[ого] колич[ества] некоторых членов общества учреждения школ взаимного обучения или проще, ланкастерских. Перец приходил, но его не<sup>13</sup> пустили: человек сказал: «Нельзя сегодня вам войти, теперь занимаются, тут общество!» // (л. 42)

8. На другой день Перец был уже у меня и заводил разговор об обществах, вспрашиваясь опять в масоны. Но в масоны я решительно ему отказал, а сказал: «Вот, коли у вас такая охота до общества, то не хотите ли сейчас вступить в одно

1 Три строки от слов «чего не понимаю (тогда я...)» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

2 Четыре строки от начала ответа на полях отчеркнуты карандашом.

3 Слово «почти» вписано над строкой.

4 Далее зачеркнуто: «ка[...]».

5 Далее зачеркнуто: «уже».

6 Далее зачеркнуто: «что».

7 В слове «производится» часть «водится» вписана над строкой вместо зачеркнутой части слова.

8 Далее зачеркнуто: «как от родных лиц».

9 Слово «ложи» вписано над строкой.

10 Слово «важными» вписано над строкой.

11 Далее зачеркнуто одно слово.

12 Слово «скрытой» написано над строкой вместо зачеркнутого.

13 Слово «не» вписано над строкой.

прекрасное общество; члены-управляющие люди все благородные и цель преблажедельная». Перец очень охотно вызвался, потом спросил: «Какое же это общество?»<sup>1</sup> Я отвечал: «Это ланкастерское!». — «Какие ж тут обязанности? Какая цель?» Вместо ответа я подал ему<sup>2</sup> *печатный листок*, в котором накоротке сказано о вновь учредившемся обществе. К сему присовокупил я: «*Устав* общества, когда будет утвержден, вам предъявится, ваши обязанности: хвалить везде общество, рекомендовать его цель (изображенную в печати[ом] листке), набирать членов и присыпать деньги в кассу комитета. Вы же сами должны внести единовременно 25 рублей, а если угодно<sup>3</sup>, более и ежегодно по столько же». Перец тотчас вынул, помнится<sup>4</sup>, более 25 *рублей*; имя его было записано, и он впоследствии, кажется, прискакал и еще несколько человек и присыпал деньги.

9. В одно утро, когда сидел у меня Перец, вошел мой приятель Николай Иванович Кутузов (бывший измайловец). Мы с ним<sup>5</sup> заговорили, а Перец продолжал болтать<sup>6</sup> опять что-то неясное, кажется<sup>7</sup>, о тайнах контрабандистов, о городских вестях и проч[ее]<sup>8</sup>. Тут Кутузов дернул меня потихоньку за рукав и, вызвав в другую комнату, сказал: «Не шпион ли это?». «Нет, — сказал я ему, — это жил Перец, который приносит деньги для Сибирякова, записался в ланкастерскую школу (в ланкастерское общес[тво]) и уж надоел мне ужасно болтливости... Хотите ли я вас познакомлю с этим чудаком?» Засим мы вошли, и я сказал: «Вот Перец, сын такого-то! А вот Николай Иванович Кутузов, друг мой!». Потом прибавил: «Господи! Перец поступил в нашу ланкастерскую школу членом // (л. 42 об.) и обещается нам приискать членов и пожертвователей». Перец тотчас и начал изливать свое словообилие на Кутузова.

10. После того не знаю, два ли, три ли раза Перец виделся у меня с Кутузовым, но Кутузов, как казалось, трактовал Переца более<sup>9</sup> как шута. Однако же, скоро после сказал мне: «Воля ваша, вы всякий сброд к себе пускаете, а этот Перец что-нибудь да должен быть<sup>10</sup>. Я никак не<sup>11</sup> могу привыкнуть к этому лицу!» Я рассмеялся, однако же про себя подумал: «Может быть, он подсыпается от Гетуна, у которого он жил под крылом и который тогда свирепствовал против меня? Что значит эти частые посещения? Эта неотвязчивость? Как знать?» И с сего<sup>12</sup> времени я стал уже смотреть иными глазами на Переца...

11. Невдолгে затем, заехав от должности на минуту домой, я застал в моей комнате дверь отпертою и Переца там, позириующего около стола, на коем лежали мои бумаги. Я обошелся с сим непрошеным гостем очень<sup>13</sup> сухо, и Перец убрался. Тогда я крикнул человека и начал его бранить: «Зачем ты пускаешь без меня этого Переца?» «Да, помилуйте! — сказал человек. Нет дня, чтоб он не приходил, да вас часто не застает; он сидит у нас в лакейской и разговаривает, дает на водку деньги и все расспрашивает, что вы делаете? Когда ложитесь? Где больше бываете? Кто к вам ездит? Ему до всего дело...» Тогда я уже сказал решительно: «Слушай, ты! Не пускай Переца никогда! Никогда! И говори прямо: "Барин, де, не велел принимать!"».

Вот с этого уже времени Перец и не вступал в мою комнату. Сколько мне заседомо, раз десять или более приходил он в лакейскую, но его далее не пускали.

1 Восемь строк от начала ответа на полях отчеркнуты карандашом.

2 Далее зачеркнуто одно слово.

3 Далее зачеркнуто «и».

4 Слово «помнится» вписано над строкой вместо зачеркнутого «кажется».

5 Далее зачеркнуто: «что-то».

6 Далее зачеркнуто: «что-то». Слово «болтать» вписано над строкой вместо зачеркнутого «врать».

7 Слово «кажется» вписано над строкой.

8 Слова «неясное, кажется, о тайнах... вестях и проч[ее]» вписаны над строкой вместо зачеркнутых.

9 Слово «более» вписано над строкой.

10 Далее зачеркнуто два слова.

11 Три строки от слов: «Перца более как шута...» на полях отчеркнуты карандашом.

12 Слова «с сего» вписаны над строкой вместо зачеркнутых «после того».

13 Далее зачеркнуто одно слово.

И наконец, уже чрез значительное время человек ко мне вошел и сказал: «Перец-с!» — «Ведь тебе не велено его впускать!..» — «Да он просил доложить, что он // (л. 43) отъезжает завтра и надолго из Петербурга...» Я отвечал: «Ну скажи, что барин велел вам пожелать счастливой дороги!..» От сего времени я уже потерял Перца совсем<sup>1</sup> из виду и более не думал о нем<sup>2</sup>.

#### На 4-й пункт

С итальянцем Жильи (Guli) никогда нигде и ни через кого ни знаком не был, не видался и<sup>3</sup> не слыхал о нем (NB итальянца; певца и музыканта Жульяни я знаю, он в хороших домах учит петь) даже и от Перца, который любил говорить о своих знакомствах, но все более с известными людьми и знатными домами.

#### На 5-й пункт

5-й пункт объяснен уже всем выше предшествовавшим. Повторить могу только то, что я Перца ни в какое тайное общество не принимал. Как его Кутузов узнал и понял — описано; а следует только сказать о Семенове и о его у меня помещении на время.

#### О Семенове

Семенов, по имени Степан Михайлович, по чину (тогда был) титулярный советник, сын священника Курской губернии, учился с большим успехом в гимназии, потом в Моск[овском] университете. Сей Семенов не был бы принят в прежде бывшее (ученое и благотворительное) общество по званию своему; но рекомендован был как знающий законы (юрист) и практически<sup>4</sup> исполняющий обязанности различных добротелей, а именно: человек он был трезвый, умеренный, весьма прилежный<sup>5</sup> по службе (служил тогда у министра духовных дел по уголовной части), а более всего рекомендовал его то, что он получая не более тысячи рублей, содержал себя, воспитывал детей брата и поддерживал престарелую матерь. // (л. 43 об.)

По всем сим отношениям я познакомился с Семеновым и — когда у него не достало квартиры — предложил ему у себя комнату на время. Таким образом Перец и видел у<sup>6</sup> меня Семенова, но, кажется, очень редко. Я думаю, что едва ли он (Перец) знает хорошенко не токмо род и родство, но даже имя и отчество Семенова; ибо он слыхал, что я слуге говорю: «Скажи Семенову то-то», и все называл более<sup>7</sup> по фамилии. После<sup>8</sup> Семенов от меня переехал, но там от высшего начальства отправлен в Курск на следствие, где и был несколько лет и, таким образом, и скрылся из моего вида.

#### На 6-й пункт

На 6-й пункт со всеми его подразделениями (а, б, с и д) могу только сказать то, что я ни имени такого общества, ни<sup>9</sup> где оно было, ни что делало, ничего вовсе не знаю!

#### На 7-й пункт

Первая половина сего пункта, составленная из слов Перца, не имеет никакой правды. Но поелику 2-я половина (сего 7-го пункта) имеет некоторое подобие с тем, что было в прежде бывшем (ученом и благотворительном) обществе в отношении деятельности к обнаружению<sup>10</sup> злого и восхвалению доброго и поелику я о сем имел честь<sup>11</sup> говорить в последний раз пред высокоименитым Комитетом, то я и

<sup>1</sup> Слово «совсем» вписано над строкой.

<sup>2</sup> Три строки от слов «пожелать счастливой дороги...» на полях отчеркнуты карандашом.

<sup>3</sup> Далее зачеркнуто: «даже».

<sup>4</sup> Далее зачеркнуто: «исполняющий добро».

<sup>5</sup> Слова «весьма прилежный» вписаны над строкой вместо зачеркнутого «неутомимый».

<sup>6</sup> Далее зачеркнуто одно слово.

<sup>7</sup> Слово «более» вписано над строкой.

<sup>8</sup> Далее зачеркнуто: «что».

<sup>9</sup> Слово «обнаружению» вписано над строкой вместо зачеркнутого «открытию».

<sup>10</sup> Слово «честь» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.

поставляю обязанностию здесь о сем распространиться более. В *прежде бывшем обществе*, преимущественно<sup>1</sup> в *отделениях*, упражнявшихся в *науках*, *благотворении*, *правосудии* и *улучшении нравственности*, существовал обычай *стараться обнаруживать*<sup>2</sup> действительно дознанное зло и<sup>3</sup> возвышать *добро*, подавая руку помощи и *заступление по закону*<sup>4</sup> // (л. 44) угнетенной *невинности* и простодушной *правоте*, уловленной *теми*, о коих в настольном указе (на зерцале) сказано, что они «подбирают законы как карты и подкапывают *фортецию правды*». Сие обыкновение почищать зло и помогать добру казалось *тогда невинным*, ибо люди (за 7 лет пред сим) были моложе, и чувствительность их была раздражительнее, а чувство<sup>4</sup> правды было более пылко и более порывисто. Желание<sup>2</sup> отклонить какое-либо<sup>5</sup> местное злоупотребление и приобрести уменье помочь беспомощному, отстоять на суде сироту и *объяснить*, доводя до начальства, *существо дела*: вот побуждения, заставлявшие<sup>2</sup> членов с любовию заниматься сухим и скучным изучением законов. Тогда с благоговением читали сей указ (императрицы Елизаветы Петровны), который начинается в таком разуме: «Возболело материнское сердце наше, когда достигло нашего слуха, что в земле российской в народе благочестивом начинает распространяться более и более зло, называемое<sup>6</sup> *лихоимством*». Тут следуют<sup>7</sup> увершания и примеры<sup>8</sup>, почерпнутые из истории и священного писания: говорится, что «суд правый — есть суд божий» (смотри: ветхозаветная книга 2, гл[ава] 2)<sup>9</sup> и проч[ее], проч[ее].

Вследствие сего по<sup>10</sup> обнаружении злоупотреблений<sup>11</sup> (чрез доведение об оных до сведения высшего начальства и высочайших особ) памятны мне следующие события:  
а) Некто *Михаило Васильев*, крепостной человек помещика Е[...], был посажен, находясь<sup>12</sup> в здравом разуме, в *дом сумасшедших*, где и сидел несколько месяцев (до 4-х месяцев). О сем проведал как-то *Н. Годеин* и, рассказав мне сие, с большим желанием<sup>13</sup> советовался, как бы избавить сего несчастного? // (л. 44 об.) О сем снесено было с другими и положили *tak*, чтобы одни взялись чрез<sup>2</sup> знакомых постыдить деликатно помещика и сказать, что дело уже известно.., что о сем говорят уже в городе<sup>2</sup>, а потому не лучше ли ему вынуть своего человека и помиловать его. *Другие*<sup>14</sup> (кажется, о сем просили *Перовского*) обещали довести до сведения бывшего в[еликого] к[нязя] Николая Павловича, а я взялся рассказать о сем графу Милорадовичу. Чрез несколько времени помещик не смягчился: а е[го] и[мператорское] в[ысочество] Николай Павлович изволил отдать однажды во дворце Милорадовичу кусочек бумаги с именем «Михаило Васильев». И видно, при том что-то Милорадовичу сказал, потому что он, приехав домой начал шуметь и говорил: «Вот что у нас делается!» и хотел было, увидя меня, рассказывать, но я дал ему знать, что про это уже знаю, и *пояснил дело*. Итак, тотчас послали в *дом сумасшедших*, вынули оттуда человека, призвали медицинский факультет — и нашли, что он *здоров и совсем не сумасшедший!* Таким образом, кажется, для пользы

\* Мы жили при таком благодатном государе, что, видя зло, молчать<sup>15</sup> казалось стыдно, а говорить было не опасно! Порицать худое иногда заставляло тихое желание лучшего, а желать того — любовь к отечеству.

1 Далее зачеркнуто: «существова[...].».

2 Далее зачеркнуто одно слово.

3 Далее зачеркнуто: «подавить».

4 Далее зачеркнуто несколько слов.

5 Слова «какое-либо» вписаны над строкой.

6 Далее зачеркнуто: «лих[...].».

7 Слово «следуют» вписано над строкой вместо зачеркнутого «начинаются».

8 Слова «и примеры» вписаны над строкой.

9 Слова «(смотри: ветхозаветная книга 2, гл[ава] 2)» вписаны над строкой.

10 Слово «по» вписано над строкой вместо зачеркнутого.

11 Далее зачеркнуто: «доведение».

12 Слово «находясь» вписано над строкой вместо зачеркнутых двух слов.

13 Слова «с большим желанием» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова «чувством».

14 Далее зачеркнуто: «обещали».

15 Далее зачеркнуто одно слово.

общей и правительства<sup>1</sup> многие *взяточники обличены*<sup>\*</sup>, люди бескорыстные восхвалены<sup>2</sup>, многие невинно угнетенные получили защиту, многие выпущены из тюрем и, между прочим, целая толпа, сидевшая по оговору воровского атамана Розетти<sup>3</sup>. Иные<sup>4</sup>, уже *высеченные*<sup>5</sup>, (по пересмотрении дел) прощены и от ссылки избавлены. Духовской купец Савастеев уже с дороги<sup>6</sup> в Иркутск возвращен и водворен благополучно в семейство, а другой, костромской мещанин, высеченный, лишенный доброго имени и сосланный в крепостную работу, когда успели сделать, чтобы дело о нем было *пересмотрено* (разумеется, по высочайшему повелению *Московским сенатом*), был (сей мещанин)<sup>7</sup> найден невинным и освобожден от крепостной работы, и возвращен восьмой и<sup>8</sup> отдано ему честное имя<sup>9</sup>. Для показания, за образец, каким образом совершалось в совокупности какое-либо *доброе предприятие*, я // (л. 45) укажу на одно из собраний *нашего<sup>3</sup> отделения*. В квартире Кошкуля собирались однажды: Кавелин, Миркович, Годеин, я, Кошкуль, Башуцкий, еще не помню, кто! Толковали о том, как помочь целому бедному семейству, кажется, чиновника Баранова (Кавелин вернее о сем знает, ибо, кажется, он о помоши<sup>8</sup> и предлагал). Дело состояло в том, что сей чиновник сидел *шесть лет*<sup>9</sup> на гауптвахте под судом, а когда кончился суд, то признан невинным. Но в протечении сего времени сие семейство лишилось *всего* и не имело ни угла, ни хлеба куска. А потому *одни* и взялись довести до начальства (не помню, в каком начальстве был сей чиновник) о *пострадании* сего человека<sup>3</sup>; Кошкуль<sup>3</sup> вызвался выпросить денег у гр[афа] Потоцкого, я взялся составить записку, а некоторые положили стараться в городе о помещении двух малюток сего<sup>3</sup> бедняка и хотели послать доктора к больной их матери.

Успех сего был таковой, что, когда свиделись<sup>3</sup> не то у меня, не то у Годейна, то оказалось, что чиновник получил от своего начальства некую награду за *пострадание*; Кошкуль привез от Потоцкого (граф[а] Александр[а]) 200 рубл[ей] денег; да из общественных приложили столько же (еще 200 р[ублей])<sup>10</sup>; матери помог доктор, а детей разместили по добрым людям... Так и совершилось круговое благополучие сего семейства.

Но сколь ни привлекательна кажется сия живая, сердечная деятельность, имевшая вид некоего *нравственного рыцарства* чрез мирное воевание противу зла и защите добра, однако и она, как я теперь вижу, может почтеться *заблуждением*... // (л. 45 об.)

Но что ж делать, если уже законы природы<sup>11</sup> таковы, что и душа человеческая умудряется и, как все прочее, созревает *постепенно!*.. Если бы имел за 5, 6 и 7 лет пред сим тот же опыт как теперь, то не подвергся бы ныне<sup>12</sup> порицанию за то (за борьбу противу зла), что тогда казалось очень хорошим. А, может быть, меня об-

\* В известной (французской) печатной книге о карбонарах сказано: «Чтоб огорчить народ, старайтесь всеми мерами определять к местам *взяточников* и поддерживайте их, закрывайте их дела; бедных давите, отличайте криводушных, пренебрегайте добродетели, словом, щадите всякие злоупотребления, дабы народ, прискучив настоящим порядком вещей, сказал: "Дайте нам что-нибудь новое!"». Такова *деятельность карбонаров!* А прежде бывшего (до 1821 г[ода]) общества *деятельность*<sup>13</sup> в непощажении зла была совершенно противукарбонарская!..

<sup>1</sup> Слова «кажется, для пользы общей и правительства» вписаны над строкой.

<sup>2</sup> Слова «люди бескорыстные восхвалены» вписаны над строкой.

<sup>3</sup> Далее зачеркнуто одно слово.

<sup>4</sup> Слово «Иные» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова «Одни».

<sup>5</sup> Далее зачеркнуто: «из».

<sup>6</sup> Далее зачеркнуто: «и».

<sup>7</sup> Слово «и» вписано над строкой вместо зачеркнутого «с».

<sup>8</sup> Слова «о помоши» вписаны над строкой.

<sup>9</sup> Далее зачеркнуто: «на».

<sup>10</sup> Слова «да из общественных приложили столько же (еще 200 р[ублей])» написаны вставкой на полях.

<sup>11</sup> Далее зачеркнуто одно слово, вписанное над строкой.

<sup>12</sup> Далее зачеркнуто дважды написанное слово «пор[...]».

<sup>13</sup> Слово «деятельность» вписано над строкой.

манывало и мое<sup>1</sup> самолюбие!.. Но — как мне замечено высокоименитыми членами Комитета — признаться<sup>2</sup> почтеннейшему генерал-адъютанту Левашеву (в той нашей деятельности) не умел я потому, что я<sup>3</sup>, право, те дела считал в числе<sup>4</sup> довольно хороших дел моей жизни!

Теперь же, при последнем моем стоянии пред лицом Комитета, когда его высокопревосходительство Павел Васильевич (на мои слова о том, что делалось) произнес: «А кто вам дал право?» и проч[ее], я сими его словами, как бы словом здравого смыла и правды, смущился более, нежели всеми пустыми показаниями Перца и, когда пришел к себе в каземат, то в слухе моем все отзывалось: «Кто вам дал право?» Соображая сие с тем, что приобрел в течение 5 лет несчастий и бедствия над собою — когда, закрыв глаза для слабостей других, смотрел только на собственные пороки — я признаюсь, что был в заблуждении.

В позднейшие времена (противу вышеозначенных)<sup>5</sup>, взирая на вещи с высших точек зрения, узнал я те великие истины, кои, вводя ретивость наших чувств в покорность и бесстрастие, поставляют человека в безмолвное созерцание всего делающегося на земле. Великие часы земные заводятся ключом небесным, и все идет так, как ему идти надобно. // (л. 46) Ропот твари огорчает и тварь, и создателя. Я познал, что и зло попускается на времена<sup>2</sup>. Полезно и зло, ибо оно бывает уроком к добру! Одно поколение, наскучив мздоимством, коварствами, безмерною роскошью и всепокорительною суетностью, невольно передает детям своим любовь к бескорыстию, к прямодушию, к<sup>2</sup> простой бескабальной жизни, ко всему благороднейшему, возвышеннейшему, чистейшему!.. А почему я охотно и сознаюсь в заблуждении... Но поелику бывшего можно только не повторять, а нет уже<sup>6</sup> возможности сделать бывшего как бы не существовавшим, то я и заменяю сию неотвратимую невозможность чистосердечнейшим раскаянием.

Объяснив все сие, поспешаю обратиться к делу Перца.

#### На 8-й и 9-й пункты

8-й и 9-й пункты, как в целом, так и в подробностях, суть пустое сочинение и, как мне сдается, отзываются некоторым сходством с теми обществами, кои описаны аббатом Барюелем в известной книге «Волтерианцы».

#### 10

Такого общества, где употреблялось еврейское слово «Хейрут», поистине, поистине (если такое общество еще было?), я не знал и не могу сказать ничего, где и что оно такое. // (л. 46 об.)

#### 11 пункт

На сей 11-й пункт я могу тоже сказать, что такого общества я и в глаза не видывал! Начальствовать же ни мне, ни Кутузову, ни Семенову и<sup>7</sup> не над чем было, ибо такого общества в виду нашем не было!

#### 12 пункт

Первая половина сего<sup>8</sup> 12-го пункта заключает в себе также только сплетения. Останавливаюсь на именах:

а) Синявина я никогда нигде не знал, думаю, и он не знает меня! И<sup>9</sup> его отца (адмирала), коего душевно уважаю по славе его, доселе не знаю, т[о] е[сть] не знаком с ним лично!

1 Слово «мое» вписано над строкой.

2 Далее зачеркнуто одно слово.

3 Слово «я» вписано над строкой.

4 Слова «в числе» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова.

5 Далее зачеркнуто: «узнал я».

6 Слово «уже» вписано над строкой.

7 Слово «и» вписано над строкой.

8 Слово «сего» вписано над строкой.

9 Далее зачеркнуто: «к».

б) *Искрицкий*. Когда я был раз у старика Переца на чинном обеде (вместе с председателем угол[овной]<sup>1</sup> палаты и прокурором), то, кажется<sup>2</sup>, он с Искрицкими жил так, что он в середнем, а те в верхнем этажах: следовательно, Григорий Перец с Искрицким однодомцы, могли видаться каждый день, и Перец мог принять его во что-нибудь. А доказательством тому, что<sup>3</sup> Искрицкий не от моего имени принял служит то, что я одно время<sup>4</sup> встречался с ним часто у камергера графа Д., где я по давнему знакомству с графом был как свой, а Искрицкий там искал и ко мне ласкался, то чего ж бы было ближе Искрицкому сказать мне, что он одного со мною общества и тому подобное? Но Искрицкий никогда не токмо словом, ниже видом не показал мне, что он в каком-либо обществе обретается, иначе бы я тотчас вывел его из заблуждения, ибо тогда<sup>5</sup> (после 1821 года) прежде бывшее общество уже разрушилось. // (л. 47)

Устимовича и Лаппу я в жизнь мою<sup>6</sup> никогда нигде не видал и с ними никаких сношений ни личных, ни письменных не имел.

Данченко же и Дребуша, хотя я лично не знал, но припоминаю (по фамилиям), что они точно состояли (и по крайней мере, с 1818 года) в прежде бывшем обществе (учено-благотворительном). Спросить бы их: как же дозволили они (если так было?) перепринять себя<sup>7</sup> в другое и какое-то странное — с жидовским словом<sup>8</sup> — общество, когда в обычности прежде бывшего (до 1821 года) общества было именно то, чтобы<sup>9</sup> сказываться своим, если кто даже и в<sup>10</sup> масоны вступить приглашался?

### 13 пункт

Французская революция! Сие имя возбуждает во мне всегда ряд ужасных представлений и сильно волнует мою чувствительность! Сие смешение крови, огня, мятежей и неистовств, сие взаимное сотирзание страстей, гибель невинности, торжество порока, сей *Марат*, требующий трех миллионов голов, дабы остальным просторнее было жить, сей *Робеспьер*, который свирепствовал как тигр, а умер — как подлец, сей параличный *Кутон*, разрушитель Лиона, сей холодный кровопийца *Лебон*, который по суду и систематически зарезал целый город *Арас* (свою родину) и велел вырезать у себя на печати гильотину и всю живность для своей кухни резать на гильотине (!!!) — сии люди, сии обстоятельства чего могут быть достойны кроме беспредельного омерзения? // (л. 47 об.)

Безумные хвалили ум; беззаконники срамили закон; проповедывали свободу, закрепостили души страстиам; и благородная *Ролан* (жена министра) сказала, восходя на эшафот (подле которого стояла колоссальная статуя свободы): «О свобода! Сколько злодеяний совершаются во имя твоё!» Они судили и на суд их не являлись ни кроткое жаление, ни всепрощающая любовь, ни милосердие, утоляющее ярый огонь обличения: во всяком обвиняемом они искали виновного и суд их был только — осуждение!

Какие же тут лица? Какие личные выгоды?! Я уважаю только два лица: аббата *Еджеворта* и высокодобротельного *Малерба*, который — и под кинжалами убийц — осмелился говорить за *страдальца*, развенчанного насилием и осужденного по закону беззаконием!.. Еще люблю я немножко *Верньо*. Его большая статуя и теперь подле лестницы люксембургской. В руке его развернут свиток, на нем читаешь: «Правосудие должно быть открыто и светло, как солнце небесное!» Но солнце имеет два великих качества: светлость (только сияющую) и теплоту (греющую). Первое — *правда*, а вторая — *милость*. Вот мои мысли! Вот мои

1 Слово «угол[овной]» вписано над строкой.

2 Далее зачеркнуто: «его».

3 Далее зачеркнуто: «с».

4 Далее зачеркнуто: «вид[...]».

5 Далее зачеркнуто: «пре[...]».

6 Слова «в жизнь мою» вписаны над строкой.

7 Слово «себя» вписано над строкой.

8 Слова «и какое-то странное — с жидовским словом» вписаны над строкой.

9 Слова «то, чтобы» вписаны над строкой.

10 Слово «в» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.

слова! Так я всегда говорил, так печатал и теперь запечатываю сие истинностию и чистосердечнейшим уверением в том, что не имею иных понятий о великом бедствии, постигшем Францию, которое называют Французскою революциею. // (л. 48)

#### 14 пункт

И на<sup>1</sup> сей 14 пункт то разве могу сказать, что я знака елки и книги завета ни у кого не видал, печатей с сим знаком никогда не имел, ни в слепках<sup>2</sup> (с печатей) нигде не видал изображения елки и книжки. О существовании же, якобы, общества под сим знаком, ни где оно, ни что оно<sup>3</sup>, мне совершенно неизвестно! А говорил я не раз<sup>4</sup>, когда ланкастерская школа была в свежем ходу, что: «Если бы общество Елизаветы соединилось с нашим (с Михайловским), то мы гораздо бы сильнее были в способах и могли бы сделать какое-нибудь заведение более прочное»<sup>5</sup>.

*Примеч[ание]* при профанах (или непринятых в таинства масонства) не говорили Восток, Великий Восток или [ ] Елизаветы — к добродетели или ложа *Избр[анного] Михаила*, а говорили просто: общество Елизаветино, общество Михайловских б[ратьев] и проч[ее].

Я говорил сие потому, что члены (по-масонски — братья) общество Елизаветы заводили также училище на двадцать пять сирот, а у нас<sup>6</sup> школа человек на 200, только у них дети и жили, и ели<sup>7</sup>, и спали в заведении, а наши только могли приходить часа на три в сутки и потом возвращаться домой, где часто не находили и хлеба<sup>8</sup>!..

#### На 15 пункт

Вот образчик показаний! Тут совсем дело шло не о вольности, а о нелепейшей деревенской басне. Один мужик рассказал, а там дал и на записке — лично мне и не по обязанности, а так... — нижеследующий слух или молву, что якобы какою-то // (л. 48 об.) монах, но не наш (не в клобуке), а раскольничий монах, такой же мужик, проезжая из Устилуга по некоторым местам, говорил своим толкунам (так называются раскольничие учёные), что не надо де ни браков брачить, ни детей родить, ибо близко уже есть преставление света и что есть уже<sup>10</sup> и апокалиптическое лицо, имеющее явиться перед концом мира, понеже сказано в апокалипсисе (и это сказано: так не сказано!), что оно (сие лицо) должно быть царь великий, славный, имущий многие народы под собою! Посему и намекал он на<sup>11</sup> покойного государя, который, напротив, весь был во Христе!.. Ничем не будучи подтверждено, это было принято за сущий вздор и брошено! После, иногда, когда кто-нибудь из приятелей заговаривал о женитьбе, я шутя, говорил иным: «Ей, постерегитесь: мужик ездил по России и проповедывал, что не надо жениться: скоро будет представление света!».

#### На пункт 16-й

В сем пункте есть некое тщательное собрание, сближение, слитие воедино таких вещей, в коих, с одной стороны, мне мнится узнавать те слухи или толкованья, кои досужими шпионами мелкого разбора собираются по харчевням, в торговых банях, на мостах и даже самою полициею считаются за пустяки. С другой

1 Далее зачеркнуто: «на».

2 Далее зачеркнуто: «ни».

3 Далее зачеркнуто: «мне».

4 Слова «не раз» вписаны над строкой.

5 Четыре строки от слов «ходу, что: «Если бы общество...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

6 Далее зачеркнуто одно слово.

7 Слова «и ели» вписаны над строкой.

8 Шестнадцать строк от слов «А говорил я не раз, когда ланкастерская школа...» отмечены на полях вначале и в конце косыми линиями.

9 Первоначально было: «нелепой».

10 Слова «есть уже» вписаны над строкой.

11 Слово «на» вписано над строкой.

стороны, кажутся тут слышны отголоски тех воплей, кои некоторые частные лица произносят, когда их собственные дела не так идут, как им желательно<sup>1</sup>. Например, в<sup>2</sup> жалобе, что правительство систематически медлит удовлетворять претензии частных людей и далее..., тотчас узнаешь лицо *Перца* и его дело, и его претензию... // (л. 49) А чтоб так подробно и мелочно<sup>3</sup> и<sup>4</sup> привязчиво толковать о каком-то долгे 1812 года, надобно непременно быть или барышником или жидом!

Я же, как всем моим приятелям известно, и жизнь моя то доказывает, человек совсем нерасчетистый<sup>5</sup>. И о сем каком-то долге, ей, ей, никакого понятия не имею: ибо в 1812 году был там, где<sup>6</sup> отставали престол и алтарь<sup>4</sup> и где (как сказано в писании) сражались за души и законы свои.

Но среди<sup>7</sup> сей безобразной мозаической наклейки слухов, вестей и толков, более всего ударяет на чувства мои то, будто бы мы (т[о] е[сть] и я!) брали великих князей! Беру 6 или 7 лет<sup>8</sup> назад и рассматриваю: за что бы их и бранить тогда?

Едва вышедшие из круга юнейших лет<sup>9</sup> и занятых учебных, наши великие князья в то время совершали путешествия, то по России, то в чужие края. Характер их еще не был развернут: ни нрав, ни обычаи их еще не могли быть известны<sup>10</sup>. Между тем, бог обложил их благообразием, наделил цветущею молодостию и здравием. Ясность душ, над которыми не протекали еще бури жизни, некий остаток детства, оттененный важностию сана, скромность в поступи и ласка во взоре: вот, сколько помню, черты их (тогдаших) особ, которые и по самой<sup>11</sup> наружности не могли подлежать злословию! Доказательством же щедрости Николая Павловича могу служить сам я!

Когда я был еще при Сипягине, не знаю, от кого узнал обо мне Николай Павлович и без всяких заслуг моих // (л. 49 об.) сказал раз Сипягину: «У тебя есть Глинка — такой и такой — я хочу прибавить к его жалованью из собственных моих», и назначил<sup>12</sup> значительную сумму. Но Сипягин отблагодарил и отвечал<sup>13</sup>, что не нужно. Приехавши ж домой, сказал мне: «Я за тебя отвечал то и то: хорошо я сделал?» Я сказал: «Хорошо! Потому, что великий князь теперь домом заводится, ему самому нужны деньги, а мне начинают выдавать столовые: то мне и довольно!» Вот это правда! Сипягин — живой человек: можно наведаться!

Спросить можно у почтенной генеральши Ахвердовской, у И.Ф.Паскевича, у Павл[а] Ивановича Арсеньева, у доброго генерала Мартынова, у Воронцова и друг[их]: как я отзывался в частых свиданиях с ними о великих князьях? Я изображал мои чувства и письменно: *стихотворение* мое некогда<sup>14</sup> поднесено было ее величеству Марии Федоровне, и государыня, повелев<sup>15</sup> пригласить меня в Павловск к своему обеденному столу, изволила говорить мне<sup>9</sup>: «Я благодарю вас за чувства, изъявленные императору и моим младшим детям: Нелединский читал ваши стихи...» и потом прибавила, обратясь к другим: «J'admiré la délicatesse des sentiments de jeune homme!»<sup>16</sup> Вот, сии слова августейшей монархии сбережены моею благодарностию, и клевета еще не выкрала их!

<sup>1</sup> Слово «желательно» вписано над строкой вместо зачеркнутого «хочется».

<sup>2</sup> Слово «в» вписано над строкой. Далее зачеркнуто одно слово, вписанное над строкой.

<sup>3</sup> Слова «и мелочно» вписаны над строкой.

<sup>4</sup> Далее зачеркнуто «и».

<sup>5</sup> Первоначально было: «нерасчетливый».

<sup>6</sup> Далее зачеркнуто несколько слов, заключенных в скобки.

<sup>7</sup> Далее зачеркнуто: «сего».

<sup>8</sup> Слово «лет» вписано над строкой.

<sup>9</sup> Далее зачеркнуто одно слово.

<sup>10</sup> Далее зачеркнуто: «Меж [...]».

<sup>11</sup> Слово «самой» вписано над строкой.

<sup>12</sup> Слово «назначил» вписано над строкой вместо зачеркнутого «сказал».

<sup>13</sup> Слово «отвечал» вписано над строкой вместо зачеркнутого «сказал».

<sup>14</sup> Слово «некогда» вписано над строкой.

<sup>15</sup> Слово «повелев» вписано над строкой.

<sup>16</sup> «Я восхищаюсь утонченностью чувств этого молодого человека» (франц.).

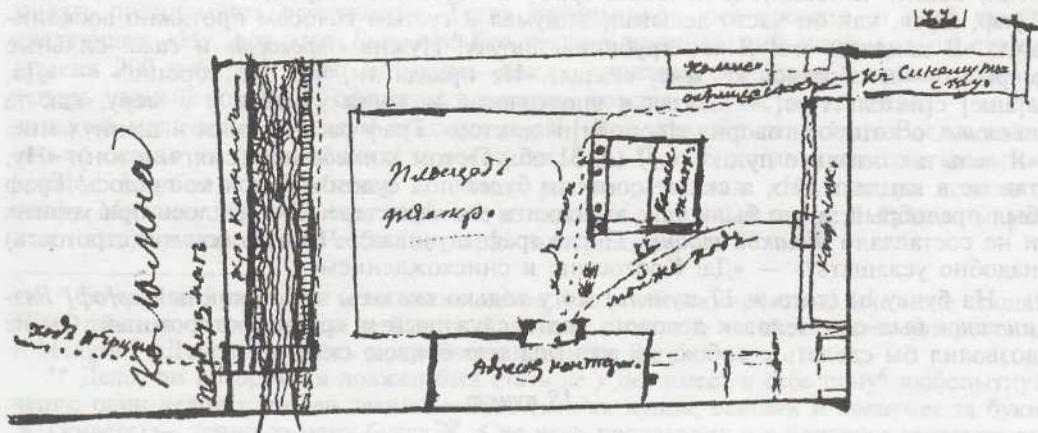
Чтоб ниспровергнуть и разрушить показания Перца, о том, будто в день Семеновской истории я *встретился* с ним у *Поцелуева моста*, я заемлю доказательства<sup>1</sup> // (л. 50) из двух категорий: из *времени* и из *пространства*.

### 1-е доказательство (из времени)

Семеновская история началась с *вечера* и была в *ходу* на другой день *все утро* и долее... Вот в этот-то наканунный вечер я был наипоспешно спрошен к Милорадовичу. Как я его застал, о том имел счастье объяснять изустно пред высокоминистерским Комитетом. Тут я пробыл у него до поздней ночи и назавтра ранним-рано уже был опять<sup>2</sup> у своего же<sup>3</sup> места (т[о] е[сть] у графа); а там на Семеновском плаце, а там опять у графа и целый день, и целую неделю, и целых *две недели*: так, что ложился в 4-м часу ночи, а в 7-м утра уже был за делом. Можно спросить у Алексея Николаевича Бахметьевса: он очень меня знает и тогда бывал вседневен у Милорадовича, называл меня *бессонным* человеком. Мы тогда жили точно на бивуаках: все меры для охранности города были взяты. Через каждые 1/2 часа (сквозь всю ночь) являлись *квартальные*, через каждый час частные<sup>4</sup> пристава привозили донесения изустные и письменные<sup>5</sup>. Раза два в ночь приезжал *Горголи*, отправляли курьеров<sup>6</sup>; беспрестанно рассыпали жандармов, и тревога была страшная; а<sup>7</sup> о *Перце* ничего нигде<sup>8</sup> не слыхали...

### 2-е доказательство (от пространства или места)

Я не упираюсь именно на мелочные местности и проч[ее]. Но как *Перец* указывает место якобы встречи с ним, то я и предлагаю самое местоположение, хотя худо начертанное. // (л. 50 об.)



Я и в обычные дни (не только в<sup>9</sup> день Семеновской истор[ии]) хаживал всегда одним привычным путем из ворот *прямо* или (по линии: aa) на передний угол театра, или (по линии bb)<sup>10</sup> мимо заднего угла на тротуар в конфетную лавку, где пил шоколад по утрам. В том и другом случае чем далее шел от ворот, тем более удалялся от Поцелуева моста. Я хаживал<sup>11</sup> на *Синий мост* и оттуда к Милорадовичу, который жил в доме Колержи. В *Коломну* же (за Поцелуев мост) я в две и три недели не захаживал, ибо у меня тогда никого там знакомых не было. В

1 Далее зачеркнуто: «из двух».

2 Слово «опять» написано на полях.

3 Слово «же» вписано над строкой.

4 Слово «частн[ые]» вписано над строкой.

5 Далее зачеркнуто «Беспре[...]».

6 Слова «раза два в ночь приезжал *Горголи*, отправляли курьеров» вписаны между строк.

7 Слово «а» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.

8 Слово «нигде» вписано над строкой.

9 Слова «не только в» вписаны над строкой вместо зачеркнутого «кром[е]».

10 Далее зачеркнуто: «на».

11 Далее зачеркнуто: «по Офицерской».

день же Семеновской истории я тем менее мог отклоняться в сторону от обыкновенной прямейшей черты.

Итак, если Перец и шел<sup>1</sup> к *Поцелуеву мосту* (конечно, от себя из Коломны) в ту минуту, как я выходил из ворот, то все я не мог с ним, как он говорит, «встретиться», ибо встречаются *те, кои сходятся*, а мы *расходились* и я<sup>2</sup> мог только быть с Перцем как две *параллельные линии*, кои иногда видятся, но никогда не сходятся. // (л. 51)

### Пункт 17-й

В пункте 17-м на<sup>3</sup> зачало под буквою «а» имею честь ответствовать нижеследующее:

У Милорадовича однажды болели глаза. Его лечил *Реньери*. Я жил в это время, под осень, на даче<sup>4</sup> (на Камен[ном] остр[ове]) у Кусовых, имея дозволение некоторое время полечиться. К Милорадовичу же пришел партикулярно, без должности. При мне приехал (кажется, присланный от государыни Мар[ии] Фед[оровны]) врач (после сказали, что это Л.М.Миллер). Граф сел дописывать бумагу к [князю] *Волконскому* (ибо император был в отсутствии); а мне сказал: «Займи врача разговором!» Вот мы и стали говорить о медицине, о фармакопее Я.В.Вилье, которую издавал мой приятель *Ортай*, о применении химии к хозяйству (шапталя) и к медицине и коснулись до *кислот*. Тут доктор сказал, что он получил новый трактат о *кислоте — Acide Prussique*<sup>5</sup> и начал описывать, как остра и едка сия кислота... Тогда Милорадович, вслушиваясь, сказал: «Да на что ж она годится?». — «А, В, С! Когда ее усластят (разбавят), тогда она *преполезное лекарство...*» Вот, немного погодя, вошел чиновник и доложил графу о *садовнике Шереметьеве*, англичанине. Граф, шутя, как он часто делывал, зашумел и густым голосом протяжно воскликнул: «В кандалы его! Я его грубянина проучу! Нужна *строгость и сила*: сильные меры!», — и обратясь ко мне, сказал: «Не правда ли, что это хорошо!» — «Да, в[аше] с[иятельст]во, — сказал я вполголоса, — когда у места и в меру, как та *кислота*, о которой говорил г[осподи]н<sup>6</sup> доктор». Граф расхохотался и шепнул мне: «Я ведь так... только пугаю...» // (л. 51 об.) Потом к чиновнику (смягчив тон): «Ну, так не в кандалы его, а сказать, что он будет под судом!» Тем и кончилось! Граф был предобный, а это были так, выходки в его характере. Сие деялось при многих и не составляло *никакой тайны*. После граф шучивал: «Чтобы *кислоту* (строгость) надобно углащать?» — «Да! Кротостию и снисхождением».

На букву б) (того ж 17 пункта) могу только сказать, что покойный *гр[аф] Вяз-митинов* был сам человек деловой, долго служивый и крайне осторожный. Он не дозволил бы сделать с собою то, что под сею буквою сказано<sup>3</sup>.

### 18 пункт

Перец не потому не ходил ко мне, что<sup>7</sup> будто от меня уклонялся. Но ходил ли бы он<sup>8</sup> или нет, его бы не впустили<sup>9</sup> — ибо я, как уже сказал, не велел его принимать. Он говорит, что потому *не открыл*, что боялся меня, моих связей и проч[ее], и проч[ее]... Меня бояться? Чтоб я стал *теснить, преследовать, угнетать?* Хорошо! Пусть сделают обо мне (по 54 главе *уложения*) большой *повальный обыск*, начиная с *нищих* у Казанского собора, с которыми я знаком, до первых домов в городе, которые меня знают; пусть спросят: *кого я утеснял?* Кого преследовал? Кого обидел с *намерением*? Даже на самых уж тех, которые меня грызли, я не злобствую и в этом нет большой *цены*, ибо нет *труда*, потому что я не могу принудить себя ни *мстить*, ни *ненавидеть*: могу только рассердиться и простить. // (л. 52)

1 Далее зачеркнуто: «от себя».

2 Слово «я» вписано над строкой.

3 Далее зачеркнуто одно слово.

4 Далее зачеркнуто: «у».

5 Синильная кислота (*франц.*).

6 Слово «г[осподи]н» вписано над строкой.

7 Далее зачеркнуто: «укло[...]».

8 Слово «он» вписано над строкой.

9 Слово «впустили» вписано над строкой вместо зачеркнутого «приняли».

Пусть так! Если Перец меня боялся до 1822 года, то в сем году<sup>1</sup>, когда я от масонства отстал (закрыл  ложу), от литераторов и сорбраний (по душевным горестям) удалился\*, когда Милорадович по подспудным действиям ябеды\*\* и взяточности на меня рассердился, когда у меня взяли квартиру, содержание, столовые деньги.., все... Когда я, оттолкнутый, забытый, в нищете, в чужом углу, на чужом хлебе, сидел в загоне, как раздавленная муха, когда мои враги... нет! Врагов я не имею! Когда так... глупые люди (ибо злость есть глупость) распускали обо мне молвы — с одной стороны, что я опасный шпион, и меня уже во многих порядочных домах стали принимать иначе, с другой стороны, — что я (зачитавшись библии) сошел с ума (так, что я должен был ездить по домам, чтоб показываться — о сем можно спросить у Кусовых, Уваровых, у графа Толстого и у сестры графа Милорадовича, которая встретясь со мною у графа Дивиера, глядела на меня со слезами и призналась, что уж посыпала человека проводывать, до какой степени я сошел с ума, как ей о том сказал полковник NN): то вот в такое-то удобное время, кто ж мешал г[осподи]ну Перецу (если было о чем доносить!) пуститься со своим доносом и меня лежачего добить и (по примеру другого некоего господина, скропавшего на меня замысловатый донос) даже выслужиться чрез открытие каких-то ему известных тайнств?.. За что ж он (Перец) говорит, что боялся меня!.. Меня, которого никогда никто не боялся?.. // (л. 52 об.)

О деле корнета Ронова я знаю следующее:

а) В продолжение сует по Семеновск[ой] истории приехал однажды генерал Васильчиков (с ним был адъютант, помнится, Протасов) и разговаривал наедине с графом вверху в<sup>2</sup> его комнате, у камина. Спустя долго, граф кликнул меня и велел подать подписывать подорожные. Тогда Васильчиков уже отходил, и граф сказал следующее: «Ну, вот этот Батурин! Его подбил полицейский шпион, а он стянул с меня 700 рубл[ей], чтоб потчевать ваших уланских офицеров и выведывать. А теперь уланы спокойны, офицеры в истории совсем не участвуют, Ронов — молоденький мальчик, а Синявин оказался прав!.. Вот, как все делается!» Васильчиков что-то сказал на полицейских<sup>3</sup> и расстались<sup>4</sup>. б) После, когда я отвозил бумаги к гр[афу] Кочубею, он, окончив со мною разговор, сказал: «Ну, теперь дождите графу Михаилу Андреевичу, что<sup>5</sup> об известном деле — о корнете Ронове я уже имел счастье донести от себя государю императору».

\* Точно тогда постигла меня такая година, что: «и ближние мои далече мене сташа!» Но я помнил, что Магомет говорит в Алкоране в главе о неизбежности (откровений в Медине): «Довольно иметь покровителем одного бога!»

\*\* Дело, по которому я должен был стать не у дел имеет в себе одну<sup>6</sup> любопытную черту: один человек лишен звания второй гильдии купца, оглашен и потерпел за букву Ж (живете) — точно за одну букву ~~Ж~~. Сие дело производил я с близкого сведения государя императора, а граф Аракчеев рассматривал его, и мне сказали: «Ваше производство сделано по совести, по здравому рассуждку и по законам!» И граф был очень ласков... При таковых случаях, конечно, иногда вспоминаются как бы<sup>7</sup> сами собою некоторые выражения, как например, немецкого философа Зейме: «Установите только правосудие, а благоденствие придет само!» Или сие китайского мудреца Хэнг-Дэн-Фое (кажется, в V книге о народах нравственности): «Благополучна та страна, где тюрьмы пусты, а житницы полны, доктора пешком, а хлебники верхами, где на ступенях<sup>8</sup> храмов божьих толкается народ, а крыльца судилищ заросли травою»<sup>9</sup>.

1 Первоначально было: «сего года».

2 Слово «в» вписано над строкой вместо зачеркнутого «у».

3 Слова «на полицейских» вписаны над строкой.

4 Слова этой фразы сверху помечены цифрами, указывающими порядок прочтения: «Васильчиков» — 1, «что-то» — 3, «сказал» — 2, «на полицейских» — 4, «и расстались» — 5.

5 Далее зачеркнуто: «о деле».

6 Слово «одну» вписано над строкой.

7 Слова «как бы» вписаны над строкой.

8 Первоначально было: «ступени».

9 Слова «толкается народ, а крыльца судилищ заросли травою» вписаны ниже вместо зачеркнутых слов «покрыты грязью (с ног), а крыльца судилищ заросли травою и проч[ее]».

В моей маленькой квартире Перец никогда при мне не бывал в течение нескольких лет. А вскоре после кончины покойного императора вдруг в одно утро явился в моей комнатке. Человек уже забыл давнее приказание и как-то его пропустил. Я был уже готов к выходу, а потому и потому, что Перец непрошенный гость, и не просил его садиться... «Как вы теперь живете?» — сказал он. «А вот как, — и отворил крохотную перегородку. — Я, да две // (л. 53) птички — втроем живем потихоньку...» Он: «Вы точно живете как монах?» Я: «А реи près<sup>1</sup>. Потом он сказал: «Вот и государь нас оставил!». Я рассказал<sup>2</sup> несколько черт, как народ горюет. Потом, кажется, он сказал: «Что-то будет?» А я, помнится, отвечал: «Ожидают государя из Варшавы». — «Да когда-то он будет?» — «Не знаю!» — «Да, как вы думаете, что будет?» — «Я ничего не думаю, а что будет, то будет, что будет, то будет, а будет то, что бог даст!..\* Прощайте, господи! Перец! Я иду!», — и проводил его до двери — два шага... Потом я человека бранил, а он сказал: «Да я, ведь, его и забыл, сколько лет не бывал!» — «Ну, вперед помни, и не пускай!» // (л. 53 об.)

#### На 20-й и последний пункт

Выспрос г[осподи]на Переца у моего лакея точно справедлив. Точно, я провел только часть ночи у себя на 15 декабря. Но вот, как сие было. Когда все уже давно затихло на площади и в казарму конногвардейскую к раненому Милорадовичу, где я проводил день, приходили разные особы и говорили, что все уже кончилось и государь уже во дворце и площадь уже<sup>3</sup> очищена и проч[ее], проч[ее] и когда приехал уже генерал Стрекалов, с которым я разговаривал, то — это было уж поздно вечером — я, взглянув еще раз на графа, который лежал тихо, пожал руку Яворского, который прописывал рецепт, не хотел будить Петрашевского, который от усталости сидя спал, а Пражевскому, Капуновскому, кажется, Махонину<sup>4</sup> и другим чиновникам сказал: «Я зайду теперь домой проведать еще своих хозяев, а там приду к вам ночевать». Они сказали: «Пожалуйте<sup>5</sup>: мы вам mestечко сыщем». Вот и пошел я — площадь вся была обставлена войском, на ней горели огни, я подумал: «Точно военное время». И пришел я в дом Всеволожского уже часу в 12-м, но господа были еще за столом<sup>6</sup> (позже обыкновенного). Встали. Я рассказывал дамам, что знал, а там с самим Всеволожским, ходя по зале, проговорил еще с час, более о Милорадовиче. Домой пришел я уж часу во 2-м и, переменив сапоги, хотел было идти к Милорадовичу. Но человек мне сказал: «От полиции ходили, чтоб запирать все ворота, и по улицам ездят разъезды. Куда ж вам ночью? Ведь конная гвардия далеко!» Я подумал прежде и сказал: «Пожалуйста, разбуди меня часа через два, а много три, я хочу застать еще Милорадовича живого!» // (л. 54)

\* Примеч[ание]. Богдан Хмельницкий около 1654 года<sup>7</sup> в ответ на грозную<sup>8</sup> грамоту Амурата IV, написал на целом листе только сии слова: «Что будет, то будет; что будет, то будет; что будет, то будет...» и, исписавши сим весь лист, в конце поставил: «А будет то, что бог даст!», потом двинул войско, разбросав его<sup>9</sup> конными партиями, перешел границу<sup>10</sup>, зажег (в один день) в сорока местах пожар и разбил турок наголову. Я писал поэму Хмельницкого и его выражение сделалось моим пословицей, о сем знают мои приятели: я говорю ее особенно тогда, когда с кем не хочется разговора плодить, особенно о том, что будет.

1 «Почти» (франц.).

2 Первоначально было: «сказал».

3 Слово «уже» вписано над строкой.

4 Слова «кажется, Махонину» вписаны над строкой.

5 Первоначально было: «Пожалуйста».

6 Далее зачеркнуто: «более».

7 Слова «около 1654 года» вписаны над строкой.

8 Слово «грозную» вписано над строкой.

9 Далее зачеркнуто: «на ко[...]».

10 Слова «перешел границу» вписаны над строкой вместо зачеркнутых слов «вошел в Молдавию».

Вот тут, помолясь, и лег<sup>1</sup>, скинув только мундир. Так я и часто сплю. Часы в 5-м меня разбудили. Я встал, умылся, богу помолился, сварил сам чай (зеленый) на конфорке и, выпив, спросил, встали ль дворники? Сказали: «Да!» И я уже часы в 6-м пошел в казармы к [онной] гвардии. Всходя на лестницу, изумился (туда ли я иду?), что не слышно шуму... Все глухо... Постучал и спросил: «Здесь Милорадович?» На спрос голос ответил<sup>2</sup>: «Милорадович приказав уже<sup>3</sup> долго жить!» Это было не неожиданно, но я<sup>4</sup> очень тронулся. «Где он?» — «Перенесли в его дом». Я и побежал. При входе в первых комнатах встретился я и поговорил с минутку с полковником Хатовым. Засим вошел в траурную комнату. Покойный уже лежал на столе, как живой. Я подошел, поклонился, поцеловал руку и зарыдал... Мне вспомнились те счастливейшие минуты его цветущей жизни и моего детства, когда я, прия к нему еще мальчиком (из корпусу по 14-му году)<sup>5</sup>, возрастил при нем постепенно, как и<sup>6</sup> его слава... Когда я видел<sup>7</sup> сего героя, сего верного слугу, который служил и прямил государю, блестящим в лучших обществах Польши, бессстрашным на войне, с умом, который не всегда показывал, но которому иногда очень удивлялись, с детским сердцем, веселым на волшебных празднествах, которые давал среди оружия и в поле, и с тою безоблачною душою, каковой уже не видела в нем столица сия... И теперь плачу! А тогда при<sup>8</sup> теле его я чувствовал, что все нервы во мне тряслись, все жилы ходили!.. Не понимаю! Ужели и здесь нашла клевета место углубить свое всепроникающее жало!!!

Чтоб объяснить встречу в магазине Плавильщика я должен прежде сказать нижеследующее: после того незабвенного для меня<sup>9</sup> события, как государь император изволил осенить меня своею милостию, я тотчас из дворца пошел к военному губернатору. В кабинете е[го] в[ысо]копр[евосходительст]ва был тогда Д.П.Позняк. Павел Васильевич изволил разговаривать со мною кротко и благоволительно, и я ему сказал точно сии слова: // (л. 54 об.) «Ваше высокопревосходительство! Я с злоумышленниками никогда не был, но, находясь на<sup>10</sup> таком месте, с которого видно было зло, я скорбел душою и часто вопил\* против ябеды и<sup>11</sup> злоупотреблений». На сие его высокопревосходительство изволил сказать: «Это хорошо... Это почтенно...» Вот эти слова остались у меня в памяти, и я, рассказывая о милости государя (ибо всемилостивейший сказал: «Ты можешь рассказывать...»), говорил и о сих словах и в доме г[оспод] Лихонина, душевно преданных Павлу Васильевичу, и в других почтенных домах, как о речах, сказанных при третьем лице (при Позняке), и просто, не за секрет. Я говорил, истинно думая сделать сим более похвалу характеру, основанному на одной прямизне<sup>12</sup> и русскому правдолюбию Павла Васильевича. Если я в сем провинился, то прошу всеубедительнейше у его высокопревосходительства простить меня, ибо я, умея ценить достоинство людей, очень буду скорбеть, если невольно, по сущему неведению, прогневил мужа, издавна мною уважаемого!..

Теперь о *Перце*. На другое утро после как я<sup>4</sup> был во дворце, он уж являлся у меня. Я тогда лежал еще в постели... Человек сказал: «Перец!». Я сказал: «Зачем пустил?» — «Пришел наведаться, как вы здоровы?» — «Скажи, что я не могу его

\* Ябеда сама, в своем имени вопиет нам, что она беда: я — беда! Так как же не вопиять, как и она, против нее?!

<sup>1</sup> Далее зачеркнуто: «не».

<sup>2</sup> Слова «На спрос голос ответил» вписаны над строкой.

<sup>3</sup> Слово «уже» вписано над строкой.

<sup>4</sup> Далее зачеркнуто одно слово.

<sup>5</sup> Далее зачеркнуто: «нравственно».

<sup>6</sup> Слово «и» вписано над строкой.

<sup>7</sup> Первоначально было: «видя».

<sup>8</sup> Далее зачеркнуто: «теле».

<sup>9</sup> Слова «для меня» вписаны над строкой.

<sup>10</sup> Слово «на» вписано над строкой вместо зачеркнутого «при».

<sup>11</sup> Слова «ябеды и» вписаны над строкой.

<sup>12</sup> Слова «основанному на одной прямизне» вписаны над строкой.

принять!» Вот Перец как пришел, так и ушел! А после, уж чрез изрядное время я вхожу к Плавильщикову, аж *Перец* тут! И ко мне: «Я у вас был — да не приняли!» и с вопросами: «Вас возили во дворец! Ну, скажите, что там было?» Я, видя, что тут были знакомые лица, говорил вслух о милости моего государя, о том, что был после у военного губернатора и что он не опорочил моих слов насчет злоупотреблений, ибо о моем воевании с крючками в свое время многие<sup>1</sup> знали: мне случилось некогда и самого хозяина лавки (или книж[ного] магазина)<sup>2</sup> вызволить, когда его раз прижали... Я с Перецем тотчас развязался и не говорил и пяти минут, а стал смотреть новые книги и заговорил с другими, а он ушел. Вот и о магазейне все и о Переце!.. // (л. 55)

Но что он, сей Перец? Если сам чем провинился, думает ли обезвинить себя обвинением меня? Что значит эти встречи не при ком? Эта ловля слов? Это толкование<sup>3</sup> полуизречений? Эти посещения без зову? Зачем он, как некое таинственное существо, ходил по следам моим? Зачем<sup>4</sup> как провещая комета являлся *по временным* на скудном горизонте моего гражданского бытия?! Да! Все показывает, что мы уже далеки от тех добронравных времен наших отцов, когда ни проговориться, ни проповиниться не страшно было! Когда полагали за великую добродетель покрыть грех близкого<sup>5</sup>... *Писание* говорит: «Настанет время лукавое, когда человек будет следить человека, дабы уловить стопы его в сеть!» Теперь-то начинаю я видеть, отчего можно сделаться *холодным эгоистом*: жить только с собою и *про себя*; а мне всегда так противно казалось это состояние!.. Но я знаю, я уверен, что *часть* не может поколебать *целого!* Что значит эти предприятия? Вспышки воспаленных мечтаний!.. Россия тверда! Россия крепка! Россия — луна! Ибо наше отчество составляет  $\frac{1}{7}$  долю земли, а луна в семь крат менее нашей планеты.

Я представляю себе *Россию*, как некую могучую жену, спокойно, вопреки всего, почивающую. В головах у ней — вместо подушки — Кавказ, ногами — плещет в Балтийском море, правая рука закинута на хребет Урала, а левая — простертая за Вислу — грозит перстом Европе!.. Я знаю, я уверен, что превращать древнее течение вещей есть то же, что совать персты в мельничное колесо: персты отлетят, а колесо все идет своим ходом... Вот моя политическая вера! Вот мои мысли! Вот мои чувства!

В последний раз явления моего пред Комитетом, когда я вышел из тесного каземата, свежий воздух и красивый день порадовал и утомил мои чувства; притом же неизвестность о предметах вопрошания, а потому я не мог ответствовать столь светло как бы того желал. Духом я поконен, но тело — все тело!.. Ныне же написал наилучшее и все (кроме одной странички) *прямо набело*. // (л. 55 об.)

Странное уединение *каземата* придает некую одичалость нраву, отъемля у него ту мягкость, которую дает свежее дыхание и вид и движение живого гражданского мира, а посему я и прошу наилучшее простить меня великодушно в том, что может найтись *неловкого* в сих листах и приписать сие *единственно* моему несчастному положению... Бог милует милующих и отпускает отпускающим!..

Я обращаюсь к высокопочтеннейшему председателю, яко верному и давнему слуге престола и Отечества и мужу благосердному! Я припадаю к светлой душе порфирородного брата моего государя! Я взываю к иным членам, или отличенным делами добра и правды, или стяжавшим воинскую славу с *венценосным* сослуживцем, к сим вождям, коих дел и подвигов и я, скучный, был или свидетелем или изобразителем для дальних родов<sup>6</sup> (я имел честь описывать (некоторые)<sup>7</sup> подвиги [господ] Дибича, А.И.Чернышева и г[енера]ла Бенкендорфа). Я прошу их судить меня по их рыцарской чести и не по букве, а *по сердцу!*

1 Слово «многие» вписано над строкой.

2 Далее зачеркнуто: «помочь».

3 Первоначально было: «толкованием».

4 Далее зачеркнуто одно слово.

5 Слова «было! Когда полагали за великую добродетель покрыть грех близкого...» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова «было».

6 Слово «родов» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.

7 Слово «(некоторые)» вписано над строкой.

Засим кладу мою голову ко стопам вселюбезнейшего государя нашего и с полным чувством глубочайшей покорности погружаюсь в его милосердие!

Федор Глинка, полковник, состоящий по армии<sup>1</sup>

1826 года апреля 7-го дня

В крепости св[ятых] Пет[ра] и Пав[ла]

Каземат №

*В IV неделю по заключении и на VI велик[ого] поста*

*В среду*

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 56)